

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

LOMONOSOV
PHILOLOGY
JOURNAL

Lomonosov Philology Journal

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FIVE

SEPTEMBER– OCTOBER

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2026

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 5

СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **МУХАЧЁВА Ирина Валерьевна**, к.ф.н., преподаватель кафедры русского языка МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Алексей Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **РАЗЛОГОВА Елена Эмильевна**, д.ф.н., профессор кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЗЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); **БАКЕС Жан-Луи** (Jean-Louis Backès), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Ун-т Париж IV); **ВРАНЕШ Бранко** (Branko Vraneš), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **ДАЙ Гуйцзюй** (Dai Guiju), PhD, профессор (КНР, Пекинский ун-т иностранных языков); **ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич**, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); **ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна** (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); **КОЛЛАРОВА Эва** (Eva Kollárová), PhD, профессор (Словакия, «Русский язык в центре Европы»); **ЛЕБЕРС Даниэль** (Daniel Leuwers), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, ун-т г. Тур); **МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна** (Biljana Mirchevska Bosheva), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия); **МИРКУРБАНОВ Насирулла Мирсултанович** (Nasirulla Mirkurbanov), к.ф.н., профессор (Узбекистан, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбек); **ПЕНЧЕВА Антония Иванова**, д.ф.н., доцент (Болгария, УНСС); **ПЕТРУХИНА Наталья Михайловна**, д.ф.н., профессор (Узбекистан, Узбекский государственный ун-т мировых языков); **ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович**, д.ф.н., профессор, чл.-корр. РАН (Россия, ИМЛИ РАН); **РОВДО Иван Семенович** (Ivan Rovdo), д.ф.н., профессор (Белоруссия, БГУ); **РЫЧКОВА Людмила Васильевна**, к.ф.н., профессор (Гродненский ГУ, Белоруссия); **СОКОЛОГОРСКАЯ Ирен** (Irène Sokologorsky), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Париж VIII); **СУВАЙДЖИЧ Бошко** (Boško Suvajdzic), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **СУЛЕЙМЕНОВА Элеонора Дюсеновна**, д.ф.н., профессор (Казахстан, президент Казахстанской ассоциации рус. яз. и лит.); **ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич**, д.ф.н., профессор (Донецкий национальный университет); **УХЛИК Младен** (Mladen Uhlík), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны); **ЦРВЕНКОВСКА Эмилия** (Emilija Crvenkovska), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия)

Редактор *Т.А. Пирусская*

© Издательство Московского университета, 2026
© «Вестник Московского университета», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ. ЛИНГВИСТИКА

- Волошина О.А.* Словари лингвистических терминов начала XX в. как отражение направлений развития отечественной науки о языке 9
- Николина Н.А., Петрова З.Ю., Фатеева Н.А.* Метафорические конструкции идентификации с Я-субъектом в русской поэзии 23
- Чжао Пэнсян.* К истории правописания сложных предлогов *из-за, из-под*. 40
- Иванов И.Д.* «Служение» и «жертвенность» в русской традиции: лингвокультурологический аспект в обучении иностранных богословов русскому языку как иностранному 50
- Белоглазова Е.В.* Русизмы в англоязычном эзекуюльтуроцентрическом дискурсе 65
- Захарченко А.О., Беликов А.Е.* Принципы организации *oratio recta* в *Bellum Gallicum* Цезаря (VII 77) 77

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Матвеевко Е.А.* Переводы «Метаморфоз» Овидия в синодальных делах Петровской эпохи 89
- Сыроватская Т.П.* Средства выражения идеологии автора в научно-популярном тексте исторической тематики (на материале книги А.А. Васькина «Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям») 101

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Кривонос В.Ш.* Сюжет превращения в «Современной идиллии» М.Е. Салтыкова-Щедрина 113
- Ранчин А.М.* Ветхозаветные прообразы в борисоглебской агиографии: Иосиф, Вениамин, Давид 123
- Германова Н.Н.* Вклад историков литературы в формирование этнокультурной идентичности британцев в конце XVIII — начале XIX вв.: Т. Уортон, Дж. Эллис, Ш. Тернер, Б. Торп 137
- Королева А.Л.* «Со стволами синими, как оттенок индиго»: о некоторых особенностях онирического пейзажа в среднеанглийской поэме «Жемчужина» 147

<i>Прохоров Г.С.</i> Борис Пильняк и производственный роман: о пределах стилизации жанра	156
<i>Ли Мэнья.</i> Судопроизводство и литература: юриспруденция в прозе Л.Н. Андреева	166
<i>Октябрьская О.С.</i> Фронтовые очерки А.П. Гайдара: проблематика и жанровое своеобразие	174
<i>Пирусская Т.А.</i> «Загадочность облака». Опыт перевода на русский язык поэзии Константы Ильдефонса Галчинского	184
<i>Киреева Н.В.</i> «Флаг на заре» Роберта Стоуна и контексты лирики Эмили Дикинсон: поэтические мотивы в прозаическом тексте . .	193

РЕЦЕНЗИИ

<i>Ивинский Д.П.</i> В преддверии Пушкинской эпохи: Карамзин и его «Вестник Европы». Рецензия на книгу: Кафанова О.Б. Переводы Н.М. Карамзина в «Вестнике Европы». Контент, философия, поэтика. СПб.: Алетейя, 2024. 504 с.	202
<i>Бирюков С.Е.</i> Рецензия на книгу: Парнис А.Е. Остров Хлебникова: материалы к творческой биографии поэта. М.: Три квадрата, 2026, 452 с.	210

CONTENTS

ARTICLES. LINGUISTICS

- Voloshina O.A.* Dictionaries of Linguistic Terms of the Early 20th Century as a Reflection of the Directions of Development in the National Science of Language 9
- Nikolina N.A., Petrova Z.Yu., Fateeva N.A.* Metaphorical Identification Constructions with I-subject in Russian Poetry 23
- Zhao Pengxiang.* On the History of Spelling of Complex Prepositions *uz-3a, uz-nod* 40
- Ivanov I.D.* “Ministry” and “Self-Sacrifice” in the Russian Tradition: The Linguocultural Aspect of Teaching Russian as a Foreign Language to International Theology Students 50
- Beloglazova E.V.* Russianisms in the English Exoculture-Centered Discourse 65
- Zakharchenko A.O., Belikov A.E.* Principles of Organization of *oratio recta* in Caesar’s *Bellum Gallicum* (VII 77) 77

MATERIALS AND CONFERENCE PAPERS

- Matveenkov E.A.* Translations of Ovid’s *Metamorphoses* in Synodal Records of the Petrine Era 89
- Syrovatskaya T.P.* Linguistic Means of Expressing the Author’s Ideology in a Popular History Text (Based on A.A. Vaskin’s Book “Stalin’s Skyscrapers: From the Palace of the Soviets to the High-Rise Buildings”) 101

LITERARY CRITICISM

- Krivosos V. Sh.* The Plot of Transformation in M.E. Saltykov-Shedrin’s “Modern Idyll” 113
- Ranchin A.M.* Old Testament Prototypes in Borisoglebian Hagiography: Joseph, Benjamin, David 123
- Guermanova N.N.* The Contribution of Literary Historians to the Formation of British Ethnocultural Identity at the End of the 18th — the Beginning of the 19th Centuries: Th. Warton, G. Ellis, Sh. Turner, B. Thorpe 137

<i>Koroleva A.L.</i> “With the Trunks as Blue as the Color of Indigo”: On Some Features of the Vision Landscape in the Middle English Poem “Pearl”	147
<i>Prokhorov G.S.</i> Boris Pilnyak and the Soviet Industrial Novel: On Limits of Genre Stylization	156
<i>Li Mengya.</i> Law and Literature: Legal Practice in Literary Works of L.N. Andreev	166
<i>Oktyabrskaya O.S.</i> A.P. Gaidar’s Frontline Essays: Problems and Genre Characteristics	174
<i>Pirusskaya T.A.</i> “As Enigmatic as a Cloud.” The Difficulties of Translating Konstanty Ildefons Gałczyński’s Poetry into Russian	184
<i>Kireeva N.V.</i> Robert Stone’s <i>A Flag for Sunrise</i> and the Contexts of Emily Dickinson’s Poetry: Poetic Motifs in Prose	193

REVIEWS

<i>Ivinskiy D.P.</i> On the Threshold of the Pushkin Era: Karamzin and His <i>Bulletin of Europe</i> . Book Review: Kafanova O.B. Translations of N.M. Karamzin in the <i>Bulletin of Europe</i> . Content, Philosophy, Poetics. St. Petersburg, Aletya Publ., 2024. 504 p.	202
<i>Biryukov S.E.</i> Review of the book: Parnis A.E. Khlebnikov’s Island: Materials for the Poet’s Creative Biography. Moscow, Tri Kvadrata Publ., 2026, 452 p.	210

СТАТЬИ. ЛИНГВИСТИКА

СЛОВАРИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ НАЧАЛА XX в. КАК ОТРАЖЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

О.А. Волошина

Совместный университет МГУ-ППИ, Китай, Шэньчжень; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; oxanav2005@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются словари лингвистических терминов первой половины XX в., а именно *Грамматический словарь* Н.Н. Дурново (1924 г.), *Словарь лингвистических и литературоведческих терминов* Е.Д. Поливанова (1935–1938 гг.) и неопубликованный проект «Об организации издания “Лингвистической энциклопедии” (докладная записка)» Р.О. Шор (начало 30-х годов). Задачей статьи является сопоставительный анализ выбранных словарей, которые демонстрируют основные направления развития отечественной науки о языке: словарь Н.Н. Дурново отражает понятийно-терминологическую базу формальной фортунатовской школы, словарь Е.Д. Поливанова представляет становление терминосистемы фонологии, а проект словаря Р.О. Шор вводит термины положений марксистского учения о языке (с опорой на идеолога классового подхода к описанию языка Н.Я. Марра).

В начале XX века полифония разных направлений развития знаний о языке наблюдалась не только в рамках традиционного языкознания (сравнительно-исторического индоевропейского языкознания), но также в отечественной лингвистике, а именно: складывалась формальная (грамматическая) школа Ф.Ф. Фортунатова и учение о фонеме И.А. Бодуэна де Куртенэ, велась борьба нового «марксистского» языкознания со «старой» академической наукой о языке. Задача создания терминологических словарей оказалась особенно актуальной во время смены научной парадигмы, в период формирования новых направлений в науке.

Анализ словарей лингвистической терминологии начала XX века позволяет продемонстрировать направления развития отечественной науки о языке, предопределившие образование новых лингвистических школ, вектор развития отечественной лингвистики XX века. Кроме того, словник и дефиниции лингвистических терминов конкретного словаря дают возможность представить научный идиолект автора-составителя этого словаря.

Ключевые слова: словари лингвистических терминов; понятийно-терминологическая база; научное направление; формальная грамматическая школа; фонология

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-1

Для цитирования: Волошина О.А. Словари лингвистических терминов начала XX в. как отражение направлений развития отечественной науки о языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 9–22.

DICTIONARIES OF LINGUISTIC TERMS OF THE EARLY 20th CENTURY AS A REFLECTION OF THE DIRECTIONS OF DEVELOPMENT IN THE NATIONAL SCIENCE OF LANGUAGE

Oxana A. Voloshina

*Shenzhen MSU-BIT University, China, Shenzhen; Lomonosov Moscow State University; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
oxanav2005@mail.ru*

Abstract: The article examines dictionaries of linguistic terms of the first half of the 20th century, namely the Grammatical Dictionary of N.N. Durnovo (1924), the Dictionary of Linguistic and Literary Terms by E.D. Polivanov (1935–1938) and the unpublished project “On the Organization of the Publication of the Linguistic Encyclopedia (Memorandum)” by R.O. Shor (early 30s). The purpose of the article is a comparative analysis of selected dictionaries that demonstrate the main directions of the development of Russian language science: N.N. Durnovo’s dictionary reflects the conceptual and terminological base of the formal Fortunatov school, E.D. Polivanov’s dictionary represents the formation of the terminological system of the phonological school, and R.O. Shor’s dictionary project introduces the terms of the provisions of the Marxist doctrine of language (based on the ideologist of the class approach to the description of language, N.J. Marr).

At the beginning of the 20th century, the polyphony of different directions in the development of language knowledge was observed not only within the framework of traditional linguistics (comparative Indo-European linguistics or the school of formal grammar), but phonological schools were formed within the framework of Russian linguistics, and a fierce struggle was waged between the new Marxist linguistics and the “old” academic science of language. The task of creating terminological dictionaries turned out to be especially relevant during the change of the scientific paradigm, and during the formation of new directions in science.

The analysis of dictionaries of linguistic terminology of the early 20th century allows us to demonstrate the directions of development in the national science of language, which predetermined the formation of linguistic schools, the vector of scientific development of the 20th-century national linguistics. In addition, the list and definitions of linguistic terms of a particular dictionary allow us to present the scientific idiolect of the author of this dictionary.

Keywords: dictionaries of linguistic terms; conceptual and terminological base; scientific direction; formal grammar school; phonology

For citation: Voloshina O.A. (2026) Dictionaries of Linguistic Terms of the Early 20th Century as a Reflection of the Directions of Development in the National Science of Language. *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 9–22.

Словарь лингвистических терминов, составленный конкретным автором или коллективом авторов, отражает понятийно-терминологическую систему представляемого создателями словаря научного направления [Волошина 2026: 43]. Сопоставительный анализ словарей лингвистических терминов первой половины XX века не только позволяет проследить этапы развития науки о языке, смену научной парадигмы, но и демонстрирует возможности переосмысления понятийного содержания старых терминов в контексте новых терминосистем, задающих пути развития науки. Задачей статьи является сравнение фрагментов понятийно-терминологических систем, представленных в отечественных словарях лингвистических терминов первой половины XX в.

Предлагаемый обзор не претендует, конечно, на полноту, материал выбранных словарей приводится в разном объеме, отбор словарей позволяет представить концепцию научной школы или «синхронного» среза в развитии отечественной науки о языке. Для анализа развития научной теории в трудах отечественных лингвистов первой трети XX в. были выбраны «Грамматический словарь» Н.Н. Дурново (1924), «Словарь лингвистических и литературоведческих терминов» Е.Д. Поливанова (1935–1938 гг. — архивная публикация 1991 года), а также неопубликованный проект «Об организации издания “Лингвистической энциклопедии” (докладная записка)» Р.О. Шор (начало 30-х годов).

Словарь лингвистической терминологии решает задачу унификации понятийно-терминологического аппарата на определенном этапе развития научного знания. Научная терминология время от времени подвергается ревизии специалистов, пытающихся выстроить более-менее стройную систему понятийно-терминологического аппарата, соответствующего современной науке. Особенно актуальна задача составления новых терминологических словарей во время смены научной парадигмы, становления нового направления в науке. Формирующаяся терминосистема либо отвергает старые термины как не соответствующие новым научным понятиям, либо организует и структурирует эти термины, пытаясь найти место каждому понятию в жесткой понятийно-терминологической системе.

В начале XX века на смену старым научным теориям, в частности сравнительно-историческому языкознанию, пришла новая лингвистика, то есть произошла теоретическая и методологическая переориентация науки о языке, что потребовало, разумеется, ревизии старой терминологии и формирования нового понятийно-терминологического аппарата. В этом контексте насущной задачей стало создание словаря лингвистических терминов — такие словари были разработаны, в частности, Н.Н. Дурново и Е.Д. Поливановым¹. Сопоставление этих словарей показывает разные пути развития отечественной науки, кроме того, принципы составления словаря лингвистических терминов, а именно отбор лексем для словника (перечень терминов) и формулировки дефиниций, демонстрируют идиолект конкретного ученого — составителя словаря².

«Грамматический словарь: грамматические и лингвистические термины» Н.Н. Дурново (1924)³ отражает понятийно-терминологическую базу формальной школы отечественного языкознания, основы которой были заложены в лекционных курсах и публикациях Ф.Ф. Фортунатова. Подзаголовок словаря противопоставляет *грамматические* и *лингвистические термины*, то есть собственно *грамматические* (термины формальной школы) и все остальные — *лингвистические* (а именно общелингвистические, например фонетические) термины, что подчеркивает важнейшую роль формирования *грамматики* как «учения о формах языка» [Дурново 1924: 137], в рамках которого представлены *морфология* — «учение о формах отдельных слов» [Дурново 1924: 64] и *синтаксис* — «отдел грамматики, содержащий учение о формах словосочетаний» [Дурново 1924: 101]. Понятие *грамматической формы слова* оказывается центральным для формирования нового формального направления в отечественном языкознании.

¹ Над словарем лингвистических и литературоведческих терминов Поливанов работал в 1935–1938 гг., однако этот текст остался неопубликованным и увидел свет лишь в 1991 году.

² Чрезвычайно интересной задачей, на наш взгляд, является лексикографическое описание языковой личности выдающихся ученых, таких как Ф.Ф. Фортунатов, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н. Крушевский, Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба и др., потому что анализ лексики и стилистики их научных сочинений позволяет говорить о личном вкладе этих ученых в развитие языка науки, а также об особенностях становления авторского стиля. Литературоведы исследуют язык писателей и поэтов, анализируют ключевые слова, композиционные особенности и т.п. художественных произведений, но не менее интересным оказывается лингвистический и стилистический анализ научных текстов отечественных ученых. В частности, особого внимания заслуживает научная метафора в их сочинениях.

³ Впервые словарь увидел свет в 1924 г., в 2001 г. был переиздан под редакцией О.В. Никитина.

Очевидно, в словаре Н.Н. Дурново важнейшим для понятийно-терминологической системы формальной школы является термин *форма* (*грамматическая*), на котором последовательно выстраиваются производные термины, называющие важные понятия формальной школы: *формальное значение*, *формальная грамматика*, *формальная школа* и др. [Дурново 1924: 133–138].

Н.Н. Дурново приводит дефиницию понятия *грамматической формы*, цитируя Ф.Ф. Фортунатова: «Фортунатов определяет грамматическую форму отдельных слов как “способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова”... При этом основная и формальная принадлежности могут выделяться в отдельном слове, и, таким образом, самое слово может сознаться как имеющее форму только в том случае, если та же основная принадлежность с тем же значением имеется и в других словах с другими формальными принадлежностями, и та же формальная принадлежность с тем же формальным значением имеется и в других словах с другими основными принадлежностями» [Дурново 1924: 116]. Иными словами, вычленение формальных показателей основывается на повторяемости элементов (морфем), несущих определенное значение: лексическое значение корня (основы) и грамматическое значение флексии. Например, *пашу*, *пашем*, *пашет* и т. п., где *паш-* — основная принадлежность, а *-у*, *-ем*, *-ет* — формальная.

На понятии формы слова основано описание в словаре частей речи как грамматических классов слов. Поскольку традиционная грамматика выделяет части речи на основании смешанных критериев — грамматических и неграмматических, — последователи Ф.Ф. Фортунатова предлагают противопоставлять собственно части речи и грамматические классы слов, что нашло отражение в словаре Н.Н. Дурново. Так, *грамматический класс* — это набор слов, «объединенных общими грамматическими признаками» [Дурново 1924: 39], поэтому «в тесном смысле глаголом называется только грамматическая категория спрягаемых слов» [Дурново 1924: 28]. Аналогично «*имя* — в грамматике — склоняемое слово, то есть слово, изменяющееся по падежам» [Дурново 1924: 49], или *прилагательное* — «слово, имеющее формы согласования в роде, числе и падеже, и обозначающее признак предмета, обозначенного тем существительным, с которым оно согласовано» [Дурново 1924: 91]. Однако с учетом не только грамматических, но и семантических критериев, к глаголу, например, принято относить неспрягаемые формы глагола (инфинитивы, причастия и деепричастия), то есть слова, которые обозначают глагольные признаки и «сохраняют управление глагола», например, *люблю книгу*, *любит книгу*, *любящий*

книгу, но любитель книги, любовь к книге и пр. [Дурново 1924: 29]. Тогда как *глагольные слова* Дурново (со ссылкой на Фортунатова) определяет как «слова, которые обозначают глагольные признаки, то есть признаки, представляемые в их изменениях во времени, иными словами, действия и состояния, или вещи, как вместилища таких признаков», например *хождение, носитель* и др. [Дурново 1924: 30].

Грамматические термины в словаре систематизированы, тогда как лингвистические (термины других разделов науки о языке, например фонетические; или термины сравнительно-исторического языкознания: *родство языков, праязык, фонетический закон* и др.) плохо структурированы, представлены многочисленными синонимами, дефиниции которых встречаются в разных частях словаря. Так, термин *щелевые согласные* имеет синонимичные обозначения: *фрикативные, спиранты и проточные согласные*.

Лингвистические термины в словаре оцениваются в контексте предшествующей научной парадигмы (компаративистики), их место в понятийной структуре новой формальной школы пока еще не определено (фонология лишь формировалась в рамках фонологической отечественной школы), поэтому, в частности, фонетике Н.Н. Дурново дает следующее определение «*Фонетика — учение о звуковом составе отдельных языков и о фонетических изменениях звуков в истории этих языков*» [Дурново 1924: 121]. Дурново не может обойти важный для лингвистики начала XX века термин *фонема*, но, как и другие представители фортунатовской школы, не принимает представление о фонеме как *психическом эквиваленте звука*. Н.Н. Дурново пишет: «*Фонема — термин, употребляемый некоторыми учеными, между прочим Бодуэном де Куртенэ и др., в значении представления звука речи как психического эквивалента произносимого звука...* Представляя некоторые удобства в тех случаях, когда приходится иметь дело с психическими факторами звуковых явлений, понятие *Фонемы* неприменимо к явлениям в области звуков, вызванным акустическими и физиологическими причинами» [Дурново 1924: 121].

Формальная школа, сделавшая акцент на исследовании формы языковых единиц, не могла выдвинуть понятийной базы для описания семантики, поэтому в словаре Н.Н. Дурново *семасиология* — «учение о значениях слов независимо от способов звукового выражения этих значений», как отмечает автор, «принадлежит к числу наименее разработанных отделов науки о языке» [Дурново 1924: 101].

Очевидно, что акцент в словаре сделан на терминах, формирующих понятийную базу фортунатовской формальной школы, тогда как концепции других ученых, несомненно, автору известные, представлены фрагментарно, часто в критическом ключе.

«Словарь лингвистических и литературоведческих терминов» Е.Д. Поливанова базировался на иных теоретических принципах и методах исследования языка, разработанных петербургской (ленинградской) школой отечественной лингвистики (направление науки о языке, заложенное И.А. Бодуэном де Куртенэ и развиваемое его учениками — представителями казанской школы, Л.В. Щербой, Е.Д. Поливановым и др.).

Анализ словника показывает, что автор стремится выстроить четкую понятийно-терминологическую базу современной ему науки, редко включает в словарь термины, отражающие понятия и методы классического сравнительно-исторического языкознания, но преимущественно опирается на самую передовую область современной лингвистики — фонетику (причем наряду с фонетическими терминами в словаре уже в полной мере находит отражение представление о фонеме, сформулированное учителем Е.Д. Поливанова И.А. Бодуэном де Куртенэ).

Еще И.А. Бодуэн де Куртенэ считал важнейшей задачей структурирование терминологии в строгом соответствии с научными понятиями. Терминологический хаос и смешение научных понятий он признавал страшной бедой науки⁴ и выступал за ревизию терминологии, предлагая отказываться от неудачных терминов⁵ и вводить новые, необходимые для упорядочения научной теории и дальнейшего ее развития. Так, Бодуэн описывает состав языкознания как науки, в рамках которой выделяются самостоятельные области, —

⁴ «К сожалению, благодаря своеобразному усердию средних школ, головы их признанных “зрелыми” воспитанников засорены по части языковедения таким якобы научным хламом, что прежде, чем вводить в эти головы “здравую научную пищу”, приходится первым делом произвести их основательную очистку и дезинфекцию от всего этого сора, накопившегося в них в течение восьмилетнего обучения» [Бодуэн де Куртенэ 2010: 5]. Или: «Вообще же польза от грамматических учебников разных языков, изучаемых в средних школах, не только нулевая, но даже просто отрицательная, со знаком — /минус/» [Бодуэн де Куртенэ 2010: 40].

⁵ Некоторые термины Бодуэн считает неудачными, так как, по его мнению, они называют не реально существующие лингвистические объекты, а фиктивные, что приводит к неточности употребления терминов и понятийно-терминологической путанице. Так, он пишет: «Звук языка, как его действительный элемент, есть чистейшая фикция, ученое измышление, возникшее благодаря смешению понятий и постановке мгновенно появляющегося, преходящего вместо постоянно существующего. Существует и непрерывно продолжается в индивидуальной психике представление звуковой единицы, называемой обыкновенно “звуком языка”. Произнесение звука, сопряженные с этим мускульные ощущения, равно как и являющееся результатом произнесения акустическое впечатление есть не что иное, как знак того, что в нашей психике существует соответствующее звуковое представление. Это постоянно в нашей психике существующее представление “звука”, т. е. одновременного сложного комплекса произносительных работ и получаемых от этого впечатлений, мы будем называть *фонемой*» [Бодуэн де Куртенэ 2010: 13].

эта классификация представляет лингвистику как стройную дисциплину, каждый раздел которой имеет свою задачу и работает на определенном языковом материале точными научными методами [Бодуэн де Куртенэ 1963: 47–77].

Как известно, именно Бодуэн ввел в научный обиход предложенный Н. Крушевским термин *фонема*, заложив основы фонологии как новой лингвистической дисциплины. Бодуэн активно выступал за принятие термина *морфема* и *морфология* (вместо термина *этимология*, за которым предлагал закрепить другое значение⁶), что позволяло противопоставить статический (*морфология*) и динамический (*этимология*) аспект изучения слова, и за упорядочение терминов, обозначающих типы аффиксов (в частности, предлагал вместо термина *суффикс*⁸ ввести термин *постфикс*, наряду с уже имеющимся термином *префикс*) и т. п.

Будучи учеником И.А. Бодуэна де Куртенэ, Е.Д. Поливанов продолжает деятельность своего учителя по систематизации научной терминологии. Не удивительно, что Поливанов часто ссылается на Бодуэна, когда определяет введенный учителем термин или приводит мнение Бодуэна об уже принятых наукой терминах⁹. Например, «*Акусма* — интернациональный общелингвистический (общефонетический)¹⁰ термин из “психофонетической” терминологии

⁶ В «Пробной программе лекций в 1877–78 уч. году» (1978) Бодуэн предлагал противопоставлять «принцип морфологический (статическо-морфологический)» и «принцип этимологический (динамическо-морфологический)» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 113].

⁷ В конце XIX века *этимологией* традиционно в грамматиках назывался раздел, посвященный описанию типов склонения существительных и спряжения глаголов (еще у Боппа формы спряжения глагола рассматривались с точки зрения происхождения от двух типов корней). Однако этот раздел грамматики, как правило, вовсе не претендовал на изложение истории возникновения форм, а фиксировал состояние грамматических форм определенного времени, то есть это был статический аспект, для которого Бодуэн и предложил термин *морфология*. *Этимологией* же стали называть дисциплину, задачей которой являлось установление первоначальной формы и искомого значения слова (именно в этом значении термин используется в названии специальных этимологических словарей).

⁸ Термин *аффикс* (от лат. *affixus* — *прикрепленный, фиксированный*) используется для обозначения некорневой морфемы, положение которой фиксировано относительно корня: так, *префикс* (от лат. *praefixum* *прикрепленный перед*), *постфикс* (от лат. *postfixum* *прикрепленный после*), а суффикс (от лат. *suffixus* *прикрепленный снизу, подставленный*), по мнению Бодуэна, назван неудачно, т.к. не очень понятно, как понимать эту позицию аффикса в линейном расположении морфем.

⁹ Так, в статье «Мягкие и твердые согласные» Поливанов пишет: «На ненаучность этих терминов давно уже (и неоднократно) указывал И.А. Бодуэн де Куртенэ — спрашивая, например: “А кто их (согласные звуки) щупал — твердые они или мягкие?”» [Поливанов 1991: 385].

¹⁰ Поливанов указывал на сферу применения термина, на широту его употребления и на его происхождение: например, *морфология* — интернациональный

гии русско-польского ученого, покойного профессора И.А. Бодуэна де Куртенэ (в ряду других, им созданных или предложенных терминов: *фонема* — *кинема* — *акусма* — *кинакема* — *морфема* — *графема* — *синтагма*, каковые ныне акцептированы и вводятся в международное употребление современной “фонологической” школой). Термин *акусма* произведен от греческого глагола ακούω слышу — с греческим же окончанием -μα, которое и в термине *фонема* и *кинема*, и *графема*, и *синтагма* и т. д. Акусма означает: акустический (слуховой) момент фонемы, повторяющейся и в других фонемах: например, в фонеме /b/ — акусмой, общей с фонемами /d/, /g/, /z/ и т. п., является акусма звонкости, т. е. акустическое (слуховое) представление того эффекта, который получается (воспринимается ухом) от дрожания голосовых связок при произнесении этих согласных... Само же по себе дрожание голосовых связок, участвующее в произнесении (артикуляции) фонем как физиологическая работа (а не как акустический эффект ее) — составляют уже не *акусму*, а *кинему* (от греч. κινέω двигаю)...» [Поливанов 1991: 325].

Затем перечисляются акусмы фонемы /b/: «1) акусма звонкости (голосового тона), общая (у фонемы /b/) с фонемами /d/, /g/, /z/ и пр. 2) акусма губного взрыва, общая у фонемы /b/ с фонемой /p/ [Поливанов 1991: 325]. Далее Поливанов объединяет акусмы и кинемы фонемы /b/ в кинкемы, которые в терминологии Н.С. Трубецкого называются *дифференциальными признаками фонемы*. Очевидно, что Поливанов выступает как ученик и последователь фонологии Бодуэна де Куртенэ, придерживаясь введенного основоположником фонологии понятийно-терминологического аппарата новой науки.

К сожалению, словарной статьи *фонема* в словаре нет, но взгляды Поливанова на фонему сформулированы в статье *Психофонетика*, ведь именно так, вслед за Бодуэном, он называет фонологию. «*Психофонетика* — слово это употреблялось, главным образом, самим создателем его, а вместе с этим и основателем психофонетики (как особого отдела и направления лингвистики) покойным И.А. Бодуэном де Куртенэ, а также некоторыми его учениками (ср., например, заглавие книги Е. Поливанова 1917 г. «Психофонетические наблюдения над японскими диалектами»); происходит от сочетания гре-

общенаучный и философский термин [Поливанов 1991: 384], *палатализация* — международный общefonетический термин [Поливанов 1991: 404], *склонение* — русский грамматический (и общеморфологический) термин [Поливанов 1991: 422], *резонатор* — фонетический (акустический) термин латинского происхождения [Поливанов 1991: 415], *полногласие* — термин сравнительной грамматики славянских языков и русской грамматики [Поливанов 1991: 408], *пневмограф* — интернациональный термин: название прибора экспериментальной фонетики [Поливанов 1991: 407], *уранический* — яфетидологический термин, изобретенный Н.Я. Марром [Поливанов 1991: 442] и т. п.

ческой основы *ψυχή* (душа; в композиционном виде — психо-) и термина *фонетика* (см.). В отличие от *антропофоники* (см.), т. е. той части фонетики, которая имеет в виду физиологический и физический состав произносительной деятельности человека, *психофонетика* рассматривает звуки языка с точки зрения их функциональной (символической) используемости в данном языке (для смысловоразличения) и, таким образом, в основу фонетического описания языка кладет не физиологические и физические (= акустические) преходящие факты, но систему постоянно существующих представлений дифференцируемых друг от друга звуков языка (или элементов фонетической системы), которые носят у Бодуэна де Куртенэ наименование *фонемы*» [Поливанов 1991: 414]. Таким образом, термин *психофонетика*¹¹ у Поливанова является синонимом современному термину *фонология*.

Как уже было сказано, Поливанов стремился унифицировать термины, называющие типы аффиксальных морфем, в частности, предложил общее родовое определение некорневой морфемы: *аффикс* — «общелингвистический (морфологический) международный термин латинского происхождения (наравне, т. е. в том же терминологическом ряду, что и *суффикс*, *префикс*, *инфикс*¹²)» [Поливанов 1991: 145]. Однако среди перечисленных типов аффиксов в словаре есть только *инфикс*, а словарных статей *префикс* и *суффикс* нет.

Е.Д. Поливанов включил в словарь новые термины, которым, как он ожидал, предстояло сыграть важную роль в развитии науки. На-

¹¹ Если мы проследим употребление этого термина в современных научных текстах, то увидим совсем другое его понимание, в частности, этот термин может использоваться как синоним *фоносемантики* — раздела современной психолингвистики, например, в работе А.П. Супрун «Психофонетический анализ текста» (2011).

¹² В словарной статье часто содержится как этимология термина, так и его значение в современной терминосистеме, причем, сообщая этимологию термина, Поливанов приводит параллели из родственных языков, что помогает понять значение термина. Например,

“**Инфикс.** 1. *Этимология термина.* Слово *инфикс* — международный лингвистический общеморфологический термин латинского происхождения:

1) из латинского предлога-приставки *in*; (**Примечание.** Латинский предлог-приставка (которую не следует смешивать с отрицанием *in-* = *не-*) является прямым этимологическим соответствием (т.е. генетически родственной морфемой) к русскому предлогу-приставке *в/во*).

2) из причастия *fixum* (от глагола *fixere*) — того же самого, что и в этимологическом составе терминов *аффикс*, *суффикс*, *префикс* (см.).

Таким образом, если не буквальным, то точным переводом латинского *infixum* может служить по-русски слово «вставка».

2. **Реальное значение термина.** Под *инфиксом* (в отличие от *суффикса* и *префикса*) понимается служебная морфема, помещаемая не сзади, как *суффикс*, и не спереди, как *префикс*, а внутри коренной морфемы» [Поливанов 1991: 370].

пример, «*Морфонема* — новый термин, предложенный в 1930 г. на международной фонологической конференции, как один из элементов фонологической терминологии еще не получил более или менее широкого распространения... Составлен этот термин путем механического соединения терминов *Фонема* и *Морф/ема*» [Поливанов 1991: 385].

Иногда Е.Д. Поливанов приводил собственные (авторские термины): например, «*Звуковые жесты* — термин, введенный в употребление Е.Д. Поливановым (в статье “Звуковые жесты японского языка”) для обозначения так называемых *ономатопоэтических слов* (см.). Возможно, впрочем, что данное выражение (З.Ж.) могло возникнуть и у какого-либо другого автора — ввиду естественности содержащейся в нем метафоры» [Поливанов 1991: 365].

Увлечение И.А. Бодуэна де Куртенэ экспериментальной фонетикой, стремление создавать при университетах лаборатории изучения звучащей речи, комплектовать эти лаборатории новейшими приборами проявилось и в словаре Е.Д. Поливанова, словарные статьи которого описывают приборы экспериментальной фонетики. Например, «*Кимограф* — интернациональный термин экспериментальной фонетики, название прибора (аппарата)... Происходит (искусственно создан в XIX в.) из двух греческих слов: *то κύμα* = волна и *υράφω* = пишу (основа *υράφ-* → *граф-* писать)... Кимограф — это прибор (машина) для точной записи (в виде кривых линий, вычерчиваемых механически, особым пером, на закопченной бумаге, обтянутой вокруг вращающегося цилиндра) быстро протекающих явлений, в частности, напр., дрожаний воздуха при звуках (различной высоты и силы), движений произносительных органов при произнесении звуков и звукокомплексов. Это — основной (первоначально необходимый) прибор всякой экспериментально-фонетической лаборатории» [Поливанов 1991: 372].

Мы видим, что словарь Е.Д. Поливанова отразил развитие отечественной лингвистики и литературоведения 30-х годов XX века, явился своеобразным памятником новой науки, оставившей позади достижения индоевропейского сравнительно-исторического языкознания и стремившейся выстроить новую научную теорию с опорой на экспериментальную фонетику, с учетом психологических и социальных факторов в развитии и функционировании языка.

Поставив задачу создания универсального словаря лингвистической терминологии современного ему этапа развития языка, Поливанов включил в словарь как термины новых школ и направлений (например, фонологии И.А. Бодуэна де Куртенэ или «*нового учения об языке*» акад. Н.Я. Марра), так и термины классического (сравнительно-исторического) языкознания. Однако словарь представляет

собой не эклектичное, а четко структурированное описание языка, в частности унификацию фонетической и грамматической терминологии.

Задача систематизации и обобщенного описания лингвистических понятий в словарях лингвистических терминов была настолько важной, что не только Н.Н. Дурново и Е.Д. Поливанов предлагали варианты решения этой проблемы. Интересен проект создания «Лингвистической энциклопедии», выдвинутый в начале 1930-х годов Р.О. Шор, но оставшийся нереализованным и неопубликованным (находится в Архиве РАН).

Необходимость создания словаря терминов, по мнению Шор, заключалась не только в том, что старая научная терминология нуждалась в пересмотре и упорядочении, но и в острой потребности описания понятий формирующегося марксистского языкознания — кардинально нового научного направления. Классическое языкознание предлагалось очистить от ошибочных идеалистических представлений буржуазной лингвистики, а также от формализма отечественного языкознания, представленного, по мнению Р.О. Шор, в словаре Н.Н. Дурново. Задача формулировки и популяризации положений марксистского учения о языке (с опорой на труды Н.Я. Марра — идеолога классового подхода к описанию языка) могла быть решена созданием нового словаря терминов.

В части словаря, описывающего современное состояние советской и мировой лингвистики, Шор предлагала дать характеристику основным направлениям в науке «в прошлом и настоящем, вскрывая их классовую направленность /империалистические, националистические установки/ и под этим углом зрения переоценивая построения буржуазных ученых» [Цит. по: Никитин 2018: 619]. Перечень предполагаемых словарных статей показывает эклектику в описании вектора развития науки, ведь некоторые статьи в большей или меньшей степени базируются на достижениях классической компаративистики, классифицирующей языки по семьям и описывающей общие принципы развития родственных языков: *Индоевропеистика*, *Угрофиноведение*, *Семитология*, а статья *Яфетидология* должна была представлять учение Марра, не опиравшееся на методику сравнительно-исторического языкознания, но предлагавшее другой принцип классификации языков и объяснение языкового развития [Цит. по: Никитин 2018: 619].

Словарные статьи, построенные на разных теоретических принципах, неизбежно привели бы к эклектике и путанице, и задача составления единого непротиворечивого понятийно-терминологического фундамента нового советского языкознания не была бы достигнута. Даже классическая наука о языке была представлена

разными направлениями — старыми и новыми, а тем более сложно описать понятийный аппарат нового учения о языке, возникшего в результате механического переноса принципов работы социальных законов на почву языкознания.

Таким образом, в первой половине XX в. трудами отечественных ученых были составлены словари лингвистических терминов, которые отразили многовекторность развития науки в период смены научной парадигмы. По мере развития лингвистики складывался новый понятийно-терминологический аппарат: старые термины выходили из употребления или переосмыслились в новой системе научного знания, создавались термины или терминосистемы, отражающие новые понятия формирующихся научных направлений. В этом контексте сознательная терминологическая деятельность, направленная на ревизию старой понятийно-терминологической системы и создание новой, становится важной задачей ученого сообщества. Словарь лингвистических терминов, зафиксировавший систему научных понятий, можно рассматривать как «моментальный снимок» научной теории, запечатлевший этап непрерывного развития науки о языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодуэн де Куртене И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963. С. 47–77.
2. Бодуэн де Куртене И.А. Введение в языковедение. Изд. 7-е. М. URSS. 2010. 224 с.
3. Волошина О.А. Два этюда о лингвистической деятельности Е. Д. Поливанова (к 130-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. М. Издательство ООО «Наш язык». № 6. 2021. С. 92–101.
4. Волошина О.А. Словарь лингвистических терминов как лексикографический памятник истории языкознания // Ученые записки Петрозаводского государственного университета, Издательство Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск. 2026. Т. 48, № 5. С. 43–49.
5. Дурново Н.Н. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). Издательство Л.Д. Френкель. Москва /Петроград, 1924. 154 с.
6. Никитин О.В. Лингвистическая энциклопедия — неизвестный лексикографический проект 1930-х годов // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 9. № 3. 2018. С. 612–624.
7. Поливанов Е.Д. Словарь лингвистических и литературоведческих терминов (1935–1937). Архивная публикация // Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991. С. 318–507.

REFERENCES

1. Boduen de Kurtene I.A. Nekotorye obshchie zamechaniya o yazykovedenii i yazyke [Some general remarks about linguistics and language] // *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu*. Vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka. 1963. P. 47–77. (In Russ.)

2. Boduen de Kurtene I.A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. Izd. 7-e. Moscow, URSS. 2010. 224 p. (In Russ.)
3. Voloshina O.A. Dva etyuda o lingvisticheskoi deyatel'nosti E.D. Polivanova (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya) [Two studies on the linguistic activity of E.D. Polivanov (dedicated to the 130th anniversary of his birth)] // *Russkii yazyk v shkole*. Moscow, Izdatel'stvo OOO "Nash yazyk". № 6. 2021. P. 92–101. (In Russ.)
4. Voloshina O.A. Slovar' lingvisticheskikh terminov kak leksikograficheskii pamyatnik istorii yazykoznaniya // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2026. Vol. 48, № 5. P. 43–49. (In Russ.)
5. Durnovo N.N. *Grammaticheskii slovar' (grammaticheskie i lingvisticheskie terminy)* [Grammatical dictionary (grammatical and linguistic terms)]. Moskva, Petrograd, Izdatel'stvo L.D. Frenkel'. 1924. 154 p. (In Russ.)
6. Nikitin O.V. Lingvisticheskaya enciklopediya — neizvestnyi leksikograficheskii proekt 1930-kh godov [Linguistic Encyclopedia — an unknown lexicographic project of the 1930s] // *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. V. 9. № 3. 2018. P. 612–624. (In Russ.)
7. Polivanov E.D. Slovar' lingvisticheskikh i literaturovedcheskikh terminov (1935–1937). Arkhivnaya publikatsiya [Dictionary of Linguistic and literary terms (1935–1937). Archival publication] // Polivanov E.D. *Trudy po vostochnomu i obshchemu yazykoznaniyu* [Proceedings on Oriental and general linguistics]. Moscow, Nauka, 1991. P. 318–507. (In Russ.)

Поступила в редакцию 17.03.2025

Отредактирована 22.08.2026

Принята к публикации 31.08.2026

Received 17.03.2025

Revised 22.08.2026

Accepted 31.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Оксана Анатольевна Волошина — к.ф.н., доцент, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; доцент филологического факультета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, доцент Института лингвистики РГГУ; oxanav2005@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Oxana A. Voloshina — PhD, Associate Professor, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor, Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University, China, Shenzhen; Associate Professor at the Institute of Linguistics, RSUH (Russian State University for the Humanities); oxanav2005@mail.ru

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ С Я-СУБЪЕКТОМ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Н.А. Николина

*Московский педагогический государственный университет;
na.nikolina@mpgu.su*

З.Ю. Петрова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН; zoyar@mail.ru

Н.А. Фатеева

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН; nafata@rambler.ru

Аннотация: В статье рассматриваются конструкции идентификации с субъектом, выраженным местоимением Я, и метафорическим предикатом — именем существительным в именительном или творительном падеже. Эти конструкции служат в поэтической речи для самопрезентации и образной характеристики лирического субъекта. Материал исследования — тексты конца XVIII — XXI вв. из Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка. Цель статьи — выявить семантические классы образов сравнения в конструкциях метафорической идентификации с Я и определить разные типы Я-субъекта в них. В процессе анализа материала используются корпусный и структурно-семантический методы. На основе анализа материала в исследуемой конструкции выделяются три типа лирического субъекта: собственно-личный, ролевой и синкретичный, и отмечается характерное для поэтического текста размытие субъектных границ. В центре внимания находятся контексты, связанные с метафорической характеристикой собственно-личного субъекта, которые широко распространены в русской поэтической речи. Рассматриваются классы образов сравнения, характеризующих Я-субъекта. Отмечается, что самым объемным классом является класс наименований лиц, которые дифференцируются по отношениям родства, роду занятий, социальной роли, особенностям поведения и др. Кроме того, выделяются классы наименований частей тела, животных, растений, различных природных объектов и явлений, звуков, языковых явлений, созданных человеком предметов и некоторые другие. Делается вывод, что рассматриваемые конструкции самоидентификации в большинстве своем формируют образ лирического субъекта — поэта, который в поэтическом языке получает многоаспектную характеристику. Для образной характеристики поэта в данной конструкции особую роль играют классы образов сравнений «Птицы», «Звуки», «Языковые явления», «Музыкальные инструменты». В работе затро-

нута проблема обновления традиционных рядов образов сравнения, используемых в рассматриваемой конструкции, пополнение их новыми элементами, а также развитие новых классов образов сравнения в поэтическом языке. В статье также рассмотрены особенности композиции поэтических текстов, в которых используются конструкции метафорической самоидентификации: использование параллелизма, связанного с отсылкой к описываемым реалиям, а также соотнесение взаимосвязанных общей ситуацией лирического субъекта и адресата (Я — Ты).

Ключевые слова: лирический субъект; местоимение Я; конструкция самоидентификации; метафора; образ сравнения; собственно-личный субъект; ролевой субъект; синкретичный субъект

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-2

Для цитирования: Николина Н.А., Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Метафорические конструкции идентификации с Я-субъектом в русской поэзии // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 23–39.

METAPHORICAL IDENTIFICATION CONSTRUCTIONS WITH I-SUBJECT IN RUSSIAN POETRY

Nataliya A. Nikolina

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; na.nikolina@mpgu.su

Zoya Yu. Petrova

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; zoyap@mail.ru

Natalia A. Fateeva

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; nafata@rambler.ru

Abstract: The article examines identification constructions with a subject expressed by the pronoun I and a metaphorical predicate — a noun in the nominative or instrumental case. These constructions serve in poetic language for self-presentation and figurative characterization of the lyrical subject. The material for the study includes texts from the late 18th to 21st centuries from the Poetic Subcorpus of the Russian National Corpus. The purpose of the article is to identify semantic classes of vehicles in constructions of metaphorical identification with I and to determine the different types of I-subject within them. Corpus and structural-semantic methods are used in the analysis of the material. Based on the analysis of the material, three types of lyrical subject are distinguished in the construction under study: personal, role-based, and syncretic. A characteristic blurring of subjective boundaries in poetic texts is noted. The focus is on contexts associated with the metaphorical characterization of the personal subject, which are widespread in Russian poetic speech. Classes of vehicles characterizing the I-subject are considered. It is noted that the largest class is the class of names of persons, which are differenti-

ated by kinship relationships, occupation, social role, behavioral characteristics, etc. In addition, classes of names of body parts, animals, plants, various natural objects and phenomena, sounds, linguistic phenomena, man-made objects, and some others are identified. It is concluded that the self-identification constructs under consideration largely shape the image of the lyrical subject—the poet—who receives a multifaceted characterization in poetic language. In this construction, the vehicles of semantic classes “Birds”, “Sounds”, “Linguistic phenomena”, and “Musical instruments” play a special role in the poet’s figurative characterization. The paper addresses the evolution of the traditional series of vehicles used in this construction, addition of new elements to them, and developing new classes of vehicles in poetic language. The article also examines the compositional features of poetic texts that employ metaphorical self-identification structures: the use of parallelism associated with references to the described realities, as well as the correlation of the lyrical subject and addressee (I — You) interconnected by a common situation.

Keywords: lyrical subject; pronoun I; self-identification construction; metaphor; vehicle; proper personal subject; role-based subject; syncretic subject

For citation: Nikolina N.A., Petrova Z.Yu., Fateeva N.A. (2026) Metaphorical Identification Constructions with I-subject in Russian Poetry. *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 23–39.

В русской поэзии конца XVIII–XXI вв. широко распространены конструкции идентификации с местоимением Я. Они являются потенциально сильными как для саморепрезентации (самохарактеризации), так и для метафоризации. Я в этой конструкции не только указывает на говорящего, но и служит основным механизмом самоописания. Как отмечает С.Т. Золян, «в поэтическом тексте становится возможным перемещение “Я” в другие миры, времена, локусы, а также установление сходных с метафорическими <...> отношений между Я — актуальным говорящим и Я- высказывания в разных семиотических статусах» [Золян 2023: 26]. В рассматриваемых конструкциях заложены «практически неограниченные ресурсы семантических отождествлений, сравнений, взаимоперемещений и перевоплощений, характеризующиеся субъективным началом, неожиданностью, непредсказуемостью, а в ряде случаев — преувеличенностью, недостоверностью, своего рода фантастичностью» [Стариченок 2014]. Такие конструкции с метафорическим предикатом и служат объектом рассмотрения в нашей статье.

Эти конструкции строятся по модели «Я — Х». В позиции Х выступают имена существительные разной семантики, при этом в конструкции могут использоваться разные формы времени глагола *быть*. Наиболее часто встречаются предложения с нулевой связкой (настоящее время): «Я царь, — я раб, — я червь, — я Бог!» (Г. Державин) (с тире или без тире), реже — с формами прошедшего и буду-

щего времени: «Я прежде был пристав Крылатого Пегаса; За стойлами Парнаса Душистыми глядел» (В. Жуковский), «Какое счастье, милый брат! Я буду в мудрости соперник Пифагора!» (К. Батюшков).

Рассматриваемые конструкции могут быть как утвердительными, так и отрицательными: «ведь чувства во мне не затворены, Я не бездушный гранит» (Н. Некрасов), а также содержать вопрос: «Зачем я не птица, не ворон степной, Пролетевший сейчас надо мной?» (М. Лермонтов), «Ужель я тварь слепого рока?» (Н. Арцыбашев).

Конструкции с Я-субъектом неоднократно привлекали внимание исследователей. При этом основное внимание уделялось семантике местоимения Я, механизмам самоописания и типологии лирических субъектов [Степанов 1985; Ковтунова 1986; Левин 1998; Золян 2023; Малкина 2025; Корчагин 2024; Палеха 2010; Маркасова 2023], а также роли местоимения Я в поэтическом языке по лексикографическим данным [Шестакова, Кулева 2025]. Изучению лирического субъекта были посвящены два сборника статей, вышедшие в Германии, «Субъект в новейшей русскоязычной поэзии — теория и практика» [2018] и «Субъект и лиминальность в современной поэзии» [2020], а также выпуск журнала *Russian Literature* [2019]. В статье В.Д. Стариченка «Категория вторичности и ее репрезентация в поэтическом дискурсе, на материале суппозитивных структур» [2014] на материале русских поэтических текстов были выделены разные семантические типы метафор в конструкциях самоидентификации. Несмотря на значительное количество работ, в которых рассматриваются конструкции с Я-субъектом, они остаются недостаточно изученными в лингвистическом аспекте, не прослежена их динамика в истории русской поэзии.

Цель нашей работы — выявить семантические классы образов сравнения в конструкциях метафорической идентификации с Я и определить разные типы Я-субъекта в них¹.

¹ Интересно сравнить полученные нами результаты с семантическими классами образов сравнения, характеризующих человека, в таких словарях, как: *Иванова Н.Н., Иванова О.Е. Словарь языка поэзии: выразительные средства русской лирики конца XVIII — первой трети XX в. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015; Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1 «Птицы». М.: Языки русской культуры. М., 2000; Вып. 2 «Звери, насекомые, рыбы, змеи». М.: Языки славянских культур. М., 2010; Вып. 3 «Растения». М.: Языки славянских культур, 2015; Вып. 4 и 5 «Камни, ткани». М.: Издательский дом ЯСК, 2017; Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: в 2 т. М.: Эдиториал УРСС, 1999, однако в этих словарях специально не выделены как конструкции с Я-субъектом, так и конструкции метафорической идентификации.*

Материал исследования — около 2000 контекстов с местоимением Я в конструкции идентификации, отобранные из Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка.

Необходимо разграничить употребление рассматриваемых конструкций в двух разных типах поэтических контекстов. С одной стороны, выделяются конструкции, в которых лирический субъект получает образную характеристику посредством языковой метафоры на основе уподобления себя другому лицу, животному, растению, природному явлению, предмету и др. Сам контекст, в котором присутствует и реальный, и метафорический план, позволяет определить при этом, что это именно метафора, например: «Я — волк, а Критика — облава!» (И. Северянин), «Я тот кукловод, / кто дергая нити строк, / Свою заглушает боль, печаль избывает...» (И. Лиснянская).

С другой стороны, встречаются конструкции, в которых в контексте нет специальных указаний на метафору и высказывание принадлежит говорящему субъекту, выступающему в другой роли (ролевой субъект); на это часто указывает название стихотворения: «Я жалкий *раб царя*. С восхода до заката, Среди других рабов, свершаю тяжкий труд» (В. Брюсов. Египетский раб), «я — *раб и рыцарь* Твой, Христос!» (Эллис. Тамплиер). В таких контекстах часто используются прецедентные имена: «Я — *Хеопс богоравный*, я — солнцем рожден: Звуки славы моей на морях и на суше Отдаленных достигнут времен» (П. Якубович), «Я — *царь великих вод Тутанкамон* В двойной короне пламени и влаги» (И. Голенищев-Кутузов).

В поэтической речи часто наблюдаются контексты, которые трудно интерпретировать однозначно. Говорящий субъект в них может быть синкретичным, совмещая и собственно-личный, и ролевой субъект: «Я — *Гамлет*. Холодеет кровь, Когда плетет коварство сети, И в сердце — первая любовь Жива — к единственной на свете» (А. Блок), «Я *конквистадор* в панцире железном, Я весело преследую звезду, Я прохожу по пропастям и безднам И отдыхаю в радостном саду» (Н. Гумилев).

Таким образом, на основе анализа материала можно выделить три типа Я-субъектов, для которых предлагаются следующие термины: собственно-личный субъект, ролевой субъект и синкретичный субъект.

В поэзии нередко встречаются и контексты, в которых говорящий субъект — не человек. Подобные контексты а priori относятся к персонификации, поскольку Я-сущности в них наделяются речью. Говорить от первого лица могут субъекты различных семантических классов, при этом контекст может не содержать дополнительных метафор. Это:

«Отвлеченные понятия»: «Кто ты дружок? — спросил идущих человек. “Я удовольствие: так свет меня нарек”. А ты?.. Твой мрачный вид, походка, все вещает, Что в свете так тебя никто не величает. “Я? — я печаль!..”» (А. Мерзляков);

«Время»: «Друзья! я восемьсот, Увы! тринадцатый Весельем не богатый И старый очень год!» (В. Жуковский);

«Животные»: «Я — попугай с Антильских островов, Но я живу в квадратной келье мага» (Н. Гумилев); «Жужжит, Кружит жемчужный круг, И в жиже слов я жутко слышу: Я жук... Я жук... Я ночь живу» (А. Кусиков);

«Растения»: «И странник прижался у корня чинары высокой; Приюта на время он молит с тоскою глубокой И так говорит он: я бедный листочек дубовый, До срока созрел я и вырос в отчизне суровой» (М. Лермонтов);

«Природные объекты и явления»... «Я — предвечернее светило, Победно-огненный закат» (К. Бальмонт);

«Предметы, созданные человеком»: «Я — пирамида. Я вершиной — Одним окном — гляжу в лазурь, Любуюсь солнцем над равниной, Разбегом молний, пляской бурь» (В. Перелешин); «Я — комод налево. / Ни шагу, я — картина на стене...”» (С. Кирсанов);

«Сверхъестественные существа»: «Я — Велес, мирный бог. Меж спящих стад дозором Незримый я хожу, чтоб отвращать недуг И чары хитрых ведьм, пока дымится луг И звезды ночь пестрят серебряным узором» (П. Бутурлин).

В речи таких говорящих могут быть и метафорические конструкции, например, «Я называюсь Красотою, Я — строгой Истины сестра» (Н. Минский), «Я — только любовница, бледная, жалкая, Я — грёза Поэта, я — в мире безродная» (К. Бальмонт), [соловей] (*Вешний гость я, певчий странник* (А. Фет), [снежинка] «Я белая мушка, я пчелка небес, / я звездочка мертвой земли» (Эллис), [метеорит] «*Изгнанник неба, огненный гордец, Я — косный камень*» (В. Шилейко), [зеркало] «Я — глаз, лишенный век. Я брошено на землю, Чтоб этот мир дробить и отражать...”» (М. Волошин).

Элементы этих семантических классов имеют разную частоту употребления. Специальный квантитативный анализ не входил в рамки нашего исследования, однако приблизительные подсчеты показывают, что чаще всего в роли говорящего субъекта выступают единицы класса «Животные», затем следует класс «Предметы, созданные человеком», далее — «Растения» и «Природные объекты и явления», реже употребляются элементы классов «Отвлеченные понятия», «Время» и «Сверхъестественные существа».

В контекстах с говорящим, не принадлежащим к семантической категории «Человек», как и в рассмотренных выше случаях с ролевым

субъектом, Я-субъект тоже может в ряде случаев восприниматься как синкретичный: за говорящим субъектом — не-лицом может ощущаться собственно-личный субъект — автор соответствующего высказывания. Например, в стихотворении И. Анненского «Я на дне, я печальный обломок...» угадывается трагедия оторванности лирического субъекта — человека от целого. Стихотворение М. Лохвицкой «Праздник в теплице» тоже позволяет предполагать за речью лилии образ лирического субъекта: «Мне горькое бремя судьбою даровано, Я блекну под властью тоски и бессилия, Небесной мечтою — навек зачарована, Я — чистая, гордая, белая лилия».

В нашей работе преимущественно будут рассматриваться конструкции с собственно-личным субъектом, где его метафорическая характеристика носит явный характер.

Выделим основные семантические классы образов сравнения, характерные для этих конструкций. Наиболее объемным классом является класс «Обозначения людей», в нем выделяется ряд подклассов:

– наименования по родству, отношениям дружбы, вражды и т. п.: «Я, право, неги *сын!*» (А. Пушкин), «Я — слабый *сын* больного поколенья» (И. Анненский), «*Дочь* великого города я» (А. Баркова), «Я грубой силы — *враг* заклятый И не пойму ее никак» (А. Жемчужников), «Я ночи *друг*, я дня застрельщик» (О. Мандельштам);

– наименования по профессии, роду занятий: «<...> я до гроба — не изменник: Я *ратник* ваш» (В. Бенедиктов), «Я *лекарь*, и меня судьба к тому призвала; Моя больница — мир» (К. Случевский), «Бог! Можешь спать в своей ночной лазури! Доколе я среди живых — Твой дом стоит! — Я лбом встречаю бури, Я *барабанищик* войск твоих. Я твой *горнист*. — Сигнал вечерний И зорю раннюю трублю» (М. Цветаева);

– наименования по социальному статусу: «Всесилен я и вместе слаб, *Властитель* я и вместе *раб*» (Ф. Тютчев), «Опять в моей душе волшебный мир воскрес, Я снова *царь* своих мечтаний» (Н. Минский), «Я — *патриарх* и мне позволено В румяных соснах удавиться» (Л. Губанов), «Я — ночи вождь и *раб*, но вдруг уже иссохли источники зрачков и разорился лоб?» (Б. Ахмадулина);

– наименования по характерному действию, поведению, ситуации: «Я один меж всей природы, Я во всей вселенной *странник*» (А. Радищев), «Устану ли в тягостной с роком борьбе, <...> Я в мире *боец*; да, я биться хочу» (В. Бенедиктов), «Разве раньше ты не знал, что в любви морях широких Я — *пловец* и ты — *пловец*? нам пристала взглядов мена» (М. Кузмин), «Господи, ты здесь хозяин, Я — только *гость*» (А. Герцык), «да и я — *лжепилигрим*, /как мим /с лицом в слезах (одеколонный грим!)» (В. Соснора);

– прецедентные имена: «Ты — Сафо, я — Фаон², — об этом и не спорю, Но, к моему ты горю, Пути не знаешь к морю» (К. Батюшков), «Как тот севильский Дон-Жуан, Я — *Вечный Жид*, минутный муж. Я знаю сказки многих стран И тайну многих душ» (К. Бальмонт), «Не страшно мне среди бродяг, ругательств, дыма: Ведь я не гость. Я свой. Я уличный *Пьеро!*» (Г. Иванов), «Милой родины мягкий диван! Это я, твой *Илюша Обломов*» (Л. Лосев), «Заместо мясорубки Верчу консервный нож, — Я *Чарли Чаплин* в юбке, Ну что с меня возьмешь?» (И. Лиснянская).

Необходимо отметить, что при использовании в рассматриваемой конструкции названий лиц может наблюдаться гендерное несоответствие, например: «Я поэт — *одалиска* восточная На пирушке бесстыдно языческой» (Н. Клюев), «Бог! — Я живу! — Бог? — Значит ты не умер! <...> Я *барабанищик* войск твоих. Я твой *горнист*» (М. Цветаева).

Наряду с наименованиями лиц используются и наименования богов и сверхъестественных существ; особенно часто они встречаются в поэзии конца XVIII — начала XIX в.: «Я телом в прахе истлеваю, Умом громам повелеваю — Я царь, — я раб, — я червь, — я *Бог!*» (Г. Державин), «Едва ль, Зевес почтенный мой, Я не сойду до атеизма! К чему мне ты? Я сам *Зевес!*» (А. Полежаев), «О, я несчастный *Атлас!* Целый мир, Да, целый мир скорбей нести я должен» (М. Михайлов), «Я весё — весна, когда пою, Я — светлый *бог*, когда целую» (К. Бальмонт).

Если располагать материал по убыванию количества и частоты употреблений единиц, входящих в описываемые семантические классы метафоризируемых имен, то следующим классом после обозначений лиц является класс наименований животных: «В эту ночь я — *червь* на дне морском!» (Я. Полонский), «Я — *мотылек* ночной. Послушно Кружусь над яркостью свечи» (В. Брюсов), «Я — *буренка* мирская, страдальная; Пусть доит Земля мою жизнь-молоко...» (Н. Клюев), «Ты — радостная птица, Я — злой и хмурый *волк*» (С. Черный), «Пусть я *наук* в пыли библиотек: Я просвещенный, книжный человек» (А. Белый), «Льется, ткется из сердца Паутина горячая Золотая — Тебе никуда не деться И ему никуда не деться. Из кончиков пальцев Из ногорук Стальнойю тонкой жарой Обовьюсь, Я — *наук* Золотой» (Е. Шварц). Особенно часто в этом подклассе встречаются наименования птиц: «Я *птица* вольная. Я два крыла раскрыл» (К. Бальмонт), «И я не лебедь ли в своем одиночестве

² Согласно легенде, поэтесса Сафо, когда была уже немолода, полюбила юношу Фаона, тот принял ее любовь, но вскоре возненавидел ее и бросил. Сафо была так расстроена его отказом, что бросилась в море, веря, что либо излечится от своей любви, либо утонет.

гордом? Да, я *лебедь*!..» (В. Горянский), «Я — *соловей*: я без тенденций И без особой глубины... Но будь то старцы иль младенцы, — Поймут меня, певца весны. Я — *соловей*, я — сероптичка, Но песня радужна моя. Есть у меня одна привычка: Влечь всех в нездешние края» (И. Северянин), «Я — *иволга*, мой голос первый В лесу, после дождя» (М. Цветаева).

Столь же активно в функции образов сравнения выступают названия растений: «Вот вы и я: подобье розы милой, Цветете вы и чувством, и красой; Я *кипарис* угрюмый и унылый, Воспитанный летами и грозой» (П. Вяземский), «Она — растение водяное И корни быстрые дает И населяет голубое, Ей дорогое царство вод! Я — *кактус*! Я с трудом великим Даю порою корешок» (К. Случевский), «Я — *древо*, а сердце — дупло, Где Сирина-птицы зимовье» (Н. Клюев), «Я — *пихта* ярая, поэт» (Н. Клюев), «Господи... Вырван с корнем Твой цветок, Господь. <...> Слушай, земля, я — *цветок* /и лечу в замерзающем небе Из Господнего сада» (С. Стратановский).

Помимо названий животных и растений, метафорические характеристики Я-субъекта могут создаваться и другими обозначениями, относящимися к миру природы, которые встречаются реже элементов указанных выше классов; среди них можно отметить слова следующих семантических групп:

– «Свет / темнота, времена суток»: «Ты — в сердце с румянцем стыда. Я — *луч* твой, летящий далеко» (А. Фет), «Я — *ночь* безлунная; о! будь ей ризой звездной, Чтобы, отринув страх, я мог вольней вздохнуть!» (М. Михайлов), «Я между смертными — падающая звезда» (К. Бальмонт), «Я *свет потухших солнц*, я слов застывший пламень Незрячий и немой, бескрылый, как и ты» (М. Волошин);

– «Огонь»: «Я весь — *огонь* и меч, я весь — порыв отмщенья» (П. Якубович), «Я — *искра* пламени на теми, Ты — сгусток копоты на ней» (С. Родов), «Весь я — *искра* огня, что искала во тьме человека» (В. Блаженный);

– «Земля, камни, горные породы»: «Я — деревня, черная земля. Ты мне — луч и дождевая влага» (М. Цветаева), «Я — черная, буду я черной *землицей*» (Ю. Мориц), «Она была — Заря Востока, Я был — незыблемый *гранит*» (А. Блок), «Насильно мил не будешь, Глухого сердца не разбудишь. Я — *камень* на твоём пути. Ты можешь камень обойти» (М. Петровых), «Я — серьезен. Я — *камень*. Я всё перетрогал и взвесил. И всего тяжелее — раздетое сердце мое» (Г. Горбовский), «Я бел, / любимая. / Я — *мел*, / который морем был, / и рыб и птиц имел, / и побелел» (С. Кирсанов), «Я был твоим ночным *песком* И шел по стеклышку пешком В песок земной» (О. Юрьев);

– «Водные объекты»: «Душа моя угрюмая, утренняя, Живет в оковах слов. Я — черная *вода*, пенноморозная, Меж лдяных берегов»

(З. Гиппиус), «Я *озеро*, которому, как Китеж, Твоя судьба навек обречена» (В. Перелешин), «Я — *море*, меня поднимает луна, И волны души отзываются стоном» (В. Шаламов), «Я сам себе *родник, источник, ключик* / (тюремный замок и кривой замок). / Я вылился. И от дождей колючих / озяб душой (и до ума промок)» (С. Петров), «Была я *морем и волной*, Кровинкою Господней» (Е. Шварц);

— «Ветер»: «Я *ветерка* чуть слышный *вздых*» (К. Бальмонт), «Я — *буря*, я — пропасть, я — ночь, Кого обнимаю — гублю» (К. Бальмонт), «Мне беспокойно с собой, как хозяйке *питбуля*. Вот я над малым селом многоглавая *буря*» (М. Степанова).

Следующий семантический класс образов сравнения — названия частей тела. Как показывает наш материал, единицы этого класса начинают использоваться в рассматриваемой конструкции только с XX в.: «Своеволием рока Мы на разных путях бытия, Я — печальное *око*, Ты — веселая резвость *ручья*» (Ф. Сологуб), «Войди в меня, как в одержимого демон, Я — *уста*, говори, кричи мною» (В. Брюсов. К народу), «Я — *ухо* мира! Я — его *рука*! Он мне диктует. Ночью до рассвета» (Б. Слуцкий), «В неловкой позе у стола присев, / располагаю голову и плечи, / чтоб обижал и ранил их процесс, / к устам влекущий восхождение речи. / Я — *мускул*, нужный для ее затей» (Б. Ахмадулина), «Россия, / я — твой *капиллярный / сосудик*, / мне больно, когда — / тебе больно, Россия (А. Вознесенский).

В функции образов сравнения используются и разнообразные наименования предметов, созданных человеком. Они встречаются в поэзии уже с начала XIX в. Это названия механизмов: «Итак, я *автомат* презренный, Слепым лишь случаем рожденный?» (Н. Арцыбашев), музыкальных инструментов и их элементов: «И выше, выше я парил, <...> И сотряслись мои составы, И зазвучали как тимпан: <...> Мои все жилы были струны, Я сам — хваления *орган*» (С. Шевырев), «Я не *трубач* — *труба*. Дуй, Время!» (И. Эренбург), «Глядишь, за неименьем лучшего / и я — *одна из Божьих клавиш*» (Ю. Кублановский), оружия: «<...> я ваше Неизменное *копье*!» (Н. Языков. К.К. Павловой), «Я — *меч*, заостренный с обеих сторон» (А. Блок).

В XX в. класс обозначений предметов расширяется, пополняясь разнообразными элементами, среди которых можно отметить, например, слова следующих семантических групп:

— «Источники света»: «я — темный мотылек, Но я и светлая *свеча*» (В. Брюсов), «Я не *факел*, Я *свечка* простая» (Б. Слуцкий), «Я — лишь *фонарик* на корме» (В. Соснора);

— «Бумага»: «Я — *страница* твоему перу. Всё приму. Я белая страница. <...> Ты — Господь и Господин, а я — Чернозем — и белая

бумага!» (М. Цветаева), «Смерть! Я — белая *страница!* Чего ты хочешь — напиши!» (В. Хлебников);

– «Бытовые предметы»: «Я — хрустом тухнущая *пеишь*, — Пеку прием: стихи — в начинку» (А. Белый), «Я — *кресало для огнива* Животно-испуганных глаз, глупо-прелестных черною прелестью» (В. Хлебников), «Я *ковиш* мечты. Из глубины зачерпнут Моей томящей творческой тоской» (А. Несмелов), «Я — ржавый *гвоздь*, что идет на гроб» (Б. Слуцкий).

В поэзии конца XX в. активизируются обозначения лирического субъекта словами со значением 'остаток, отделившаяся часть чего-л.' (ср. «Я на дне, я печальный *обломок*» И. Анненского): «Я — не оставившей объедков эпохи /случайный *огрызок*, *объедок*» (Е. Евтушенко), «Вы человек? Нет, я *осколок*, /голландской печки черепок» (Л. Лосев), «И сам я только *клок* сукна» (М. Степанова). В этот же период в функции образов сравнения появляются слова, обозначающие родовое понятие, — *вещь*, *предмет*: «Я *вещь* твоя, XX век» (А. Вознесенский), «Я готов быть *предметом* /из прошлого» (И. Бродский).

Два семантических класса образов сравнения в конструкции с Я играют особую роль в характеристике лирического субъекта — поэта.

Это, во-первых, слова со значением «Звук»: родовое обозначение *звук*: «Когда, простясь с недолгим бытиём, Я буду только *звук* в твоих устах, <...> Тогда возьми простую арфу ты, Она была мой друг и друг мечты» (М. Лермонтов), «Я *звук*, я вздох, я зайчик на паркете» (В. Ходасевич), «Я был скорее *звуком*, чем — /стыдно сказать — *лучом* /в царстве, где торжествует чернь, /прикидываясь *грачом*» (И. Бродский) и обозначения различных звуков: *эхо*, *возглас*, *крик*, *шепот*, *стон* и т.д.: «Не я пою — народ поет. <...> Народом песня создана, <...> Я только *эхо* песни той Святой, младенчески простой» (Л. Трефолев), «Я *возглас* боли, я *крик* тоски» (К. Бальмонт), «Я шалый *шепот* табака» (Л. Губанов), «Я — *стон* крещеных дудок» (Л. Губанов).

В этом классе обозначений надо особо отметить регулярно повторяющееся слово *голос*, метафорически характеризующее поэта (метафорические отношения взаимодействуют при этом с метонимическими): «Я не создатель, нет — я только страстный *голос*» (И. Коневской), «Это я — /перекатная голь Москвы. // Это я — *голос* ее тоски» (Н. Асеев). Образную параллель «Я — *голос*» обновляет контекст М. Степановой, в котором слово *голос* входит в окказиональное многочленное сложение: «При лице литературы Вроде я колоратуры, Вроде я фиоритуры — *Волос-голос-завиток*».

Во-вторых, для метафорической характеристики Я-поэта важны обозначения семантического класса «Язык, речь, текст». Надо отметить, что они появляются в исследуемой конструкции не с самого раннего периода русской поэзии, начинают фиксироваться в соответствующих контекстах с конца XIX в. и становятся широко распространенными и все более разнообразными в XX в., некоторые из них носят терминологический характер: «Я — слово мира, — без меня Он глух и нем от века» (Д. Мережковский), «Я — Неба дальнего рассказ» (К. Бальмонт), «Я — изысканность русской медлительной речи, <...> Я — изысканный стих» (К. Бальмонт), «Я — уст безвестных разговор, Я — толпи дремучих диалектов» (Б. Пастернак), «Я — стилистический прием, Языковые идиомы!» (А. Белый), «Я теперь не прошедшее — давно прошедшее, / не перфектум — плюсквамперфектум» (Б. Слуцкий), «Я старый глагол в современной обложке» (Б. Ахмадулина), «Я — “фита” в латинском наборе» (А. Цветков), «Ходили и мы по крышам элеваторов с пассивным запасом / молча словно планету держа в зубах / я — Запятая Ты — двоеточие; был бойкий город как на ладони» (А. Парщиков), « — Я аббревиатура идиота / и — полный нуль» (А. Митронов).

Рассматриваемые конструкции самоидентификации в большинстве своем формируют образ лирического субъекта — поэта, который в поэтическом языке получает многоаспектную характеристику.

Часть образов, характеризующих поэта, связана с определенными периодами развития литературы. Так, в 1920–1930-е гг. в русской поэзии развивается новая образная параллель «Поэт — производственное предприятие»: «Может быть, / нам / труд / всяких занятий роднее. / Я тоже фабрика. / А если без труб, / то, может, / мне / без труб труднее» (В. Маяковский), «Перебросилось в сердце сотрясение турбины. Я — мастерская, пронизанная шумами» (О. Мандельштам).

В XX в. появляются и новые элементы в составе различных семантических классов образов сравнения, прежде всего новые наименования профессий: «Я полпред стиха — и я с моей страной вашим штатишкам бросаю вызов» (В. Маяковский), «Нелегкое дело, товарищ, Ломать одиночества крепь, Из сердца и сердца сваривать Стальную гремучую цепь. И вот, я — настойчивый зодчий, И тот, кто вздувает меха, — Инженер, и — потный рабочий, Молотобоец в кузне стиха» (Б. Нарциссов), «Я ночной таксист. По любому / знаку, крику /я торможу, /открываю дверцу любому, / и любого я отвожу. / Я обслуживаю стихами, / как таксист — такси, / всех подряд» (Б. Слуцкий). Пополняется также группа названий меха-

низмов: «Я — слов *приводные ремни* На быстрые шкивы мозгов!» (Б. Нарциссов).

Образная характеристика поэта предполагает также отсылки к творчеству других авторов и использование в составе метафор их имен. Часть таких контекстов носит иронический характер: «“Я — новый *Байрон!*” — так кругом Ты о себе провозглашаешь. Согласен в том: Поэт Британии был хром, А ты — в стихах своих хромаешь» (Д. Минаев), «— ладно, я *пригов* — скажу, от вас упрыгав» (М. Степанова). Ирония отсутствует, как правило, в конструкциях с отрицанием: «Нет, я не *Байрон*, я другой, Еще неведомый избранник, Как он гонимый миром странник, Но только с русскою душой» (М. Лермонтов), «Нет, я не *Байрон*, и не арлекин, Что делать мне с тобою, сердце-море?» (Г. Адамович), «Я не *Дмитрий Алексаныч*, / Дмитрий Алексаныч умер, / Я не *Александр Сергеич*, / Александр Сергеич жив» (М. Степанова).

В поэзии круг метафорических отождествлений поэта может предельно расширяться. Так, в рассматриваемой конструкции идентификации в ряде случаев поэт прямо утверждает тождество себя со всем миром: «Я — целый мир. Всё то, что вижу я и знаю, / всё это — я, и лишь во мне живет; / всё это я своим сознанием создаю, / и это всё со мной умрет» (Н. Недоброво). В стихотворении И. Холина перечень субстантивных предикатов включает и прецедентные имена, и указание на адресата, и обозначение конкретного объекта, и тавтологическое утверждение: «Я сравниваю себя / Со всем Миром / Я — Эйнштейн / Вместе с теорией относительности / Я — недостроенный 12-этажный дом / С моей кооперативной квартирой / На третьем этаже / Я Пушкин / С поэмами / И стихами / Я — ты / Я — Я».

Для композиции поэтических текстов, в которых встречаются конструкции метафорической самоидентификации, характерно использование параллелизма, связанного с отсылкой к описываемым реалиям. Например, в стихотворении Александра Полежаева «Ахалук» сначала идет детальное описание этого предмета одежды, а затем происходит сопоставление его с лирическим Я: «Ахалук мой, ахалук, Ахалук демикотонный, Ты работа нежных рук Азиатки благосклонной! <...> И серебряной тесьмою, Как волнистою струею Дагестанского ручья, Обвились твои края. <...> Ах, серебряная змейка, Ненаглядная струя — Это ты, моя злодейка, Ахалук суровый — я!».

В стихотворении А. Фета «Хандра» описание осенней погоды проецируется на лирического субъекта: «Когда на серый, мутный небосклон Осенний ветер нагоняет тучи И крупный дождь в стекло моих окон Стучится глухо, в поле вихрь летучий Гоняет желтый

лист и разложён Передо мной в камине огонь трескучий, — *Тогда я сам осенняя пора*: Меня томит несносная хандра».

Другой композиционной особенностью текстов, в которых встречаются рассматриваемые конструкции, является соотношение взаимосвязанных общей ситуацией лирического субъекта и адресата (Я — Ты), чаще всего в таких текстах развивается тема отношений между людьми: «Я — *король*. Ты — *королева*. Мы в войне. Я главных сил И фельдмаршала их Гнева Не боюсь. Я б их разбил» (А. Майков), «Я — *заказчик*, ты — *купец*: нам пристала взглядов мена. <...> Ты — *судья*, а я — *истец*: нам пристала взглядов мена. На охоте ты — *олень*: скоры ноги, чутки уши, Но и я *лихой ловец*: нам пристала взглядов мена» (М. Кузмин), «Я — *алхимик*. / Ты — *моя проблема* / вечная... / Тебя не разрешить (Б. Окуджава).

Итак, конструкции самоидентификации, включающие метафорический субстантивный предикат, широко распространены в русской поэзии XVIII–XXI вв., при этом часть образов носит устойчивый характер, а часть является индивидуально-авторскими метафорами, основанными на различных семантических отождествлениях лирического субъекта. В поэтической речи конца XX — начала XXI вв. появляются нестандартные образные параллели, не имеющие соответствий в предшествующем периоде. Например: «Я *сметана*, меня полкило» (М. Степанова), «Я *мастер по ремонту крокодилов*» (А. Еременко), что говорит о лингвокреативности современных поэтических практик и о большей свободе творческого мышления.

Я-субъект в поэтической речи характеризуется разными образами сравнения. Наиболее объемным классом образов сравнения является класс наименований лиц. Традиционные ряды образов сравнения в рассматриваемой конструкции обновляются, пополняясь новыми элементами. В поэтическом языке развиваются и новые классы образов сравнения. Так, в поэзии XX в. появляются метафоры, представленные названиями частей тела и единицами семантического класса «Язык, речь», последнее говорит об усилении метаязыкового начала в поэзии. Наиболее ярким воплощением собственно-личного субъекта является образ поэта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Золян С.Т. Местоимение «Я»: механизм само- и ино-описания // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2023. № 2. С. 26–39.
2. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986. 205 с.
3. Корчагин К. Подозрительный субъект: к типологии субъекта в русской поэзии XX–XXI вв. // Субъектная структура лирики: коллективная монография. М., 2024. С. 47–59.

4. Левин Ю.И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С.464–482.
5. Малкина В.Я. Типология лирических субъектов // Новый филологический вестник. 2025. № 4 (67). С. 20–31.
6. Маркасова Е. В. Адъективный предикат «плохой/хороший» при местоимении Я // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. *Humanitates*. 2023. Т. 9. № 4 (36). С. 23–35.
7. Палеха Е.С. Поэтический текст в рамках коммуникативного подхода (на примере стратегии самопрезентации в поэтическом дискурсе Н. Гумилева) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 6. С. 241–251.
8. Стариченок В.Д. Категория вторичности и ее репрезентация в поэтическом дискурсе: на материале суппозитивных структур // Текст, контекст, интертекст: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции XIII Виноградовские чтения, ч. 1. М: МГПУ, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bspu.by/server/api/core/bitstreams/0fbf3f16-27c5-4ae0-854f-14784c36f21d/content> (дата обращения: 4.12.2025).
9. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985. 335 с.
10. Субъект в новейшей русскоязычной поэзии — теория и практика /Ed. by H. Stahl, E. Evgrashkina. Berlin a.o.: Peter Lang, 2018. 448 p. (Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien).
11. Субъект и лиминальность в современной поэзии. Т. 8.1. Границы, пороги, лиминальность и субъективность в современной русскоязычной поэзии / Под ред. Е. Фридрихс и Х. Шталь. Berlin a.o.: Peter Lang, 2020. 391 p.
12. Шестакова Л.Л., Кулева А.С. Местоимение «Я» в поэтическом языке Серебряного века по данным сводного авторского словаря // Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 28–54.
13. Russian Literature. Vol. 109–110, November — December 2019. Special Issue: The Lyrical Subject in Contemporary Russian Poetry. Guest Editor: Henrike Stahl.

REFERENCES

1. Korchagin K. Podozritel'nyi sub"ekt: k tipologii sub"ekta v russkoi poezhii XX–XXI vv. [The suspicious subject: Toward a typology of the subject in the 20th — 21st centuries Russian poetry]. *Sub"ektnaya struktura liriki: kollektivnaya monografiya* [The subject structure of lyrics: A collective monograph]. Moscow, Editus Publ., 2024, pp. 47–59. (In Russ.)
2. Kovtunova I.I. Poehticheskii sintaksis [Poetic syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 205 p.
3. Levin Yu.I. Lirika s kommunikativnoi tochki zreniya [Lyrics from a communicative point of view]. Levin Yu.I. *Izbrannye trudy: Poehtika. Semiotika* [Selected Works: Poetics. Semiotics]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1998, pp. 464–482. (In Russ.)
4. Malkina V.Ya. Tipologiya liricheskikh sub"ektov [A typology of lyrical subjects]. *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 2025, no. 4 (67), pp. 20–31. (In Russ.)
5. Markasova E.V. Ad"ektivnyi predikat «plokhoi/khoroshii» pri mestoimenii Ya [Adjectival predicate “bad/good” with the pronoun I]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* [Bulletin of Tyumen

- State University. Humanitarian studies. Humanitates]. 2023, vol. 9, no. 4 (36), pp. 23–35. (In Russ.)
6. Palekha E.S. Poehticheskii tekst v ramkakh kommunikativnogo podkhoda (na primere strategii samoprezentatsii v poehticheskom diskurse N. Gumileva) [Poetic text within the framework of the communicative approach (based on the strategy of self-presentation in N. Gumilev's poetic discourse)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2010, vol. 152, no. 6, pp. 241–251. (In Russ.)
 7. *Russian Literature*, vol. 109–110, November — December 2019. Special issue: The lyrical subject in contemporary Russian poetry. Guest Editor: Henrike Stahl.
 8. Shestakova L.L., Kuleva A.S. Mestoimenie «Ya» v poehticheskom yazyke Serebryanogo veka po dannym svodnogo avtorskogo slovarya [The pronoun “I” in the poetic language of the Silver Age according to the consolidated author's dictionary]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 2025, no. 1, pp. 28–54. (In Russ.)
 9. Starichenok V.D. Kategoriya vtorichnosti i ee reprezentatsiya v poehticheskom diskurse: na materiale suppozitivnykh struktur [The category of secondariness and its representation in poetic discourse: Based on suppositive structures]. *Tekst, kontekst, intertekst: sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii XIII Vinogradovskie chteniya, ch. 1*. Moscow, Moscow State Pedagogical University, 2014. URL: <https://elib.bspu.by/server/api/core/bitstreams/0fbf3f16-27c5-4ae0-854f-14784c36f21d/content> (accessed 4.12.2025).
 10. Stepanov Yu.S. V trekhmernom prostranstve yazyka: semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva [In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, and art]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1985. 335 p.
 11. Sub'ekt i liminal'nost' v sovremennoi poehzii. Tom 8.1. Granitsy, porogi, liminal'nost' i sub'ektivnost' v sovremennoi russkoyazychnoi poehzii [Subject and liminality in contemporary poetry. Volume 8.1. Boundaries, thresholds, liminality, and subjectivity in contemporary Russian language poetry]. Ed. by E. Friedrichs and H. Stahl. Berlin a.s.: *Peter Lang*, 2020, 391 p.
 12. Sub'ekt v noveishei russkoyazychnoi poehzii — teoriya i praktika [The subject in contemporary Russian language poetry — theory and practice]. Ed. by H. Stahl, E. Evgrashkina. Berlin a.o.: *Peter Lang*, 2018. 448 p. (Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien)
 13. Zolyan S.T. Mestoimenie «Ya»: mekhanizm samo- i ino-opisaniya [“I” as a subject of self- and other-reference: A linguistic perspective]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute], 2023, no. 2, pp. 26–39. (In Russ.)

Поступила в редакцию 31.01.2026

Отредактирована 26.05.2026

Принята к публикации 31.08.2026

Received 31.01.2026

Revised 26.05.2026

Accepted 31.08.2026

ОБ АВТОРАХ

Наталья Анатольевна Николина — к.ф.н., профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета;
na.nikolina@mpgu.su

Зоя Юрьевна Петрова — к.ф.н., ведущий научный сотрудник Института русского языка РАН; zoypar@mail.ru

Наталья Александровна Фатеева — д.ф.н., главный научный сотрудник Института русского языка РАН; nafata@rambler.ru

ABOUT THE AUTHORS

Nataliya A. Nikolina — PhD, Professor, Department of Russian Language, Moscow State Pedagogical University; na.nikolina@mpgu.su

Zoya Yu. Petrova — PhD, Leading Research Fellow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences; zoyap@mail.ru

Natalia A. Fateeva — Prof. Dr., Chief Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences; nafata@rambler.ru

К ИСТОРИИ ПРАВОПИСАНИЯ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОГОВ ИЗ-ЗА, ИЗ-ПОД

Чжао Пэнсян

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Китай; veralera1@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема переразложения сложных предлогов ИЗ-ЗА, ИЗ-ПОД на фоне становления их правописания. Объектом исследования является русская орфография XVIII–XIX вв. в своем историческом развитии, представленная в словарях, грамматиках, сводах правил и текстах, отразивших основные этапы формирования нормы орфографии названных предлогов. Предметом исследования является слитное, дефисное, раздельное написание данных предлогов и оформление их сочетаний со знаменательными словами в русской письменности XVIII–XIX вв. Материалом исследования послужили подкорпуса XVIII–XIX вв. Национального корпуса русского языка, два издания «Словаря Академии Российской» конца XVIII — начала XIX вв., «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г., «Русское правописание» Я.К. Грота 1885 г., «Словарь русского языка XI–XVII веков», «Словарь русского языка XVIII в.». Исследование проводится методами семантического, контекстуального и лингвокультурологического анализа, а также приемами направленной выборки из лексикографических источников и иллюстративного материала и приемом частотностатистической характеристики. Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые в диахроническом аспекте исследованы правила контактного, дефисного и слитного оформления как самих предлогов ИЗ-ЗА, ИЗ-ПОД, так и их сочетаний с существительными. В результате установлено следующее. Предлоги проходят два этапа вариативности, обусловленной исконно безъеровым характером предлога *из*: сначала варьируются *З* и *С* в первой части предлога ИЗ-ПОД, затем в исходе первой части обоих предлогов появляется *Ъ*. С началом словоделения в XVIII в. нестабильность орфографии предлогов связана с раздельным и полуслитным оформлением. Дефисное написание устанавливается в течение XIX в. и закрепляется в «Русском правописании» Я.К. Грота 1885 г. Раздельное оформление предлогов связано с процессом их переразложения, в результате чего образуются обороты ИЗ ПОДМЫШКИ и ИЗ ЗАГРАНИЦЫ и соответствующие существительные.

Ключевые слова: дефисное написание; раздельное написание; орфография предлогов; становление орфографии; кодификация орфографии

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-3

ON THE HISTORY OF SPELLING OF COMPLEX PREPOSITIONS *ИЗ-ЗА, ИЗ-ПОД*

Zhao Pengxiang

Shenzhen MSU-BIT University, China; veralera1@yandex.ru

Abstract: The article considers the problem of re-decomposition of complex prepositions *ИЗ-ЗА, ИЗ-ПОД* against the background of the formation of their spelling. The object of the study is the Russian spelling of the 18th–19th centuries in its historical development, presented in dictionaries, grammars, codes of rules and texts that reflect the main stages of the formation of the spelling norm of the named prepositions. The subject of the study is the continuous, hyphenated, separate spelling of these prepositions and the design of their combinations with significant words in the Russian writing of the 18th–19th centuries. The material for the study was the subcorpora of the 18th–19th centuries of the National Corpus of the Russian Language, 2 editions of the Dictionary of the Russian Academy of Sciences of the late 18th — early 19th centuries, Dictionary of Church Slavonic and Russian Languages (1847), *Russian Spelling* by Ya. K. Grot (1885), Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries, Dictionary of the Russian Language of the 18th Century. The study is conducted using the methods of semantic, contextual and linguacultural analysis, as well as the techniques of targeted sampling from lexicographic sources and illustrative material and the technique of frequency-statistical characteristics. The scientific novelty of the work lies in the fact that it is the first to study in the diachronic aspect the rules of contact, hyphenated and fused design of both the prepositions *ИЗ-ЗА, ИЗ-ПОД* themselves and their combinations with nouns. As a result, the following was established. Prepositions go through two stages of variability due to the original character of the preposition *ИЗ*: first, *З* and *С* vary in the first part of the preposition *ИЗ-ПОД*, then *Ъ* appears at the end of the first part of both prepositions. With the onset of word division in the 18th century, the instability of the spelling of prepositions is associated with separate and semi-fused design. Hyphenated spelling is established during the 19th century and is fixed in the *Russian Spelling* by Ya. K. Grot (1885). Separate design of prepositions is connected with the process of their re-decomposition, as a result of which the phrases *ИЗ ПОДМЫШКИ* and *ИЗ ЗАГРАНИЦЫ* and the corresponding nouns are formed.

Keywords: hyphenated spelling; separate spelling; spelling of prepositions; formation of spelling; codification of spelling

For citation: Zhao Pengxiang (2026). On the History of Spelling of Complex Prepositions *из-за, из-под*. *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 40–49.

Современные правила орфографии содержат довольно большой перечень предлогов, «состоящих из двух первообразных»: *из-за,*

из-под(о), по-за, по-над, по-под, для-ради, за-ради, с-под [Бешенкова, Иванова 2024: 25]. Подобные образования характерны скорее для диалектов: «Сложные предлоги, отличающие русские диалекты от русской литературной нормы, образованы... из двух предлогов, ср., напр., по-над, по-под, по-за, по-на, по-перед, под-на, под-за, на-под, за-под, за-по, до-за, до-по, в-за, в-под, с-по и т.п.» [Кузьменко 2007: 151]. Однако «в отличие от старых русских сложных предлогов из-за и из-под, в которых управляющую функцию в предложении выполняет первый элемент сложного предлога, в новых русских диалектных сложных предлогах эту функцию выполняет второй элемент сложного предлога... (ср. из-под дома, но диал. по-над забором)» [Кузьменко 2007: 151].

По данным «Словаря русского языка XI–XVII веков», первые случаи употребления предлогов из-за, из-под относятся к XV в.: *День той весь маялся из за Днепре рѣки и со вѣх сторон*¹. Псков, лет. (1412) [Словарь 1979: 157]; *Таторове всю рать судовую ис подѣ Казани отбили*. Ерм. лет., 159 (1469) [Словарь 1979: 201]. Вначале данные предлоги пишутся, как и все слова, в сплошном тексте без пробелов, а вариативность в их орфографии связана с меной З на С перед буквой П, обозначающей глухой согласный: ис подѣ. Названная особенность обусловлена исконно безъеровым характером предлога из [Каверина 2005а: 57].

Следующий этап становления правописания предлогов из-за, из-под также связан со спецификой их первой части — из. Изменение статуса букв Ъ и Ь, которые перестают обозначать гласные звуки, приводит к появлению знака Ъ как пограничного сигнала в конце исконно безъеровых предлогов и префиксов [Каверина 2005б: 70]. Написания предлога из-за с Ъ после из становятся предпочтительными с XVI в.: *Ахто что купитѣ или мѣнитѣ въ своей волости межѣ себя, или хто изѣ за волости купитѣ и приказицику съ того явки нѣтъ*. Уставн. гр. патр. Иова, 19. 1590 г. *Тотѣ де чюмакѣ со Пшаско-го кабака изѣ за стойки сбѣжалѣ, а снесѣ. съ собою питейныхъ денегѣ сорокѣ пять рублевѣ*. АЮБ II, 93. 1650 г. *Выбивается изѣ за стола вонѣ*. Котош., 46. 1667 г. *И свѣтейший патриархѣ изѣ за третьѣе тѣствы всталѣ и изѣ Грановитыя полаты пошелѣ*. ДАИ VI, 239. 1672 г. [Словарь 1979: 157].

Появление в исходе предлогов и приставок на <з> пограничного знака Ъ обычно сопровождается закреплением перед Ъ буквой З [Каверина 2016: 71–72]. В соответствии с данной закономерностью употребление Ъ в первой части предлога из-под приводит к тому,

¹ В издании «Словарь русского языка XI–XVII веков» примеры представлены в упрощенной орфографии со словоделением.

что З перестает меняться на С: *Тѣ животы **изъ подѣ** соборные церк-
ви изъ полаты крали.* АХУ I, 1349. 1697 г. *Везирь съ турскими рат-
ными людьми **изъ подѣ** Чигирина отступилъ.* ДАИ X, 143. 1682 г. *А въ
челобитной пишете, что васъ воры осилили, и вы неволею, **изъ подѣ**
сабли имѣ крестъ целовали.* АИ II, 251. 1609 г. [Словарь 1979: 201]. На
наш взгляд, отсутствие позиционной мены З на С в случае, когда
предлоги и префиксы на <з> вопреки традиции пишутся с конечной
Ѣ, обусловлено стремлением к единообразной передаче морфемы
независимо от произношения.

В течение XVIII столетия преобладают отдельные написания
предлогов *из-за* и *из-под* с Ѣ в исходе первой части. В подкорпусе
XVIII в. Национального корпуса русского языка (НКРЯ) обнаруже-
но 104 случая раздельного употребления *изъ за*, например: *И не
подобаетъ вещь ввѣренную обнажить **изъ за** замка или влагалища...*
[перевод трактата С. Пуфендорфа (1726)]; *Весь Римъ, и вся Алба,
вышли **изъ за** своихъ оградъ...* [В.Т. Обѣ истиннѣ сраженія у Гораціевъ
съ Куріаціями... (1755)]; *Около щита виситъ орденъ Христовъ, а **изъ
за** онаго видны концы креста ордена Ависова.* [Политическая
Географія (1758)]; *Она имѣла... губы толстыя, **изъ за** которыхъ были
видны два большія зуба...* [Ф.А. Эмин. Непостоянная фортуна...
(1763)]; *Предосторожности при возвращеніи войскъ **изъ за** границъ
въ Россію.* [Описание моровой язвы... (1775)]; *Напослѣдокъ... всталъ
изъ за стола...* [М. И. Веревкин. Исторія о странствіяхъ... (1782)]; *Съ
лѣвой стороны украшенъ тюрбанъ фіолетовымъ сольтаномъ, ко-
торый только мало **изъ за** него виденъ.* [Магазинъ общепользныхъ
знаній и изобрѣтеній... (1795)]; *На самомъ разсвѣтъ... подѣ
выстрѣлами наведенныхъ **изъ за** рѣки 10 пушекъ начали переби-
раться чрезъ оную...* [Иван Голиков. Историческое изображеніе
жизни... (1800)].

Как известно, дефисные написания появляются в русских печат-
ных текстах лишь в начале XVIII в. [Друговойко-Должанская, Попов
2019: 174]. Вероятно, поэтому случаев полуслитного оформления
изъ-за в подкорпусе XVIII в. НКРЯ отмечено лишь 7: *Жена моя въ
первомъ своемъ, замужствѣ была за лекаремъ... сказывался бѣднымъ
дворяниномъ **изъ-за** рѣки Гарумны.* [Н. Ознобишин (перевод). Не-
щастной французъ... (1764)]; *Марковъ вскочилъ тотчасъ **изъ-за**
стола...* [А.С. Шишков. Записки (1780–1814)]; *Одинъ изъ чиновниковъ,
услыша сіе, тотчасъ всталъ **изъ-за** стола и ушелъ...* [А.С. Шишков.
Записки (1780–1814)]; *Марфена оной испужавшись, и выбѣжавъ **изъ-
за** стола...* [Ф.А. Эмин. Адская почта или куріеръ изъ ада съ пись-
мами (1788)]; *Иногда **изъ-за** кусточка выглядываютъ у него смѣшныя
Фауны...* [Н.М. Карамзин]. Соломонъ Геснеръ // Московской жур-
налъ. Часть VI, 1792]; *Третій полосатый флеровый тюрбанъ, съ*

льваго боку снаряженный блестящею астрою, **изъ-за** которой видѣнь бѣлый съ лиловымъ союзный эспри... [Модный журнал [Август]. Модныя новизны (1795)]; *По томъ вынулъ онъ **изъ-за** пазухи другой портретъ...* [Увядшій вѣнокъ...(1795)].

Еще меньше дефисных написаний предлога *изъ-подъ* — всего 2: *Такимъ образомъ... зять потаенно принесенной хлѣбъ или колачъ вынявъ **изъ-подъ** полы, старается положить на столъ...* [И.И. Лепехин. Дневныя записки... (1768–1769)]; *Сними ее съ дерева... а я возьму немного святой земли **изъ-подъ** жертвенника* [[Н.М. Карамзин]. Сцены изъ Саконталы... (1792)].

В подавляющем большинстве случаев употребления *изъ-подъ* оформлены раздельно — 98, например: <...> *а другіе люди **изъ подъ** неволи, и съ принужденіемъ дѣлають.* [С.С. Волчков. Совершенное воспитаніе дѣтей [(1747)]; *Какъ сего вели **изъ подъ** караулу...* [Извѣстіе о житіи Турецкаго султана... (1755)]; *По сему Миръ-Вейсъ освободился **изъ подъ** караула...* [Ф.И. Соймонов. Описание Каспійскаго моря (1763)]; *На самой ея высотѣ находилась пространныя площадь, а **изъ подъ** подошвы текъ ручей.* [Н. Ознобишин (перевод). Несчастной французъ... (1764)]; *Близъ самага отверстія **изъ подъ** подошвы горы бѣють два сильныя ключа...* [И.И. Лепехин. Продолженіе Дневныхъ записокъ путешествія... (1770)]; *Естьли у лошади языкъ слишкомъ разпухнетъ, то надобно... **изъ подъ** языка кинуть ей кровь...* [А.Т. Болотов и др.. [Статьи] // Экономическій магазин, Часть XII, 1782]; *Цвѣты бываютъ... держащіеся на маленькихъ стебелькахъ, которыя выходятъ **изъ подъ** исподу язычковъ листочныхъ.* [Н. Иванов. Подробный словарь... (1792)]; *Навозъ, выметываемый **изъ подъ** скотовъ, должно складывать въ укромныхъ мѣстахъ...* [В.А. Левшин. Всеобщее и полное домоводство, часть I (1795)].

В течение XIX столетія происходитъ становленіе полуслитнаго оформленія предлоговъ *изъ-за* и *изъ-подъ*. Так, раздельное написание *изъ-за* встречается 191 разъ, *изъ подъ* — 201 разъ, тогда какъ дефисное написание отмечено 2092 и 593 раза соответственно. Оно и было закреплено в «Русскомъ правописаніи» Я.К. Грота [Грот 1885: 89]. После реформы 1917–1918 гг. продолжается вытесненіе раздельныхъ написаній дефисными, однако первые не исчезаютъ совсемъ вплоть до нашего времени, хотя и остаются единичными.

Особый интересъ представляетъ процесс, который можно назвать распаденіемъ сложныхъ предлоговъ *из-за* и *из-подъ*, что связано съ ихъ двухфокуснымъ характеромъ [Кузьменко 2007: 151].

В концѣ XVIII в. в изданіи В.А. Левшина «Всеобщее и полное домоводство» 1795 г. отмечена особая орфографія предлога *изъ-подъ*, вторая часть котораго присоединяется къ знаменательному слову при помощи дефиса. Обнаружено 6 такихъ случаев: *Естьли лошадь хро-*

маеть, **изъ подѣ**-больной ноги вынимають подкову... Вскипяти въ котль воды, и брось въ нее горячей золы, взявъ оной прямо **изъ подѣ**-огня. <...> надобно лошади пустить кровь **изъ подѣ**-языка... Хорошо также пустить лошади кровь изъ подпругной или **изъ подѣ**-язычной жилы... <...> пребываетъ зелена подѣ снѣгомъ, **изъ подѣ**-котораго выкапываютъ ее зимою къ употребленію; Поваривъ золу съ водою полчася, надлежитъ **изъ подѣ**-котла огонь вынуть и дать ему остыть. [В.А. Левшин. Всеобщее и полное домоводство, часть VI (1795)].

В «Словаре русского языка XVIII в.» представлены примеры, в которых вторая часть сложных предлогов сливается со знаменательным словом, а первая пишется отдельно: Возгнушается колеблящий сердца **из запредѣлов** вселенныя дать мстити за себя и самому Царю. Рдщв Пут. 296. [Словарь 1997: 36]. <Померанцы> собирают **из поддревес** и полагают на солнце и сушат. Афон. гора 77. [Словарь 1997: 60]. Очевидно, это только особенность правописания, поскольку образования **запредѣлы** или **поддревеса** в русском языке не отмечены.

Однако в XIX в. появляются случаи, которые могут быть интерпретированы как переразложение предложного сочетания, сопровождающееся распадением сложного предлога.

В первую очередь следует рассмотреть сочетание *из подмышки*, которое в подкорпусе НКРЯ XIX в. употребляется наряду с *из-под мышки* с тем же значением: <...> я поднялъ ее и узналъ свою собственную вещь, которую вѣроятно обронилъ **изъ-подѣ мышки**. [В.Г. Старостин. Последняя (1870)]; Да уж такого не сыщешь, — перебил кучер и выдернул проворно совсем наружу торчавший **из подмышки** Захара клочок рубашки. [И.А. Гончаров. Обломов (1859)].

Во втором примере вместо сочетания *из-под мышки* употребляется разговорное существительное *подмышка* с предлогом *из*, при этом происходит изменение предлога *из-под*, обозначающего «направление движения с места, над которым или поверх которого что-л. находится» [БАС 2007: 182], на предлог *из*, имеющий уже иное значение — «места, предмета, пространства и т. п., откуда направлено движение» [БАС 2007: 70]. До реформы 1917–1918 гг. в НКРЯ отмечено 7 таких случаев, однако и сочетаний *из-под мышки* в данный период тоже немного — всего 18. В подкорпусе НКРЯ пореформенного периода написание *из подмышки* (45 примеров) успешно конкурирует с литературным вариантом *из-под мышки* (74 примера). При этом семантически сочетания полностью идентичны, например: Пошаривши там, за левою грудью, достала она **из подмышки** завязанный неизбежною серой тесемкой толстый холицовый мешочек. [И.А. Новиков. Жертва (1921)]; Мишутка пошел смирно, оглядываясь

на отца, потом вытащил **из-под мышки** узел... [И.В. Евдокимов. Колокола (1925)].

На столетие позднее возникает написание *из подпола*. До реформы отмечено лишь 2 текста с таким употреблением, тогда как после 1917 г. их число растёт, и в подкорпусе НКРЯ данного периода их зафиксировано 60, самое раннее из которых следующее: *Скрипнув, она подалась. Из подпола пахнуло сыростью и гнилью. Мишка стал на колени.* [М.А. Шолохов. Тихий Дон. Книга третья (1928–1940)].

Несмотря на то, что в словарях того времени и раньше существительное *подпол* не зафиксировано, а есть только *подполье*, в нашем примере четко проявляется именно это значение — ‘то же, что *подполье*’. Само же слово *подпол* фиксируется в памятниках с XVII в.:

ПОДПОЛЬ, м. Помещение под полом, подполье. Онѣ окна и ворота ломали и столѣ в ызбѣ розкололи, и я забился в подполь. А. Свир. м., N 104, сст. 1. 1659 г. Попа Тимофѣя и товарищей ево... бив насмерть... кинули на ночь в потпол. Разин, восст. II, 200. 1670 г. [11. С. 40].

Исходя из этого можно предположить, что, в отличие от сочетания *из подмышки*, конструкция *из подпола* не связана с процессом переразложения предложного сочетания *из-под пола*.

Существительное *заграница* не зафиксировано ни в обоих изданиях «Словаря Академии Российской», ни в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. Оборот *из заграницы* в дореформенный период почти не употребляется: в подкорпусе НКРЯ до 1917 г. отмечено 67 примеров с сочетанием *из-за границы* и лишь 6 случаев употребления конструкции *из заграницы*: *Ужь если мы настолько не развиты, что не въ состояніи производить хорошаго стальнаго товару и должны получать его изъ заграницы...* [Н.В. Шелгунов. Переходный момент нашей промышленности. (Статья первая.) // «Дѣло», № 8, 1867]; <...> *люди называли гадательно тѣ или другія имена лицъ, о смерти которыхъ могла придти вѣсть изъ заграницы.* [А.К. Шеллер-Михайлов. Чужие грехи (1880)]; *Въ концѣ концовъ придется, пожалуй, выписывать изъ заграницы кукурузу...* [В.А. Гольцев. Внутреннее обозрение [ноябрь] // Русская мысль, 1880];

Хотя Ѳеодоръ Михайловичъ... изрядка, какъ это значитъся въ одномъ изъ писемъ его изъ заграницы въ 1862 году, способенъ былъ... [К.К. Случевскій. Достоевскій (Очеркъ жизни и дѣятельности) (07.02.1889)]; *Начать съ того, что онъ «привезъ... изъ заграницы новаго фасона бользни, какихъ прежде не зналъ»...* [Н.А. Белоголовый. Из переписки с М.Е. Салтыковым (1894)].

Особое место среди данных написаний занимает следующее: *Позорища, гулянья, пиры... учили меня потребнымъ къ тому прави-*

ламъ, *изъ заграницъ* которыхъ выступать дружески мнѣ запрещали. [Н. Ознобишин (перевод). Неšťастной французъ... (1764)].

Очевидно, что семантика сочетания *из заграницы* в данном примере не связана с понятием *заграница*, которое представлено в других приведенных предложениях. Здесь точно не прослеживается процесса переразложения предложного сочетания *из-за границы*, в отличие от остальных случаев. Число подобных примеров значительно возрастает в пореформенный период: в соответствующем подкорпусе НКРЯ их 133, что составляет почти 10 процентов от количества употреблений литературного варианта *из-за границы*.

Полагаем, что с процессом переразложения предложного сочетания связано образование оборотов *из подмышки*, *из заграницы*, тогда как существительное *подпол* возникло задолго до фиксации первых случаев употребления сочетания *из подпола*.

Подведем итоги. Образования *из-за* и *из-под*, в отличие от других сложных предлогов, состоящих из двух первообразных, закрепились в русском литературном языке. Вначале они пишутся, как и все слова, в сплошном тексте без пробелов. Вариативность их орфографии обусловлена исконно безъеровым характером предлога *из* и состоит в мене 3 на С перед глухой согласной П в предлоге *из-под* — *ис подѣ*. Этот процесс завершается после появления знака Ъ в конце исконно безъеровых предлогов — *изѣ-за*, *изѣ-подѣ*. С началом словоделения в XVIII в. предлоги пишутся раздельно; становление полуслитного их оформления происходит в течение XIX столетия и закрепляется в «Русском правописании» Я.К. Грота 1885 г. Предлоги *из-за* и *из-под* подвержены процессу переразложения предложных сочетаний, в результате чего образуются обороты *из подмышки* и *из заграницы* и соответствующие существительные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Русское правописание с комментариями (в 4-х кн.). Книга 2. Слитное, дефисное, раздельное написание. М., 2024.
2. БАС — Большой академический словарь русского языка. Т. 7: И–Каюр. СПб., 2007.
3. Грот Я. К. Русское правописание: Руководство, сост. по поручению 2-го Отделения акад. наук, акад. Я.К. Гротом. Санкт-Петербург, 1885.
4. Друговейко-Должанская С.В., Попов М.Б. Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация: учебник. СПб., 2019.
5. Каверина В. В. Орфография изданий Российской грамматики М. В. Ломоносова XVIII–XIX столетий в контексте правописной нормы своего времени // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. № 1. С. 67–91.
6. Каверина В. В. Орфография русских периодических изданий XVII–XIX вв.: варьирование конечных согласных префиксов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2005. № 4. С. 57–66.

7. Каверина В. В. Орфография русских периодических изданий XVII–XIX вв.: правописание букв Ъ и Ь // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2005. № 3. С. 70–76.
8. Кузьменко Ю. К. Сложные предлоги в североскандинавских языках и в русских диалектах (к истории одной параллели) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований Российской академии наук. СПб., 2007. С. 149–160.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

9. НКРЯ = Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 15.08.2025).
10. Словарь русского языка XI–XVII веков. М., 1979. Вып. 6.
11. Словарь русского языка XI–XVII веков. М., 1990. Вып. 16.
12. Словарь русского языка XVIII века. СПб., 1997. Вып. 9 (*Из — Касма*).

REFERENCES

1. Beshenkova Ye. V., Ivanova O. Ye. *Russkoye pravopisaniye s kommentariyami* (v 4-kh kn.). *Kniga 2. Slitnoye, defisnoye, razdel'noye napisaniye* [Russian spelling with comments (in 4 books). Book 2. Solid, hyphenated, separate spelling]. Moscow: Pero Publishing House, 2024. 154 p.
2. *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Large academic dictionary of the Russian language]. Vol. 7. St. Petersburg: Nauka, 2007. 728, [1] p.
3. Grot YA. K. *Russkoye pravopisaniye: Rukovodstvo, sost. po porucheniyu 2-go Otd-niya akad. nauk, akad. YA. K. Grotom* [Russian spelling: Manual, compiled by order of the 2nd Division of the Academy of Sciences, Academician Ya. K. Grot]. St. Petersburg: type. Academy of Sciences, 1885. XII, 148 p.
4. Drugoveyko-Dolzanskaya S.V., Popov M.B. *Sovremennoye russkoye pis'mo: grafika, orfografiya, punktuatsiya: uchebnik* [Modern Russian writing: graphics, spelling, punctuation: textbook.]. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University, 2019. 400 p.
5. Kaverina V. V. Orfografiya izdaniy Rossiyskoy grammatiki M. V. Lomonosova XVIII–XIX stoletiy v kontekste pravopisnoy normy svoyego vremeni [Orthography of the editions of the Russian grammar of M.V. Lomonosov of the 18th–19th centuries in the context of the spelling norm of its time]. *Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology*. 2016. No. 1. P. 67–91.
6. Kaverina V. V. Orfografiya russkikh periodicheskikh izdaniy XVII–XIX vv.: var'irovaniye konechnykh soglasnykh prefiksov [Orthography of Russian periodicals of the 17th–19th centuries: variation of final consonant prefixes]. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*. 2005. No. 4. P. 57–66.
7. Kaverina V. V. Orfografiya russkikh periodicheskikh izdaniy XVII–XIX vv.: pravopisaniye bukv Ъ, Ь [Orthography of Russian periodicals of the 17th–19th centuries: spelling of the letters Ъ and Ь]. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*. 2005. No. 3. P. 70–76.
8. Kuz'menko YU. K. Slozhnyye predlogi v severoskandinavskikh yazykakh i v russkikh dialektakh (k istorii odnoy paralleli) [Complex prepositions in the North Scandinavian languages and in Russian dialects (on the history of one parallel)]. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences*. St. Petersburg: Nestor-History, 2007. P. 149–160.

SOURCES OF EXAMPLES

9. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [The National Corpus of the Russian language]. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (accessed: 15.08.2025).
10. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vekov* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Moscow: Nauka, 1979. Issue 6. 360 p.
11. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vekov* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Moscow: Nauka, 1990. Issue 1 6. 295 p.
12. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. St. Petersburg: Nauka, 1997. Issue 9. 270 p.

Поступила в редакцию 17.03.2026

Отредактирована 25.05.2026

Принята к публикации 31.08.2026

Received 17.03.2026

Revised 25.05.2026

Accepted 31.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Чжао Пэнсян — к.ф.н., доцент, старший преподаватель филологического факультета Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне; veralera1@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Zhao Pengxiang — PhD, Associate Professor, Senior Lecturer, Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University; veralera1@yandex.ru

«СЛУЖЕНИЕ» И «ЖЕРТВЕННОСТЬ» В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ БОГОСЛОВОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

И.Д. Иванов

Религиозная организация — духовная образовательная организация высшего образования «Санкт-Петербургская духовная академия Русской православной церкви», Санкт-Петербург, Россия; IDgiovanni@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме преподавания русского языка как иностранного (РКИ) в специализированной аудитории — иностранным студентам духовных школ Русской православной церкви. Автор обосновывает тезис о том, что для будущих богословов русский язык выступает не просто средством коммуникации, а онтологической средой бытования сакральных смыслов. В связи с этим традиционная коммуникативная лингводидактика оказывается недостаточной, так как ключевые культурные концепты («служение», «жертвенность») требуют не заучивания, а герменевтического проникновения. В качестве решения предлагается междисциплинарная модель обучения, интегрирующая три подхода: онтологическую герменевтику (понимание как событие встречи с традицией), теолингвистику (выявление духовных архетипов в языке) и концепцию воспитания миросозерцания. Автор вводит понятие «духовного архетипа» как инварианта, восходящего к библейскому первообразу и реализуемого в литературных текстах. Во второй части статьи на примере анализа концептов «служение» (в диалектике Логоса и кеносиса) и «жертвенность» (в парадоксе Агнца-Победителя) демонстрируется практическое применение модели. Делается вывод, что предлагаемый подход позволяет преодолеть семантический редукционизм и сформировать у студентов целостное христианское мирозерцание, превращая изучение языка в событие встречи с традицией. Статья адресована преподавателям РКИ, теологам и лингвокультурологам.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ); лингвокультурология; теолингвистика; духовный архетип; онтологическая герменевтика; служение; жертвенность; преподавание РКИ в духовных школах; иностранные студенты-богословы; междисциплинарный подход; герменевтический диалог; религиозная картина мира; русская классическая литература

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-4

Для цитирования: Иванов И.Д. «Служение» и «жертвенность» в русской традиции: лингвокультурологический аспект в обучении иностранных бого-

“MINISTRY” AND “SELF-SACRIFICE” IN THE RUSSIAN TRADITION: A LINGUOCULTURAL ASPECT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TO INTERNATIONAL THEOLOGY STUDENTS

Ivan D. Ivanov

*Religious Organization — Spiritual Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church”,
St. Petersburg, Russia; IDgiovanni@yandex.ru*

Abstract: The article addresses the relevant issue of teaching Russian as a Foreign Language in a specialized context — to international students at theological schools of the Russian Orthodox Church. The author substantiates the thesis that for future theologians, the Russian language serves not merely as a means of communication, but as an ontological environment for the existence of sacred meanings. In this regard, traditional communicative linguodidactics proves insufficient, as key cultural concepts (“ministry”, “self-sacrifice”) require not rote memorization, but hermeneutic penetration. As a solution, an interdisciplinary teaching model is proposed, integrating three approaches: ontological hermeneutics (understanding as an event of encounter with tradition), theolinguistics (identifying spiritual archetypes in language), and the concept of nurturing a worldview. The author introduces the notion of the “spiritual archetype” as an invariant originating from a biblical prototype and realized in literary texts. In the second part of the article, the practical application of the model is demonstrated through the analysis of the concepts “ministry” (in the dialectic of Logos and kenosis) and “self-sacrifice” (in the paradox of the Lamb as Victor). It is concluded that the proposed approach allows overcoming semantic reductionism and forming a holistic Christian worldview in students, transforming language learning into an event of encounter with tradition. The article is addressed to Russian as a Foreign Language teachers, theologians, and linguoculturologists.

Keywords: Russian as a Foreign Language; linguoculturology; theolinguistics; spiritual archetype; ontological hermeneutics; ministry; self-sacrifice; teaching RFL in theological schools; international theology students; interdisciplinary approach; hermeneutic dialogue; religious worldview; Russian classical literature

For citation: Ivanov I.D. (2026) “Ministry” and “Self-Sacrifice” in the Russian Tradition: The Linguocultural Aspect of Teaching Russian as a Foreign Language to International Theology Students. *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 50–64.

Введение

Растущее число иностранцев, избравших духовные школы Русской православной церкви своим путем, закономерно ставит перед

системой обучения в них русскому языку новые, более глубокие вопросы, выходящие за рамки простой передачи языковых навыков. При этом современная лингводидактика, парадигма которой ориентирована на формирование коммуникативной компетенции, сталкивается с методологическим кризисом в специфическом контексте преподавания русского языка как иностранного (РКИ) будущим теологам, когда язык выступает в качестве носителя особых (и весьма сложных) культурных смыслов. В этой ситуации вопрос смысловыражения формулируется не просто «Как это сказать?», а «Почему это значит то, что значит, и как это пережить?». Для указанной аудитории язык — не просто инструмент общения, но онтологическая среда бытования сакральных смыслов. Это означает, что значения ключевых концептов («служение», «жертвенность») не могут выводиться исключительно из их словарных дефиниций или синтагматических связей; они «встроены» в религиозную традицию и практику. Эти концепты являются культурными кодами, требующими для своего адекватного усвоения не заучивания, а герменевтического проникновения — вживания в традицию, их породившую.

Наш опыт работы с иностранными студентами в Санкт-Петербургской духовной академии в качестве преподавателя русского языка как иностранного (РКИ) и специальных дисциплин позволяет нам предложить в качестве ориентира междисциплинарную модель, трансформирующую изучение языка из курса по приобретению навыков в практику духовно-антропологического становления, где усвоение языка есть одновременно процесс формирования определенного типа личности. Игнорирование антропологического измерения в таком специфическом контексте ведет к семантическому редукционизму, когда богатейшие концепты упрощаются до их поверхностных значений. Задача русиста-преподавателя РКИ в данной модели — не проповедь, а адекватная передача глубины культурных кодов. Речь идет, безусловно, не о навязывании мировоззрения, а о системном и научно обусловленном раскрытии логики его формирования в языке.

Наша статья состоит из двух частей. В первой мы раскрываем методологическую базу предлагаемого нами подхода, обсуждаем три компонента образовательной модели, с помощью которой, как нам представляется, можно оптимизировать обучение иностранных студентов-теологов русскому языку, а также указываем на принципы взаимодействия русиста-преподавателя РКИ с преподавателями специальных дисциплин в рамках этой модели. Во второй части мы обращаемся к анализу двух духовных архетипов православной картины мира — «служение» и «жертвенность» — на фоне их близнецов-концептов. Таким образом, в первой части статьи содержатся

рекомендации, как преподавателю РКИ следует действовать, чтобы стать участником духовного формирования иностранного студента, а не просто учить его удовлетворению его коммуникативных потребностей. Во второй части мы даем образец материала, который, собственно, является предметом обучения.

Методологическая база

В основе предлагаемой концепции лежит синтез трех методологических подходов, создающий целостный и прочный каркас для построения образовательной модели: онтологической герменевтики, позволяющей рассматривать понимание как событие встречи с традицией; теолингвистического подхода, выявляющего роль духовных архетипов в языке; и концепции воспитания мирозозерцания, которая задает антропологический вектор образовательного процесса. В этой модели теологические элементы — не дань традиции, а системные, методологически необходимые компоненты, обеспечивающие работу модели.

1) Герменевтика как онтология понимания. Для наших задач целесообразно исходить не из классической филологической герменевтики (искусство истолкования текстов), а из философской герменевтики Х.-Г. Гадамера (1900–2002)¹, где понимание — это не результат метода, а событие (*Geschehen*), происходящее с интерпретатором. Для иностранного студента-богослова это означает необходимость не просто «узнать» значения слов, но экзистенциально «вжиться» в традицию, признать свое призвание и принадлежность к единому историко-духовному процессу. Понимание в этом контексте — это не присвоение информации, а встреча с истиной, преобразующая самого понимающего. Если понимание — это событие, то задача педагогики — создать условия для его совершения: через диалог с текстами, среду, совместную работу с носителем традиции (богословом). Такой подход переводит обучение из плоскости трансляции информации в плоскость организации опыта. Эта событийность осуществляется в акте «слияния горизонтов» (*Horizontverschmelzung*) — горизонта ожиданий и предрассудков интерпретатора и горизонта самого текста/традиции. И здесь важна категория «истории воздействия» (*Wirkungsgeschichte*), то есть то, как историческое бытие концепта в культуре влияет на его понимание сегодня [Гадамер 1988].

¹ Ханс-Георг Гадамер (1900–2002), основоположник философской герменевтики («Истина и метод», 1960), развивал учение о языке как среде понимания и «предрассудках» сознания, что актуально для теолингвистического анализа сакральных текстов.

2) Теолингвистика и категория духовного архетипа. Теолингвистика, которую, безусловно, можно рассматривать и как богословие языка [Ноппен 1981; Вагнер 1999; Кристал 2018; Глубоковский 1914; Хайдеггер 2007; Рикер 1995], в данной работе интерпретируется нами принципиально иначе — как лингвокультурологический подход [Гумбольдт 2001; Лосев 2015; Кассирер 2011; Гадомский 2007; Красных 2010; Постовалова 2012; Кончаревич 2012], который постулирует, что религиозное сознание формирует глубинные, архетипические структуры языка и мышления. Мы вводим рабочую категорию «духовного архетипа». Это не юнгианский архетип [Юнг 2019]², а семиотический и лингвокультурный концепт: устойчивый первообраз, закрепленный в сакральном тексте (например, в Библии), который становится матрицей для порождения множества культурных и языковых смыслов, выступая по отношению к своим реализациям в различных текстах как инвариант, как первообраз, «логос» вещи, отраженный в человеческом сознании, языке и культуре. Так, концепты «служение» и «жертвенность», к рассмотрению которых мы приступим далее, понимаются нами не как абстрактные идеи, но как языковые воплощения соответствующих библейских архетипов. Задача педагога — показать эту связь, продемонстрировав, как архетип мигрирует из сакрального текста в литературный, меняя форму, но сохраняя ядро. Сверхзадача педагогического процесса — не просто описать духовные архетипы логически и исторически, но актуализировать, пробудить в сознании учащегося их чувственно-духовное переживание через всю полноту языковых средств, задействованных в его вербализации, используя ресурсы и этимологии, и стилистики, и поэтики художественного текста.

Мы считаем неоправданным опасение, которое может возникнуть: «Не приведет ли это к редукции богатства литературных смыслов к нескольким библейским схемам?» Напротив, предлагаемый подход позволяет увидеть глубину и вариативность литературных воплощений духовных архетипов. Писатель не иллюстрирует

² Юнгианские архетипы — базовые элементы коллективного бессознательного (К.Г. Юнг): универсальные, врожденные психические структуры и образы (Мать, Ребенок, Тень, Самость, Анима/Анимус), составляющие общечеловеческую основу опыта. В отличие от платоновских идей, они динамичны и актуализируются при взаимодействии со средой, формируя поведение, мифы и сны. Архетипы направляют процесс индивидуации и организуют восприятие, оставаясь неосознаваемыми формами, подобными «оси кристалла». Позднее Юнг развил представление об их «психоидной» природе как мосте между психикой и материей (в т. ч. в коллаборации с В. Паули). Концепция оказала влияние на психологию, литературоведение, культурологию и маркетинг, но также подвергалась критике за эссенциализм и европоцентризм.

архетип, а вступает с ним в творческий диалог, порождая новые смыслы. Наша задача — проследить эту трансформацию, а не свести к схеме. Например, концепт «служение» у Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского раскрывается через духовный архетип, что дает разные художественные и философские результаты.

3) Воспитание мирозерцания как практическая цель. «Мирозерцание» (*Weltanschauung*) — это не просто сумма знаний, а целостная, системообразующая картина мира, определяющая ценности, поведенческие модели и языковые практики индивида [Dilthey 1989: 416]. Воспитание такой картины мира происходит не через индоктринацию, а через погружение в среду («язык культуры»), где язык выступает главным медиумом. Это процесс интериоризации внешних культурных форм во внутренние смысловые структуры личности. Такой комплексный подход находит свое завершение и практическое воплощение в идее воспитания целостного христианского мирозерцания. Получая прочное теоретическое основание, мирозерцание перестает быть лишь умозрительным учением и становится практической религиозной задачей. Если классики русской религиозной мысли [Франк 1996; Бердяев 1999] утверждали, что мирозерцание должно быть воспитано, то в философско-педагогической системе С.И. Гессена этот тезис обретает свое антропологическое измерение: подлинная личность не дана человеку от природы, а задана ему как цель, и обретается она только через воспитание и усилие по достижению сверхличных ценностей [Гессен 1995]. А процесс воспитания всегда происходит в определенной культурной среде с помощью языка этой культуры.

Таким образом, наша модель преследует цель: превратить изучение языка из академического курса в процесс духовно-антропологический, где усвоение концептов есть ступень к формированию определенного, духовно ориентированного типа личности. Это финальный, интегративный уровень. Усвоение концептов через герменевтику и теолингвистику становится ступенью к формированию целостной личности, для которой русский язык — ключ к особой форме религиозно-культурного опыта.

Здесь может возникнуть новое опасение: «Это пахнет манипуляцией сознанием. Грань между “воспитанием” и “навязыванием” очень тонка». Однако существует ключевое отличие — в опоре на герменевтический диалог, а не монолог. Предлагаемая нами модель не предлагает готовых ответов, а создает условия для самостоятельного поиска и встречи с культурой. Цель ее — не сформировать «правильное» мнение, а дать инструменты для глубокого, осмысленного диалога с традицией, что исключает манипуляцию.

Культурно-исторический контекст: единство русской христианской традиции

Предлагаемая модель исходит из аксиомы об органической христианской природе русской классической культуры: русская классическая литература и культура вплоть до XX века была органически христианской по своему генезису, языку и системе ценностей. Это не богословский постулат, а культурно-исторический факт, подтверждаемый данными лингвистики [Толстой 1995; Живов 1996], истории литературы [Лихачев 2000] и семиотики [Топоров 1995; Лотман 1994]. Утверждение об органической христианской природе русской культуры — это констатация факта ее происхождения (генезиса), подобно тому, как фактом является насыщенность английской поэзии времен Шекспира библейскими образами. Игнорировать это — значит отказаться от понимания языка, на котором с читателем говорит автор.

Создание старославянского языка как языка сакрального и его влияние на русский литературный — факт исторический. Высокая абстрактная лексика («истина», «совесть», «милосердие») имеет церковнославянские корни, неся в себе исходный сакральный оттенок [Колесов 2015]. Евангелие и агиография являются главным пре-текстом, гипертекстом по отношению к классической литературе [Пиккио 2003: 435–436]. Без знания этого кода множество аллюзий, реминисценций и смыслов остаются нераскрытыми (например, евангельские аллюзии в «Преступлении и наказании»). Система ценностей, отстаиваемая русской классикой, генетически восходит к евангельской этике. Даже когда автор полемизирует с ней (как Толстой), он остается внутри порожденного ею смыслового поля.

Следовательно, со-работничество лингвиста и богослова в педагогическом процессе оказывается не внешним методическим приемом, а единственно естественным способом реконструкции той картины мира, в которой жили и творили создатели русской культуры. При этом мы далеки от мысли игнорировать светские, западные, атеистические пласты русской культуры XVIII–XIX вв., однако утверждаем, что даже в полемике с христианской традицией (как у нигилиста или революционера) русский писатель зачастую остается внутри порожденного ею смыслового поля. Его бунт — это диалог с традицией, а не ее игнорирование. Для понимания самой полемики и ее накала необходимо знать ее предмет. Без Христа не понять бунта Ивана Карамазова.

Уровни междисциплинарного со-работничества в педагогическом процессе

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем для обучения иностранных студентов-теологов трехуровневую педагогическую модель, где на каждом этапе реализуется принцип кооперации филолога и богослова в рамках единого христианского культурно-исторического контекста.

Уровень первый: семантико-архетипическая реконструкция. Лингвист и богослов совместно выстраивают смысловые и архетипические цепочки, демонстрируя, например, как современное светское слово «совесть» семантически и этимологически восходит к церковнославянскому «вѣсть съмъ» — знанию, со-общенному с Богом, совместному с Ним ведению. На этом же этапе происходит первичное знакомство с библейскими архетипами, стоящими за концептами.

Уровень второй: герменевтика текста. Анализ агиографических (жития святых) и классических литературных текстов ведется как совместное вживание в единую смысловую парадигму. Лингвист фокусируется на анализе языковых средств создания образа (метафоры, символы, стилистические фигуры), в то время как богослов раскрывает догматический, литургический и аскетический контекст, позволяющий понять мотивацию персонажей и авторский замысел.

Уровень третий: аксиологическое моделирование и воспитание посредством среды. Создается особая лингводуховная образовательная среда через проектную деятельность, требующую от студента самостоятельного смысловотворчества на основе усвоенных архетипов.

Перейдем к рассмотрению двух конкретных примеров концептов, на которых может быть реализована предложенная модель.

Предлагаемый анализ не претендует на описание всей русской литературы или всей духовной традиции. Мы сознательно фокусируемся на тех произведениях и образах, которые напрямую наследуют евангельской логике кеносиса и жертвы. Вне нашего рассмотрения остаются герои, реализующие иные модели служения — например, деятельно-преобразующие (Базаров) или эстетические. Наша задача — проследить именно этот, христиански-ориентированный вектор, который, однако, оказал определяющее влияние на формирование нравственного идеала в русской культуре.

Концепты «служение» и «жертвенность»: от библейских архетипов к литературным воплощениям

1. Архетип служения: Логос, совмещенный с кеносисом. Понимание образа Христа в христианстве строится на диалектике

славы и уничижения. Его божественная природа описывается через понятие Логоса (Ин. 1:1) — предвечного Слова и Разума, через который был сотворен мир. Как Логос, Он является источником всякой власти и суверенности, архетипом чистого творчества и абсолютного величия. Однако ключом к искуплению становится кеносис (Фил. 2:6–7) — парадоксальный акт самоистощания. Тот, кто по праву обладает славой, добровольно отказывается от нее, принимая «образ раба». Этот переход от божественного Логоса к уничиженному Служителю открывает миру архетип не власти, а смирения как высшей формы божественной любви. Богословское и логическое понимание служения находит свой трансцендентный прообраз в архетипе Логоса (Ин. 1:1), который через акт кеносиса (Фил. 2:6–7) принимает «образ раба», чтобы спасти человечество. Богословское понимание служения коренится в уникальной структуре бытия Богочеловека. Его божественная природа явлена в Логосе (Ин. 1:1) — источнике власти и творчества. Но способ явления этой божественной природы в мир — это кеносис (Фил. 2:6–7), то есть добровольное самоумаление вплоть до «образа раба».

Следовательно, архетипом служения выступает не абстрактное понятие власти (Логос) или абстрактное понятие самоумаления (кеносис), а сама личностная структура Богочеловека. В ней божественная природа (Логос) и человеческий способ ее явления (кеносис) нерасторжимы. Христос не перестает быть Господом, принимая образ раба, — именно это парадоксальное совмещение «власти и жертвы» в одном Лице задает семантическую матрицу для концепта «служение». Истинное величие здесь раскрывается не через отказ от власти, а через ее преображение любовью.

Служение в христианском ключе — это не восхождение к власти (как в светской карьере), а парадоксальный путь нисхождения, добровольного принятия на себя служебной функции по образцу Христа. Сила проявляется через добровольную слабость. Русская литература художественно исследует этот архетип, проводя своих героев через драматический путь от гордого, индивидуалистического служения отвлеченной идее к кенотическому, самоотверженному служению конкретному человеку. Примером может служить князь Андрей Болконский. Его путь драматично иллюстрирует поиск этого архетипа. Князь Андрей движется от гордого служения отвлеченной идее (архетип «логоса-властителя», мечты о «своем Тулоне») к опыту смирения и прощения. Однако его финальное состояние — это скорее отрешенность от мира, чем деятельное служение ближним. Толстой показывает не столько воплощение кеносиса, сколько трагический слом гордыни, после которого человек уже не может служить миру по-старому. Подлинное служение людям

в романе скорее персонифицировано в образах Каратаева или княжны Марьи, чья жертвенность лишена нарциссизма и обращена к конкретному «другому».

Другой пример реализации этого архетипа — князь Мышкин из романа Достоевского «Идиот». Его «слабость», «юродивость» и «неотмирность» — это не недостаток, а семантический маркер, указывающий на его причастность архетипу самоумаления, который оказывается высшей духовной силой, обличающей гордыню «нормального» общества.

Усвоение слова «служение» требует не отмены социального измерения, но углубления его. Социальная роль (служение Отечеству, профессии) может оставаться внешней формой. Задача — наполнить ее внутренним содержанием, сместив фокус с вопроса «Чем я могу командовать?» на вопрос «Кому и как я могу служить в том месте, куда я поставлен?». Служение в русской духовной традиции — это не отрицание социальной функции, а ее преобразование: карьера, понятая как призвание, становится формой онтологического причастия к кенозису, когда человек реализует себя не через возвышение над другими, а через самоотдачу в своем деле.

2. Архетип жертвенности: Агнец как Победитель. Это семантический инверсивный архетип, где поражение оборачивается победой. Бытовое и психологическое понимание жертвы (как лишения, утраты, поражения) может быть существенно дополнено и переосмыслено через призму христианской парадоксальной пары архетипов: от Агнца (Ис. 53:7) — безгласной и смиренной жертвы, принимающей на себя грехи и зло мира (внешне это выглядит как слабость, страдание и поражение), — к Победителю (Откр. 5:5–6) — где закланный Агнец предстает как лев из колена Иудина, победивший саму смерть. Этот взгляд не отменяет трагедии жертвы, но предлагает увидеть в ней иное измерение — метафизическое. Архетип «Агнец-Победитель» задает модель, где жертва, выглядящая как поражение с мирской точки зрения, оборачивается высшей победой на метафизическом уровне. Это снимает противоречие между страданием и торжеством. Жертва не бессмысленна, а со-бойственна (согласована с волей Бога) и потому победоносна.

Русские писатели с пронзительной силой показывают, как жертва, внешне выглядящая как слабость, поражение и социальный крах, оборачивается величайшей победой духа и источником преобразования для других. Соня Мармеладова является живой иконой архетипа Агнца; ее жертва продиктована не отчаянием, а любовью. Достоевский показывает, что эта жертва становится условием возможности покаяния для Раскольникова — не как автоматический «рычаг», а как явленная правда, перед которой невозможно лгать.

Сама Соня остается страдающей, но ее страдание оказывается онтологически плодотворным: оно восстанавливает связь между людьми там, где царил разрыв. Еще пример — Матрена из рассказа А. Солженицына «Матренин двор». Ее жизнь и абсурдная гибель кажутся окружающим бесполезными. Но Солженицын настаивает: факт ее существования уже был победой. Ее смерть обнажает духовную пустоту тех, кто ее окружает, и тем самым дает читателю нравственный камертон. «Жертвенность» — это не инструмент для достижения земного благополучия, а добровольная причастность иной логике бытия, где смерть не имеет последней власти.

Важно различать жертвенность как христианскую добродетель и виктимность как психологическую патологию или социальную манипуляцию. Критерий различия — свобода и любовь. Христианская жертва всегда добровольна и имеет своим источником любовь к другому (Богу или человеку), а не страх, не чувство вины и не желание самоутвердиться через страдание. Она не разрушает личность жертвующего, но преображает ее, даже если внешне ведет к гибели. Виктимность же, напротив, есть форма рабства, в которой страдание становится самоцелью или способом контроля над окружающими.

Заключение

Представленное исследование следует рассматривать не как набор готовых методических рецептов, а как попытку постановки фундаментальной проблемы, которая до настоящего времени оставалась на периферии лингводидактики. Предложенная междисциплинарная модель, интегрирующая онтологическую герменевтику, теоллингвистику и концепцию воспитания мирозерцания, может вызвать вопросы со стороны строгой методологии, однако именно эта кажущаяся «перегруженность» философскими и богословскими категориями является не недостатком, а вынужденной мерой адекватного ответа на вызов, который ставит перед педагогом сама специфика аудитории — иностранные богословы, для которых язык неотделим от сакрального опыта.

Осознавая риск обвинений в излишней идеологизации учебного процесса, мы сознательно пошли на этот шаг, чтобы преодолеть семантический редукционизм, царящий в стандартных подходах к РКИ. Тот факт, что наша модель требует от преподавателя не просто филологической, но и теологической компетенции, безусловно, усложняет ее внедрение, однако именно эта сложность выступает гарантом того, что студент получит доступ не к поверхностным словарным дефинициям, а к подлинной смысловой глубине русской культуры. Мы берем на себя смелость утверждать, что герменевтический диалог, который

мы постулируем, исключает манипуляцию именно потому, что не предлагает готовых ответов, но вооружает студента инструментарием для самостоятельного духовного поиска, превращая изучение языка из трансляции информации в событие встречи с традицией.

Можно упрекнуть нас в том, что предлагаемый анализ концептов «служение» и «жертвенность» сознательно сужает фокус, оставляя за скобками огромный пласт светской, западнической или атеистической русской литературы. Однако это ограничение является не методологической ошибкой, а осознанной стратегией: мы намеренно прослеживаем магистральный, системообразующий вектор русской культуры — ее генетическую связь с христианской традицией. Игнорирование этого вектора ради мнимой «объективности» было бы куда большим искажением реальности, чем его акцентирование. Без этого фокуса преподавание языка иностранным богословам рискует превратиться в симулякр, где «совесть» остается «просто словом», а не онтологической категорией.

Критик мог бы заметить, что различение подлинной жертвенности и патологической виктимности, которое мы проводим, является слишком тонким для уровня владения языком иностранного студента. Однако мы видим в этом не минус, а сверхзадачу: наша цель — не упрощение, а пробуждение сознания через язык. Именно работа с такими сложными, парадоксальными категориями (сила в слабости, победа в поражении, Агнец как Победитель) формирует то самое целостное христианское мирозерцание, о котором мы говорим.

Наконец, признавая, что данная модель вряд ли применима к массовому преподаванию РКИ и ориентирована на узкую, элитарную (в духовном смысле) аудиторию, мы превращаем этот очевидный минус в методологический плюс. Данное исследование служит прецедентом, доказывающим, что эффективность лингводидактики напрямую зависит от ее антропологической чуткости. Если на сложном, предельном примере обучения будущих теологов модель работает, значит, ее принципы — пусть и в редуцированном виде — могут быть экстраполированы на другие контексты, напоминая педагогическому сообществу о том, что за каждым словом стоит живой человек и его картина мира. Эвристическая ценность нашего подхода заключается именно в том, чтобы поставить неудобный вопрос: готов ли преподаватель РКИ видеть в языке не просто код, а душу культуры?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. М., 1999.
2. Библиейский греческий язык в писаниях Ветхого и Нового завета / Под ред. Н.Н. Глубоковского. Киев, 1914.

3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
4. Гадомский А.К. Религиозный язык — теолингвистика — языкознание // Ученые записки ТНУ. Серия: Филология. 2007. Т. 20 (59). Вып. 1. С. 287–292.
5. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995.
6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М., 2001.
7. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
8. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 т. М., 2011.
9. Колосов В.В. История русского языка в рассказах. М., 2015.
10. Кончаревич К. К теоретико-методологическому обоснованию сопоставительной теолингвистики (на материале русского и сербского языков) // VII Международный симпозиум «Достижения и перспективы сопоставительного изучения русского и других языков»: доклады / Гл. ред. В. Белокапич-Шкунца. Белград, 2012. С. 14–22.
11. Красных В.В. Некоторые базовые понятия лингвокультурологии // Вестник культурологии. 2010. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-v-krasnyh-nekotorye-bazovye-ponyatiya-lingvokulturologii> (дата обращения: 12.03.2026).
12. Лихачев Д.С. Русская культура. М., 2000.
13. Лосев А.Ф. Философия имени. М., 2015.
14. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994.
15. Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. М., 2003. С. 432–473.
16. Постовалова В.И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // *Magister Dixit: научно-педагогический журнал Восточной Сибири*. 2012. № 4. С. 107–216.
17. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.
18. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
19. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре: в 2 т. М., 1995–1998.
20. Франк С.Л. Русское мировоззрение // Франк С.Л. *Русское мировоззрение: [сборник]*. СПб., 1996. С. 5–36.
21. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. *Бытие и время: Статьи и выступления*. СПб., 2007. С. 266–305.
22. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М., 2019.
23. Crystal D. Whatever happened to theolinguistics? // *Religion, Language and the Human Mind* / Ed. by P. Chilton, M. Kopytowska. New York, 2018. P. 3–19.
24. Dilthey W. Introduction to the Human Sciences. Princeton, NJ, 1989.
25. Van Noppen J.P. (ed.) *Theolinguistics*. Brussels, 1981.
26. Wagner A. Theolinguistik? — Theolinguistik! // *Internationale Tendenzen der Syntaktik, Semantik und Pragmatik: Akten des 32. Linguistischen Kolloquiums in Kassel 1997* / Hrsg. von H.O. Spillmann, I. Warnke. Frankfurt, 1999. S. 507–512.

REFERENCES

1. Berdyaev N.A. *O cheloveke, ego svobode i dukhovnosti: Izbrannye Trudy* [On Man, His Freedom and Spirituality: Selected Works]. Moscow, Flinta Publ., 1999. (In Russ.)
2. *Biblejskij grecheskij jazyk v pisaniiah Vethogo i Novogo zaveta* / Pod red. N.N. Glubokovskogo [Biblical Greek in the Writings of the Old and New Testament / Ed. by N.N. Glubokovskiy]. Kiev, Tipografija I.I. Čokolova, 1914. (In Russ.)

3. Gadamer H.-G. Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenевtiki [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Moscow, Progress Publ., 1988. (In Russ.)
4. Gadosky A.K. Religioznyj jazyk — teolingvistika — jazykoznanie [Religious Language — Theolinguistics — Linguistics]. Uchenye zapiski TNU. Serija: Filologija, 2007, vol. 20 (59), iss. 1, pp. 287–292. (In Russ.)
5. Hessen S.I. Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuju filosofiju [Fundamentals of Pedagogy. Introduction to Applied Philosophy]. Moscow, Shkola-Press Publ., 1995. (In Russ.)
6. Humboldt W. von. Izbrannye trudy po jazykoznaniju [Selected Works on Linguistics]. 2nd ed. Moscow, Progress Publ., 2001. (In Russ.)
7. Zhivov V.M. Jazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka [Language and Culture in Eighteenth-Century Russia]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1996. (In Russ.)
8. Cassirer E. Filosofija simvolicheskikh form: v 3 t. [The Philosophy of Symbolic Forms: in 3 vols.]. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2011. (In Russ.)
9. Kolesov V.V. Istorija russkogo jazyka v rasskazah [The History of the Russian Language in Stories]. Moscow, Drofa Publ., 2015. (In Russ.)
10. Koncharevich K. K teoretiko-metodologicheskomu obosnovaniju sopostavitel'noj teolingvistiki (na materiale russkogo i serbskogo jazykov) [Towards a Theoretical and Methodological Foundation for Comparative Theolinguistics (based on Russian and Serbian)]. VII Mezhdunarodnyj simpozium "Dostizhenija i perspektivy sopostavitel'nogo izuchenija russkogo i drugih jazykov": doklady, ed.-in-chief V. Belokapich-Shkuntsa. Belgrade, Filologicheskij fakul'tet Belgrade Publ., 2012, pp. 14–22. (In Russ.)
11. Krasnyh V.V. Nekotorye bazovye ponjatija lingvokul'turologii [Some Basic Concepts of Cultural Linguistics]. Vestnik kul'turologii, 2010, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-v-krasnyh-nekotorye-bazovye-ponyatiya-lingvokulturologii> (accessed: 12.03.2026). (In Russ.)
12. Likhachev D.S. Russkaja kul'tura [Russian Culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2000. (In Russ.)
13. Losev A.F. Filosofija imeni [The Philosophy of the Name]. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2015. (In Russ.)
14. Lotman Yu.M. Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII — nachalo XIX veka) [Conversations on Russian Culture: Life and Traditions of the Russian Nobility (18th — Early 19th Century)]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1994. (In Russ.)
15. Picchio R. Funkcija biblejskih tematiceskikh ključej v literaturnom kode pravoslavnogo slavianstva [The Function of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of Orthodox Slavdom]. In: Picchio R. Slavia Orthodoxa: Literatura i jazyk. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2003, pp. 432–473. (In Russ.)
16. Postovalova V.I. Teolingvistika v sovremennom gumanitarnom poznanii: istoki, osnovnye idei i napravlenija [Theolinguistics in Modern Humanitarian Knowledge: Origins, Main Ideas and Directions]. Magister Dixit: nauchno-pedagogicheskij zhurnal Vostočnoj Sibiri, 2012, no. 4, pp. 107–216. (In Russ.)
17. Ricoeur P. Konflikt interpretacij. Očerki o germenевtike [The Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics]. Moscow, Academia Publ., 1995. (In Russ.)
18. Tolstoj N.I. Jazyk i narodnaja kul'tura: Očerki po slavjanskoj mifologii i etnolingvistike [Language and Folk Culture: Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow, Indrik Publ., 1995. (In Russ.)

19. Toporov V.N. Svjatost' i svjatye v russkoj duhovnoj kul'ture: v 2 t. [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture: in 2 vols.]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1995–1998. Vol. 1. 1995. 875 p.; Vol. 2. 1998. 864 p. (In Russ.)
20. Frank S.L. Russkoe mirovozzrenie [The Russian Worldview]. In: Frank S.L. Russkoe mirovozzrenie: [sbornik]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, pp. 5–36. (In Russ.)
21. Heidegger M. Pis'mo o gumanizme [Letter on Humanism]. In: Heidegger M. Bytie i vremja: Stat'i i vystuplenija. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, pp. 266–305. (In Russ.)
22. Jung C.G. Arhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe [Archetypes and the Collective Unconscious]. Moscow, AST Publ., 2019. (In Russ.)
23. Crystal D. Whatever happened to theolinguistics? In: Chilton P., Kopytowska M. (eds.). Religion, Language and the Human Mind. New York, Oxford University Press, 2018, pp. 3–19.
24. Dilthey W. Introduction to the Human Sciences. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1989. 424 p.
25. Van Noppen J.P. (ed.). Theolinguistics. Brussels, Vrije Universiteit Brussel (VUB), 1981. 147 p.
26. Wagner A. Theolinguistik? — Theolinguistik! In: Spillmann H.O., Warnke I. (Hrsg.). Internationale Tendenzen der Syntaktik, Semantik und Pragmatik: Akten des 32. Linguistischen Kolloquiums in Kassel 1997. Frankfurt am Main, Peter Lang, 1999, pp. 507–512.

Поступила в редакцию 30.03.2026

Отредактирована 28.06.2026

Принята к публикации 31.08.2026

Received 30.03.2026

Revised 28.06.2026

Accepted 31.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Иван Дмитриевич Иванов — старший преподаватель кафедры церковно-практических дисциплин Санкт-Петербургской духовной академии;
IDgiovanni@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ivan D. Ivanov — Senior Teaching Fellow, Department of Church Practical Disciplines, St. Petersburg Theological Academy; IDgiovanni@yandex.ru

РУСИЗМЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭКЗОКУЛЬТУРОЦЕНТРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.В. Белоглазова

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия; raemahet@gmail.com*

Аннотация: Ксенонимы являются следствием культурной переориентации языка и основным маркером экзокультурноцентрического дискурса. Однако ни отбор опорных элементов референтной культуры, ни способ их вербализации, ни стратегия введения не являются предзаданными. Данная статья посвящена исследованию обозначенных аспектов функционирования элементов экзокультурного контекста на материале русизмов в руссоцентрическом англоязычном дискурсе. Эмпирической базой для исследования послужили два корпуса аутентичных англоязычных описаний России: корпус заголовков книг о России позволяет расширить охват исследования, а корпус текстов травелогов служит для более глубинного анализа руссоцентрического дискурса. Исследование показало, что обоим разновидностям рассматриваемого дискурса свойственна кодовая гибридность вследствие введения экзокультурного контекста (ксенонимов-русизмов). Однако частотность русизмов в контрастных типах текста различается: концентрация маркеров экзокультурного контекста в корпусе заголовков выше почти в 3 раза, а общая доля русизмов в этом типе текстов руссоцентрического дискурса достигает почти 14 % по сравнению с 5 % в корпусе травелогов. Установлено, что в качестве элементов экзокультурного контекста выступают ксенонимы-реалии, антропонимы, топонимы, а также дискурсивные клише, прецедентные тексты, и культуроспецифические метафоры, при этом в травелогах явственно доминируют топонимы и реалии, а в заголовках основные типы ксенонимов представлены более равномерно. Помимо частотности различается также смысловая и функциональная нагрузка ксенонимов в сопоставляемых жанрах. Отмечено, что в выборе способа введения русизма предпочтение в обоих типах материала отдается транслитерации, однако развернутые тексты характеризует большее разнообразие задействованных приемов, стратегически комбинируемых в семантизирующую стратегию.

Ключевые слова: руссоцентрический дискурс; ксеноним; русизм; заимствование; внутренний перевод; перевод культуры

Финансирование: Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (1BG).

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-5

Для цитирования: Белоглазова Е.В. Русизмы в англоязычном экзोकультуроцентрическом дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 65–76.

RUSSIANISMS IN THE ENGLISH EXOCULTURE-CENTERED DISCOURSE

Elena V. Beloglazova

*Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia;
evbeloglazova@herzen.spb.ru*

Abstract: Xenonyms are an essential marker of the exoculture-centred discourse, yet, neither the selection of the referent culture's representatives, nor the mode of their verbalization are predetermined. The present paper focuses on researching the abovementioned aspects of exocultural markers as illustrated by the functioning of Russianisms in the English-language Russia-centred discourse. The empirical basis for the research is comprised by two corpora of authentic English-language texts about Russia: the corpus of book titles serves to widen the scope, while the corpus of travelogues allows for in-depth discourse analysis to supplement the traditional corpus methods. The research showed that both text types are characterized by code hybridity due to the introduction of exocultural substrate markers. While the figures for absolute frequencies are comparable, relative frequency is a contrasting feature: the concentration of xenonyms in titles is nearly threefold against that in travelogues, amounting to almost 14 %. At that the reference culture can be represented by a diverse scope of markers, including anthroponyms, toponyms, xenonymic realia, discursive clichés, culture-specific intertextual references and metaphors. Although all the named types are observed in both types of material, the preferences are markedly different. Apart from frequencies, the functional aspect of xenonyms is also a genre variable: travelogues demonstrate a marked emphasis on toponyms, while book titles employ all types of culturonyms. The preferred technique for introducing the culture markers in both genres is that of transliteration, yet travelogues are characterized by a greater diversity of the techniques employed, combining them in a semanticising strategy.

Keywords: Russia-centred discourse; xenonym; Russianism; loan; internal translation; translation of culture

Funding: This research is supported by the internal grant of the Herzen University (IVG).

For citation: Beloglazova E.V. (2026) Russianisms in the English Exoculture-Centered Discourse. *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 65–76.

1. Введение

Фокус данного исследования — русизмы в английском языке — неоднозначно оценивается как лингвистами, так и языковыми сообществами. С одной стороны, заимствования считаются естествен-

ным следствием языковых контактов, с другой — могут восприниматься негативно, поскольку, как отмечает В.Н. Ярцева [Ярцева 1979: 12], язык — «система систем», где замещение элементов может нарушить целостность структуры. В этом контексте важно уточнить, что объектом настоящего исследования выступает не английский язык в целом, а англоязычный руссоцентрический дискурс, который можно определить как особый функциональный вариант языка, обращенный к внешней для него культуре, служащий для осмысления и описания этой культуры. Т. о., описываемый процесс кодовой гибридизации не угрожает сохранности английского языка, как этого опасаются исследователи [Bailey 1990].

В данной статье мы проанализируем функционирование в исследуемом дискурсе русизмов, являющихся сущностной характеристикой и основным маркером руссоцентрического дискурса, и попытаемся дать ответ на следующие исследовательские вопросы:

- Каким образом формируется репертуар выразительных средств в экзотулоцентризеском дискурсе?
- Каким образом дискурс способствует не только описанию, но и осмыслению экзотулотуры?

2. Теоретический базис

В методологическом отношении исследование опирается на интерлингвокультуроологию; в частности, на следующие ее положения:

1) несмотря на тесную связь между языком и культурой, любой язык может быть переориентирован на описание любой культуры [Кабакчи 2005: 165]. Этот тезис В.В. Кабакчи получил верификацию в исследованиях репрезентации русской культуры средствами финского [Осьмак 2025], немецкого [Бутусова 2024] и других языков, а также иноязычных описаний ряда культур Азии [Белоглазова, Сосункевич 2025; Mavlonova 2022; Wang 2021];

2) помимо средств вербализации родной культуры, язык вырабатывает и аппарат для описания внешних культур — ксенонимы. Введение ксенонимов в язык описания является неременным следствием культурной переориентации языка, но их концентрация варьируется в зависимости от культурной и лингвотипологической дистанции [Белоглазова и др. 2024] и степени «межъязыковой асимметрии» [Витошнова 2024] между контактирующими лингвокультурами;

3) представляя собой, фактически, особую разновидность перевода [Кабакчи 2000], культурная переориентация языка осуществляется широким спектром переводческих приемов, варьирующихся по двум основным параметрам — доступности и точности. При отмеченной вариативности постулируется предпочтительность

точных способов введения ксенонимов, гарантирующих их уверенную обратимость. Эта особенность сближает иноязычное описание культуры с этнопереводом [Разумовская 2024] и нативизацией языка [Каменева 2025; Прошина 2022; Чемодурова 2024].

3. Эмпирический базис и методы исследования

Материал для исследования состоит из двух авторских корпусов, специально скомпилированных для целей настоящего исследования, в которых представлены контрастные типы текстов руссоцентрического дискурса (см. табл. 1).

Таблица 1

Эмпирический материал исследования

Корпус	Rossica-T	Rossica-travel
описание	корпус заголовков англоязычных аутентичных публицистических и научно-популярных книг о России	корпус англоязычных аутентичных травелогов, собранный из интернет-блогов англофонных путешественников по России
решаемые задачи	расширение охвата текстов; выявление доминантных мотивов, характеризующих дискурс; выявление специфики функционирования ксенонимов в ограниченном контексте	выявление дискурсивных механизмов введения ксенонимов; экспозиция структурных и прагматилистических особенностей построения текстов эзкокультурной ориентации
объем	500 заголовков 4,2 тыс. слов	12 травелогов 21 тыс. слов

4. Результаты исследования

Кратко охарактеризуем средства введения русского лингвокультурного контекста в сопоставляемых типах текста.

4.1. Маркеры руссоцентрического дискурса, характерные для жанра заголовка

Рассмотрим русский лингвокультурный контекст в корпусе заголовков.

Таблица 2

Способы введения ксенонимов-русизмов в Rossica-T

Способ введения /частота	Транслитерация	(Полу) калька	Описательный оборот	Аналог
(А) реалии	120	10	1	1
(Б) антропонимы	95	32		16
(В) топонимы	33 (+77 аппроксимантов)	28		

Ксенонимы-реалии представлены в 28 % заголовков в корпусе, являясь одним из важнейших маркеров дискурса. Как можно видеть по выборке (табл. 2, часть А), предпочтительным приемом, используемым для их введения, является транслитерация, отличающаяся высокой степенью ксенонимической точности при низкой доступности. Реже представлен прием калькирования, основанный на воспроизводстве внутренней формы заимствуемого культуронима. Описательный способ передачи и замена на инокультурный аналог представлены единичными примерами.

Русизмы-антропонимы (табл. 2, часть Б) представлены в 30 % заголовков в корпусе. В передаче этой категории русизмов также преобладает транслитерация. Выступая «маркерами культуры» [Nord 2003], имена собственные являются краеугольным камнем иноязычного описания России, но, в свете их объективной сложности для иноязычного читателя, авторы стремятся облегчить их восприятие, заменяя русские имена на их более привычные аналоги или калькируя часть имен. Однако не всякое имя поддается калькированию. Так, до сих пор идет поиск оптимального способа передачи антропонима «Иван Грозный», сохраняющего дезориентирующую вариативность (Ivan the Terrible / John “The Terrible” / the Terrible / Ivan the Cruel).

Сходные тенденции наблюдаются и при введении в описание русизмов-топонимов (табл. 2, часть В), где также доминирует прием формальной транслитерации. Однако налицо и стремление к упрощению, проявляющееся в аппроксимации русизмов (e.g. *Siberia* вместо *Sibir*) или применении компромиссного приема калькирования.

Помимо отмеченных выше типов ксенонимов, относимых к материальному аспекту описываемой культуры, обращают на себя внимание отсылки к вербальной культуре, а именно к прецедентным текстам (e.g. *Tsar of War and Peace*), фигурам речи (e.g. *The Cardinal of the Kremlin*) и дискурсивным клише (e.g. *In the Name of the Czar*).

4.2. Маркеры руссоцентрического дискурса, характерные для жанра травелога

Теперь обратимся к анализу приемов, с помощью которых русский лингвокультурный контекст вводится в жанр травелога (см. табл. 3).

Как можно видеть, авторы травелогов задействуют богатый репертуар приемов введения русизмов, при преобладании формальных способов.

Значительным разнообразием отличаются также содержательно-референциальные типы русизмов. Наивысшую концентрацию демонстрируют топонимы, что обусловлено туристической тематикой текстов.

Способы введения ксенонимов-русиизмов в Rossica-Travel

Способ введения	Трансплантация	Транслитерация	Калька	Аналог	Описательный оборот
частота	12	115	32	8	5
примеры	окрошка	babushka, -i	City Day	cantine-like	Russian dolls

Второй по частотности категорией русиизмов являются ксенонимы-реалии, описывающие различные аспекты материальной культуры (*venik*), традиций (*parenje*), быта (*communal kitchen*) России.

На третьем месте по частотности находятся антропонимы, которые можно категоризировать на две четко очерченные группы: прецедентные (*Mendeleev*) и рядовые (*Yuri*).

Остальные представленные категории ксенонимов носят не массовый характер, но можно отметить представленность интертекстуальных отсылок (*Kremlin — a walled City of Oz*), культуроспецифических метафор (*playing gastronomic roulette*) и идиом (*“there are no epaulettes in the banya”*), а также дискурсивных оборотов (*“k Chortu”*).

5. Интерпретация результатов исследования

5.1. Сопоставительный анализ данных, полученных на основе жанрово контрастных корпусов текстов руссоцентрического дискурса

Сопоставим данные, полученные на основе двух анализируемых корпусов текстов.

Во-первых, сравнение способов введения русского лингвокультурного контекста в англоязычный дискурс (табл. 4) позволяет констатировать общую для них кодовую гибридность, а также предпочтение, отдаваемое приему транслитерации.

Таблица 4

Частотность формальных типов ксенонимов в жанрово контрастных корпусах

Способ введения	Трансплантация	Транслитерация	Калька	Аналог	Описательный оборот
частотность в Rossica-Travel	0,0006	0,0055	0,0015	0,0004	0,0002
частотность в Rossica-T	0	0,0286	0,0024	0,0002	0,0002

Среди контрастных черт отметим большее разнообразие используемых способов внутреннего перевода русиизмов в корпусе травелогов и различие в частотности выявленных типов ксенонимов,

свидетельствующее о том, что заголовки отличаются более высокой степенью лингвокультурной гибридации и большей форенизацией дискурса.

Концентрация ксенонимов в корпусе заголовков выше почти в 3 раза, и общая доля русизмов в этом типе текстов достигает почти 14 % по сравнению с 5 % в корпусе травелогов.

5.2. Реконструкция стратегии описания внешней культуры в экзокультуроцентрическом дискурсе

Отмеченные в 5.1. особенности анализируемого дискурса при его предельно широкой адресованности остро ставят проблему достижения баланса точности и доступности описания экзокультуры. Анализ показывает, что в разных типах текста эта задача решается по-разному.

В заголовках непрозрачность способа заимствования может отчасти нивелироваться отбором базовых ксенонимов. Выборка содержит некоторые из старейших русизмов английского языка — *czar* (16 в.), *boyar* (16 в.), *knout* (17 в.), *steppe* (17 в.), *Kremlin* (17 в.).

В травелогох также задействуются базовые русизмы (*babushka*, *tsarina*, etc.), однако, стремясь удивить своих читателей, расширить их когнитивный горизонт, авторы расширяют и сложившийся словарь. Обогащая повествование новыми культуроспецифическими средствами, авторы выстраивают вокруг них насыщенный семантизирующий контекст, используя широкий диапазон приемов:

- Дублирующая калька или описательный оборот: *sapsan (Russia's high-speed train)*
- Аналогия с более знакомой культурой: *banya, which is much like a sauna but way hotter.*
- Поясняющий гипероним: *Russian pies (kurnik, vatrushka, kulebyaka)*
- Лингвистический комментарий: *The name крошшка comes from verb 'крошумь', that means to chop very finely;*
- Введение серии взаимодополняющих и взаимопоясняющих ксенонимов: *banya, banschik.*

В некоторых случаях комплексная стратегия введения ксенонима включает и более двух приемов: *A stolovaya, столовая in Russian, is a cafeteria-style diner*, где транслитерация дополняется трансплантацией и описательным оборотом.

Таким образом, разные типы текстов демонстрируют общую черту — введение инолингвокультурного контекста, но тяготеют при этом к разным стратегиям: отбор базовых ксенонимов и стереотипных отсылок к русской культуре vs введение специальных и окказиональных русизмов в семантизирующем комплексе.

Существенно также отметить различия в смысловой и функциональной нагрузке ксенонимов в сопоставляемых типах дискурса. Вводимые наиболее непрозрачным образом, лишенные поясняющего контекста, небазовые ксенонимы в заголовках концептуализируются предельно обобщенно как «русский / Российский / связанный с Россией»; в ряде случаев они служат даже намеренному затемнению смысла, отчасти выполняя роль фильтра «своего» адресата, отчасти интригуя читателя загадкой. Так, заголовок “*Sam Golod*” может быть декодирован лишь читателем, владеющим русским языком, для большинства читателей воплощая метафорически идею тайного и сокрытого — ту же идею, что эксплицирует “*The Red Code*”. Аналогичным образом мы интерпретируем и высокую частотность в заголовках ксенонимов-метафор и ксенонимов-интертекстем. Так, авторы “*The Icon and the Axe*” и “*Natasha’s Dance*” кодируют ключевые, с их точки зрения, составляющие русской культуры концептуальными метафорами, отсылающими к реалиям и текстам описываемой культуры, однако подразумеваемый принцип взаимодействия когнитивных пространств в этих метафорах остается сокрытым. В то же время в развернутых текстах травелогов ксенонимы целенаправленно вводятся как носители ключевой когнитивной информации, семантизируются контекстом, взаимно поясняют друг друга, приближаясь функционально к терминам.

Еще одним значимым контрастом является отбор ксенонимов, которые выступают репрезентантами описываемой культуры (табл. 5).

Таблица 5

**Частота референциальных типов ксенонимов
в жанрово контрастных корпусах**

Тип ксенонима	Антропоним	Топоним	Реалия	Метафора	Интертек- стема
Частота в Rossica-Travel	45	356	190	16	9
Частота в Rossica-T	143	138	122	108	20

При том, что все основные референциальные типы ксенонимов представлены в обоих типах текстов, их удельный вес разительно разнится.

В травелогах доминируют топонимы, причем примечательна широта территориального охвата (от *Kaliningrad* до *Vladivostok*), а также охвата типов топонимов: урбанонимы (*Red Square*), ойконимы (*Vladivostok*), оронимы (*Urals*), гидронимы (*the Neva*), дромонимы

(*Trans-Siberian Railway*), хоронимы (*Siberia*). В то же время заголовки преимущественно фокусируют три наиболее известных и мифологизированных локуса, метонимически репрезентирующих Россию: *Siberia* (14); *Moscow* (11) + *Kremlin* (6); *Leningrad* (6) + *Petersburg* (4) + *Neva*.

Если говорить о «России в лицах», то травелоги расширяют ряд представителей за счет реальных людей, с которыми сталкивались путешественники, но в целом антропонимы не являются центральными для этого жанра, поскольку главным действующим лицом в нем должен быть сам путешественник. Для заголовков же имена выдающихся представителей описываемой страны предстают как доминантный маркер дискурса и типа текста. Среди них однозначно доминируют имена политических деятелей, возглавлявших страну и метонимически репрезентирующих Россию в тот или иной период: *Peter (the Great)*, *Catherine (the Great)*, *Ivan (the Terrible, the Cruel, the Dread)*, *Nicholas*, *Lenin*, *Gorbachev*, *Stalin* (+ *Koba*), *Putin* и др. Также заметное место занимают отсылки к представителям культуры (*Roerich*, *Herzen*, *Chekhov*, *Bakhtin*, *Pushkin*, *Dostoevsky*, *Tolstoy*) и мира литературы (*Zhivago*, *Natasha*).

Заголовки также отличают уже отмеченные выше культурно маркированные метафоры и интертекстуальные отсылки, лишь минимально представленные в травелогах. Так, лишь две интертекстемы в путевых заметках отсылают к литературным предтекстам, остальные из и так очень небольшого пула употреблений представляют собой заимствованные дискурсивные обороты, характеризующие русскую речевую культуру (e.g. “*ni pukha ni pera*”).

6. Заключение

В завершение попытаемся сформулировать ответы на вопросы, обозначенные нами в начале статьи.

Во-первых, мы отметили активный процесс заимствования, причем выходящий за рамки лексического уровня: заимствованию подвергаются слова, дискурсивные клише, прецедентные тексты, а также когнитивные структуры, лежащие в основе культуроспецифических метафор и фразеологизмов. Все эти выразительные средства внедряются в экзокультуроцентрический дискурс и составляют его своеобразие. При этом, если авторы заголовков в большей степени ориентируются на уже вошедшие в дискурс ксенонимы, авторы травелогов расширяют репертуар русизмов за счет окказиональных ситуативно обусловленных средств.

Также отметим, что анализ ксенонимов в руссоцентрическом дискурсе выявил неоднородность этой категории в еще одном измерении. Соприсутствие *borshch* и *airan*, *bazaar*, *yurt* отражает ги-

бренность референтной культуры, которая впитала в себя элементы других экзокультур.

Реконструкция референтной культуры строится на отборе опорных культурных реалий или персоналий, причем отбор репрезентантов является как дискурсивно-, так и жанрово-специфической чертой: часть репрезентантов, коррелирующих со стереотипами об описываемой культуре, выступают маркерами руссоцентрического дискурса и диктуются им как обязательные к воспроизведению (мифологизированные фигуры, локусы, реалии); часть носит характер новаций, но выполняют в сопоставляемых типах текстов разные функции: интригуют и привлекают внимание в заголовках и приносят новую когнитивную информацию в травелогах.

Таким образом, сформировавшийся в англофонной среде за века англо-русских контактов руссоцентрический дискурс, с одной стороны, безусловно, опирается на стереотипы и служит для их воспроизводства и укоренения; но в то же время не замкнут в них. Мы отметили открытость дискурса для новых ксенонимов и гибкость в выстраивании стратегии их семантизации, лежащие в основе множественности конструируемых дискурсом моделей референтной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоглазова Е.В., Сосункевич В.О. Образ России в зеркале японоязычных кинорецензий // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. 22 (1). С. 132–137.
2. Белоглазова Е.В., Осьмак Н.А., Шувалова Е.К. Формальные маркеры и содержательные доминанты руссоцентрического дискурса: кросс-языковое корпусное исследование // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22 (1). С. 105–119.
3. Бутусова А.С. Переводческий анализ использования русских ксенонимов в немецком языке // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2024. Т. 20. № 2 (64). С. 94–107.
4. Витошинова А.М. Следы родной лингвокультуры в произведениях транслингвальных авторов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 2 (119). С. 19–33.
5. Кабакчи В.В. Неисследованный вид переводческой деятельности: «Внутренний перевод» // *Studia Linguistica* 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. СПб., 2000. С. 65–75.
6. Кабакчи В.В. Функциональный дуализм языка и языковая конвергенция // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. СПб, 2005. С. 164–175.
7. Каменева А.Д. Транслингвальная литература: контакт лингвокультур // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1-1 (62). С. 678–681.
8. Осьмак Н.А. Образ Сибири в современном финноязычном новостном дискурсе // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 18 (1). С. 21–33.

9. Прошина З.Г. Лингвоконтактология: современные проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 73–88.
10. Разумовская В.А. Этнопереводоведение: интегративная область сибиреведения, культурологии и науки о переводе // Традиции института народов Севера: язык, фольклор, история и литература. СПб., 2024. С. 197–205.
11. Чемодурова З.М. Механизмы выражения транскультурной авторской модальности в транслингвальной литературе XX–XXI веков // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 133–158.
12. Ярцева В.Н. Теория взаимодействия языков и работа У. Вайнрайха «Языковые контакты» // Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. К., 1979. С. 5–12.
13. Bailey R.W. English at Its Twilight // *The State of the Language*. L., 1990. P. 83–94.
14. Mavlonova N.A., Sodiqova Y.F., Khamrayeva Z.K. Principles for determining the categories of proximity of the Russian language to Uzbek in the field of phraseology // *International Journal of Health Sciences*. 2022. 6(S5). P. 1414–1419.
15. Nord C. Proper names in translations for children: Alice in Wonderland as a case in point // *Meta*. 2003. Vol. 48 (1–2). P. 182–196.
16. Wang Y. Xenonym “laobaixing” in Online Diaspora Discourse // *Филологические науки. Вопросы теории и практики* 2021. Т. 14 (9). С. 2668–2672.

REFERENCES

1. Bailey R.W. English at Its Twilight. *The State of the Language*. London: Faber, 1990. P. 83–94.
2. Beloglazova E.V., Osmak N.A., Shuvalova E.K. Formalnye markery i sodержatelnye dominanti russotsentricheskogo diskursa: kross-yazykovoe corpusnoe issledovanie [Formal markers and key dominants of Russocentric discourse: a cross-linguistic corpus study]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya [Herald of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]*. 2024. 22, 1. P. 105–119. (In Russ.)
3. Beloglazova E.V., Sosunkevich V.O. Obraz Rossii v zerkale yaponoyazychnykh kinoretsenzyi [Image of Russia in the mirror of Japanese-language film reviews]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke [Social and Humanitarian Sciences in the Far East]*. 2025. 22, 1. P. 132–137. (In Russ.)
4. Butusova A.S. Perevodcheskii analiz ispolzovaniya russkikh ksenonimov v nemetskom yazyke [Translation analysis of Russian xenonyms in German]. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2024. 20, 2 (64). P. 94–107. (In Russ.)
5. Chemodurova Z.M. Mekhanizmy vyrazheniya transkulturnoi avtorskon modal'yasti v translingvalnoi literature XX–XXI vekov [Mechanisms for expressing transcultural authorial modality in translingual literature of the 20th–21st centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Herald. Philology]*. 2024. 92. P. 133–158. (In Russ.)
6. Kabakchi V.V. Funktsionalnyi dualizm yazyka i yazykovaya konvergentsiya [Functional dualism of language and language convergence]. *Kognitivnaya lingvistika: mentalnye osnovy i yazykovaya realizatsiya. [Cognitive Linguistics: Mental Foundations and Language Implementation]*. St. Petersburg: Trigon, 2005. P. 164–175. (In Russ.)
7. Kabakchi V.V. Neissledovannyi vid perevodcheskoi deyatel'nosti: “Vnutrennii perevod” [An unexplored type of translation activity: “Intralingual translation”]. *Studia Linguistica* 9. St. Petersburg: Trigon, 2000. P. 65–75. (In Russ.)

8. Kameneva A.D. Translingvalnaya literatura: kontakt lingvokultur [Translingual literature: contact of linguacultures]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of Language]*. 2025. 1-1 (62). P. 678–681. (In Russ.)
9. Mavlonova N.A., Sodiqova Y.F., Khamrayeva Z.K. Principles for determining the categories of proximity of the Russian language to Uzbek in the field of phraseology: Identification of interlingual phraseological accordance. *International Journal of Health Sciences*. 2022. 6 (S5). P. 1414–1419.
10. Nord C. Proper names in translations for children: Alice in Wonderland as a case in point. *Meta*. 2003. 48 (1-2). P. 182–196.
11. Osmak N.A. Obraz Sibiri v sovremennom finnoiazychnom novostnom diskurse [Image of Siberia in contemporary Finnish-language news discourse]. *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities]*. 2025. 18, 1. P. 21–33. (In Russ.)
12. Proshina Z.G. Lingvokontaktologiya: sovremennye problemy i perspektivy [Linguistic Contactology: Current Problems and Prospects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya [Moscow University Herald. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication]*. 2022. 4. P. 73–88. (In Russ.)
13. Razumovskaya V.A. Etnoperevodovedenie: integrativnaya oblast sibirevedeniya, kulturologii i nauki o perevode [Ethnotranslation studies: integrative area of Siberian studies, cultural studies and translation studies]. *Traditsii instituta narodov Severa: yazyk, fol'klor, istoriya i literatura [Traditions of the Institute of the Peoples of the North: Language, folklore, history and literature]*. St.Petersburg: RGPU im. A.I. Gertsena, 2024. P. 197–205. (In Russ.)
14. Vitoshnova A.M. Sledy rodnoi lingvokultury v proizvedeniyakh translingvalnykh avtorov [Traces of native linguaculture in works of translingual authors]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta [Cherepovets State University Herald]*. 2024. 2 (119). P. 19–33. (In Russ.)
15. Wang Y. Xenonym “laobaixing” in Online Diaspora Discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]*. 2021. 14, 9. P. 2668–2672.
16. Yartseva V.N. Teoriya vzaimodeistviya yazykov i rabota U. Vainraikha “Yazykovye kontakty” [Theory of language interaction and U. Weinreich’s work “Language Contacts”]. Vainraikh U. *Yazykovye kontakty: Sostoyaniye i problemy issledovaniya [Weinreich U. Language Contacts: State and Problems of Research]*. Kiev : Vysha shkola, 1979. P. 5–12. (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.11.2025

Отредактирована 28.04.2026

Принята к публикации 31.08.2026

Received 15.11.2025

Revised 28.04.2026

Accepted 31.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Елена Владимировна Белоглазова — д.ф.н., доцент, профессор кафедры английского языка и лингвострановедения РГПУ им. А.И. Герцена;
raemahet@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Beloglazova — Prof. Dr., Department of English Language and Culture Studies, Herzen State Pedagogical University; raemahet@gmail.com

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ORATIO RECTA В *BELLUM GALLICUM* ЦЕЗАРЯ (VII 77)

А.О. Захарченко

*Московский государственный лингвистический университет
имени Мориса Тореза; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный
университет, Москва, Россия; anna.zakharchenko.jim@gmail.com*

А.Е. Беликов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; belikov.smu@gmail.com*

Аннотация: Настоящая статья посвящена структурным элементам прямой речи в 77-й главке VII книги *‘Bellum Gallicum’* Цезаря. Эта речь (как и персонаж, ее произносящий) является плодом воображения Цезаря и играет важную роль в нарративе. Она звучит в кульминационный момент всего повествования о военной кампании в Галлии — перед битвой при Алезии — и выделяется на фоне остальных пассажей с прямой речью в *‘Bellum Gallicum’*. Речь знатного и влиятельного галла Критоognата имеет целью убедить осажденных в Алезии проявить стойкость перед лишениями. В результате анализа этого пассажа с прямой речью мы пришли к заключению, что она построена во многом так же, как косвенная речь Цезаря перед войском в I книге *‘Bellum Gallicum’*. Сближают обе речи и ситуации, в которых они произносятся, и риторические фигуры, с помощью которых говорящие придают большую убедительность своим словам, и эффект, произведенный речами на слушателей. Помимо этого, Цезарь в речи Критоognата буквально повторяет некоторые свои выражения, использованные им в косвенной речи в той же VII книге *‘Bellum Gallicum’* незадолго до речи Критоognата. Таким образом, особенно длинные пассажи прямой речи Цезарь строит так же, как и косвенную речь, которая в его прозе встречается крайне часто. Отличительной чертой косвенной речи в прозе Цезаря является нагруженность большим количеством придаточных предложений и причастных конструкций, позволяющих изложить несколько обстоятельств в сжатой форме. Цезарь переносит эти закономерности и в структуру прямой речи, несмотря на то что такие обороты не являются отличительной чертой звучащей речи — *pronuntiatio*. Заслуживает также внимания и то, что, согласно нашему исследованию, Цезарь не занимается стилизацией речей в *oratio recta*: им присущи те же стилистические особенности, что и *oratio obliqua*, вне зависимости от того, кем они произносятся.

Ключевые слова: Цезарь; *Bellum Gallicum*; прямая речь; косвенная речь; риторические фигуры; причастие

Для цитирования: Захарченко А.О., Беликов А.Е. Принципы организации oratio recta в *Bellum Gallicum* Цезаря (VII 77) // Вест. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 77–88.

PRINCIPLES OF ORGANIZATION OF ORATIO RECTA IN CAESAR'S *BELLUM GALLICUM* (VII 77)

Anna O. Zakharchenko

Moscow State Linguistic University; Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia; anna.zakharchenko.jim@gmail.com

Alexey E. Belikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; belikov.smu@gmail.com

Abstract: This article examines the structural elements of direct speech in Chapter 77 of Book VII of Caesar's *Bellum Gallicum*. This speech (like the character delivering it) is a product of Caesar's imagination and plays an important role in the narrative. It occurs at the climax of the entire narrative of the military campaign in Gaul — before the Battle of Alesia — and stands out among the other passages of direct speech in *Bellum Gallicum*. The speech, delivered by the noble and influential Gaul Critognatus, aims to persuade those besieged in Alesia to persevere in the face of hardship. Our analysis of this passage of direct speech suggests that it is structured much like Caesar's indirect speech to his troops in Book I of *Bellum Gallicum*. The two speeches are similar in the situations in which they are delivered, the literary devices with which the speakers lend greater persuasiveness to their words, and the effect the speeches produce on the audience. Furthermore, in Critognatus' speech, Caesar literally repeats some of his own expressions used in indirect speech in Book VII of *Bellum Gallicum* shortly before Critognatus' speech. Thus, Caesar constructs particularly long passages of direct speech in the same way as indirect speech, which is extremely common in his prose. A distinctive feature of indirect speech in Caesar's prose is its abundance of subordinate clauses and participial constructions, allowing several circumstances to be presented succinctly. Caesar carries these patterns over into the structure of direct speech, despite the fact that such constructions are not a feature of pronounced speech. It is also noteworthy that, according to our research, Caesar does not engage in stylization of speeches in *oratio recta*: they have the same stylistic features regardless of who delivers them.

Keywords: Caesar; *Bellum Gallicum*; direct speech; indirect speech; literary devices; participle

For citation: Zakharchenko A.O., Belikov A.E. (2026) Principles of Organization of oratio recta in Caesar's *Bellum Gallicum* (VII 77). *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 77–88.

Проза Цезаря содержит удивительно большое количество пассажей с косвенной речью: 125 контекстов в *'Bellum Gallicum'*, 66 — в *'Bellum civile'* [Grillo 2018: 133]. Особая концентрация таких пассажей присуща первым книгам *'Bellum Gallicum'*. Использование косвенной речи с подобной частотностью восходит к официальному стилю [Krebs 2023: 37], который сложился еще в архаическом языке для фиксации решений сената [Clackson, Horrocks 2007: 152]. Цезарь развивает его до небывалых масштабов и степени риторической обработки [Huart 1954: 171], превращая таким образом в художественный прием. Зачастую с помощью *oratio obliqua* Цезарь излагает информацию с чужих слов (Caes. *b. G.* V 27), приводит разные точки зрения (например, ход ведения переговоров, как в Caes. *b. G.* I 43–45) или свой собственный мыслительный процесс (Caes. *b. G.* I 33). Иногда же косвенная речь выполняет гораздо более важную функцию и является двигателем для развития последующих действий. Приведем следующий пример.

Первая книга *'Bellum Gallicum'* содержит речь Дивициака, умоляющего Цезаря защитить эдуев и всю Галлию от германцев во главе с Ариовистом (Caes. *b. G.* I 31). Эта *oratio obliqua* играет крайне важную роль в нарративе: кампания Цезаря в Галлии могла бы завершиться после устранения угрозы, которую представляли геллы границы римской провинции. Теперь же Цезарь нуждается в предлоге не покидать Галлию и продолжить свою активную внешнюю политику. Ситуацию усложняет и то, что Ариовист за год до описываемых событий — в консульство самого Цезаря — получил статус «друга римского народа», что требовало особых объяснений со стороны Цезаря о причинах агрессии в его сторону. По этой причине речь Дивициака начинается с отступления: над Галлией главенствовали две «партии», одна из которых для борьбы со второй и обретения абсолютной власти пригласила из-за Рейна германцев. В итоге последние не только выполнили поручение, но и завладели большей частью территорий пригласившей их стороны, угрожая отнять и оставшуюся. Несомненно, этим они не удовольствуются и захватят затем всю Галлию. Немаловажную роль в речи Дивициака играет тот портрет Ариовиста, который он создает:

Ariovistum autem <...> superbe et crudeliter imperare, obsides nobilissimi cuiusque liberos poscere et in eos omnia exempla cruciatusque edere, si qua res non ad nutum aut ad voluntatem eius facta sit. hominem esse barbarum, iracundum, temerarium (Caes. *b. G.* I 31, 12–13).

‘Ариовист же <...> правит заносчиво и жестоко: он требует в заложники детей всех знатных людей и предаёт их всяческим пыткам, когда что-то случается против его воли. Он варвар, гневливый и безрассудный человек’.

Если для галлов, которые у римлян считаются варварами, Ариовист, в свою очередь, ввиду крайней жестокости и необузданности варвар, то такой противник должен представлять двойную угрозу в римском сознании. За приведенным контекстом следуют заверения Дивициака, что если Цезарь не поможет, то германцы подчинят себе всю Галлию. Цезарь не дает эмоциональной реакции на эту речь, однако ход его мыслей — также в косвенной речи — свидетельствует, что он понимает степень угрозы, исходящей от германцев, и опасается их последующей агрессии в сторону римской провинции. Таким образом, две эти косвенные речи предоставляют обоснование и оправдание действий Цезаря в глазах римского народа.

Что же до *oratio recta*, в первых трех книгах *‘Bellum Gallicum’* она не встречается вовсе, в четвертой представляет из себя одну короткую реплику, в пятой таких реплик становится две, как и в шестой. Смена монотонного, «нейтрального» стиля повествования на прямую речь неизбежно должна была привлекать внимание читателя / слушателя *‘Bellum Gallicum’*. Чаще всего Цезарь использовал это для того, чтобы подготовить аудиторию к последующим важным событиям. Ярким примером является употребление *oratio recta* в пятой книге *‘Bellum Gallicum’*. Квинт Сабин и Луций Котта, командовавшие легионом в отсутствие Цезаря, получают от галлов весть, что если они сейчас же не покинут лагерь и не перейдут в другое место, то будут уничтожены превосходящими силами Амбиорига и германцев, которые уже держат путь в их сторону. На военном совете высказываются полярные мнения: Сабин верит донесению галлов и настаивает на выведении войск в сторону зимних квартир Лабиена или Цицерона, Котта же предлагает проявить стойкость перед лицом угрозы, о которой они знают только со слов врага, и дожидаться помощи от Цезаря. Тогда Сабин громко, чтобы слышали и солдаты, кричит:

Si gravius quid acciderit, abs te rationem reposcent; qui si per te liceat, perendino die cum proximis hibernis coniuncti communem cum reliquis belli casum sustineant, non reiecti et relegati longe a ceteris aut ferro aut fame intereant (Caes. *b. G.* V 30, 2–3).

‘Если случится беда, [солдаты] от тебя потребуют ответа. Если бы ты согласился, они бы уже послезавтра, соединившись с легионами ближайших зимних квартир, делили бы с ними трудности войны, а не были бы брошенными и посланными на погибель от меча или голода вдали от остальных’.

Именно это эмоциональное высказывание Сабина решило исход спора: было принято решение покинуть зимние квартиры и двинуться по направлению к соседним. Это решение оказалось роковым. Амбиориг, не сдержав данного слова, устроил засаду римлянам, что

повлекло за собой гибель целого легиона. Сложно переоценить важность приведенного пассажа для общей канвы повествования в пятой книге *'Bellum Gallicum'*. Для Цезаря было чрезвычайно важно снять с себя вину за столь катастрофическое поражение и потерю стольких солдат. С помощью прямой речи он привлекает внимание к истинной — как он хочет это показать — причине произошедшего: малодушию одного из командиров легиона.

Иногда же короткие пассажи с *oratio recta*, напротив, служат привлечению внимания к фигуре Цезаря, даже если сам он в описываемой ситуации отсутствует. Ярким примером является реплика Лабiena, обращенная к войску:

Praestate eandem nobis virtutem, quam saepe numero imperatori praestitistis, atque illum adesse et haec coram cernere existimate (Caes. *b. G.* VI 8, 4).

Проявите передо мной ту же доблесть, какую вы часто проявляли перед главнокомандующим [*sc.* Цезарем], и считайте, что он сам здесь и смотрит на вас'.

Совершенно иначе выстроена прямая речь в Caes. *b. G.* VII 77. Седьмая книга, являющаяся во многих отношениях венцом *'Bellum Gallicum'* [Krebs 2023: 39], содержит самый длинный пассаж с *oratio recta*.

Галлы, осажденные римскими войсками в Алезии, испытывают всяческие лишения и собираются на совет. Предлагаются различные варианты действий: одни ратуют за то, чтобы сдаться, другие советуют предпринять дерзкую вылазку наудачу. Критогнат, отличающийся своими влиянием и знатностью, берет слово и держит его на протяжении тейбнеровской страницы. Заслуживает внимания, что и речь, и тот, кто ее произносит, являются плодами воображения Цезаря [Krebs 2023: 311]. *Oratio* соответствует всем канонам, прописанным в риторических пособиях [Grillo 2018: 139]. Уже выбор слов для описания Критогната указывает на то, что последующая речь занимает особое место в нарративе. Цезарь использует слово *ortus*, говоря о происхождении галла, в то время как обычным для него способом передачи этого значения является *natus*. Причастие *ortus* относится к словам возвышенного стиля, присущего поэзии. Как известно, Цезарь не использовал синонимы без необходимости и в его прозе обычно одно понятие выражается одним словом [Eden 1962: 97]. Показательно, что, по свидетельству Светония, Цезарь использует это же причастие в выступлении на похоронах своей тетки Юлии, жены Гая Мария, когда говорит о собственном происхождении (Suet. *Jul.* 6, 2). Кроме того, речь Критогната является единственным контекстом с *oratio recta*, к которому Цезарь делает некое вступление: он говорит, что невозможно обойти вниманием эту речь

ввиду ее крайней жестокости (Caes. b. G. VII 77, 2). Эта невозможность умолчать о том, что говорил галлам Критогнат, перекликается с его первой фразой, содержащей фигуру *praeteritio* — прохождение [Lausberg 1990: § 882–886]:

‘Nihil’ inquit ‘de eorum sententia dicturus sum qui turpissimam servitutem deditionis nomine appellant’ (Caes. b. G. VII 77, 3).

‘Я ничего, — сказал он, — не буду говорить о тех, кто называет капитуляцией позорнейшее рабство’.

Эта фраза играет роль вступления — *exordium*. Следом за ним идут две примерно равные по объему части речи: в первой Критогнат высказывается против вылазки, поскольку она не принесет ничего, кроме гибели всего отряда; во второй же части призывает галлов к стойкости, чего бы она ни стоила, и приводит пример для подражания: их предки прибегали даже к каннибализму в отношении тех, кто был не способен к бою, лишь бы не сдаваться кимбрам и тевтонам (Caes. b. G. VII 77, 12). Основная мысль Критогната, которую он хочет донести до галлов, следующая: они в ответе не только за свои жизни, но и за благополучие и свободу всей Галлии. В заключение он обращает внимание слушателей на то, что часть Галлии уже стала римской провинцией, обремененной «вечным рабством» (Caes. b. G. VII 77, 16). Таким образом, прослеживается кольцевая композиция речи: начав с понятия *servitus*, Критогнат заканчивает им же. Ключевыми понятиями являются также *libertas* и *constantia*.

Речь Критогната содержит большое количество риторических фигур. Помимо исторического примера [Lausberg 1990: § 410–426] и повтора основных понятий он также использует ряды риторических вопросов [Lausberg 1990: § 767–770]:

An, quod ad diem non venerunt, de eorum fide constantiaque dubitatis? quid ergo? Romanos in illis ulterioribus munitioibus animine causa cotidie exerceri putatis? (Caes. b. G. VII 77, 10).

‘Или из-за того что они [sc. галльские войска] не пришли в срок, вы сомневаетесь в их верности и стойкости? Что же? Думаете, римляне ежедневно возводят дальние укрепления потехи ради?’.

Особой выразительности служит и аллитерация:

Nolite <...> omnem Galliam **prosternere et perpetuae** servituti addicere (Caes. b. G. VII 77, 9).

‘Не бросайте всю Галлию на произвол судьбы и не приговаривайте ее к вечному рабству’.

Откуда у галла такое умение обращаться со словом? Ответ на этот вопрос помогает найти сравнение этой речи с теми, что писал Цезарь в предыдущих книгах ‘Bellum Gallicum’. И наибольшее сходство обнаруживается именно в пассажах с *oratio obliqua*. Косвенная речь

в прозе Цезаря также выстраивается по риторическим правилам [Murphy 1949: 125]. Наиболее близко речь Критоignата стоит к речи Цезаря к войску в первой книге (Caes. b. G. I 40). Согласившись помочь эдуюм в борьбе с германцами после просьбы Дивициака, Цезарь столкнулся со следующей сложностью. Его легионы, в страхе из-за рассказов о зверствах германцев, отказывались идти войной на Ариовиста. Задерживался и подвоз провианта, что добавляло беспокойства и без того смятенным солдатам. По всему лагерю составлялись завешания, некоторые ссылались на сложности пути, а некоторые в открытую высказывались за отступление. Тогда Цезарь обратился к легионам с речью, занимающей целую тейбнеровскую страницу. В этой *oratio obliqua* Цезарь обвиняет легионы в несдержанности и малодушии перед лишениями. За этим следует ряд риторических вопросов:

Quodsi furore atque amentia impulsus bellum intulisset, quid tandem vererentur? aut cur de sua virtute aut de ipsius diligentia desperarent? (Caes. b. G. I 40, 4).

‘Если [Ариовист] в бешенстве и безумии начнет войну, чего же им бояться? И почему они сомневаются в собственной доблести и в его [sc. Цезаря] компетентности?’.

После этих слов Цезарь приводит тот же исторический пример, что и Критоignат в седьмой книге, — кимбров и тевтонов, с которыми римским войскам однажды уже удалось справиться. В конце концов, германцев разбивали и геллы, над которыми легионы Цезаря совсем недавно одержали победу. Обращение к этим примерам служит одной цели: призвать солдат к стойкости — *constantia*. Ровно ту же цель преследовал и Критоignат, прибегая к схожим приемам. В обеих речах, таким образом, ведется рассуждение о Будущем с использованием оценки Настоящего и примера из Прошлого [Lausberg 1990: § 228].

Наконец, Цезарь отвечает на доводы солдат о сложности пути и их опасения о подвозе провианта:

Qui suum timorem in rei frumentariae simulationem angustiasque itineris conferrent, facere arroganter, cum aut de officio imperatoris desperare aut praescribere viderentur (Caes. b. G. I 40, 10).

‘Те же, кто скрывает свой страх, притворяясь, что беспокоится о продовольствии или трудностях пути, проявляют дерзость, поскольку не верят, похоже, в своего полководца и дают ему предписания’.

Неправильное наименование и его корректировка — то, с чего начал свою речь Критоignат: что другие именуют капитуляцией, на самом деле является позорным рабством. Тот же прием использует Цезарь и в изложении собственной речи к войску: беспокойство

о том, подвезут ли провиант и будет ли сложен путь, верно назвать обычным страхом. Такое ошибочное наименование и последующее исправление — общее место для историографии. Например, Саллюстий в *‘Catilinae Coniuratio’* прибегает к этому приему:

Hic mihi quisquam mansuetudinem et misericordiam nominat! Iam pridem equidem nos vera vocabula rerum amisimus: quia bona aliena largiri liberalitas, malarum rerum audacia fortitudo vocatur, eo res publica in extremo sita est (Sall. Cat. 52, 11).

И здесь мне кое-кто говорит о мягкости и милосердии! Мы уже давно утратили верные названия вещам: раздача чужого имущества называется щедростью, дерзость в дурных поступках — храбростью. Потому государство и стоит на краю пропасти’.

Приведенный пассаж — часть выступления Катона, призывающего по всей строгости наказать участников заговора Катилины. Занимательно, что произносятся эти слова в ответ на речь Цезаря, выступавшего, напротив, за смягчение приговора. Катон таким образом обвиняет Цезаря в неправильном наименовании вещей, которые подаются под видом мягкости и милосердия, а на деле — попытка защитить представителей аристократии от гибели.

Завершает свою речь к войску Цезарь заверением, что его совершенно не взволнует, если часть солдат не повинуются его приказу и не пойдут против германцев. Ему же достаточно одного — самого верного — легиона, с которым он продолжит свою кампанию. Такой мнимый отказ от того, чтобы настаивать на своем, а также выражение особого предпочтения избранной группе людей на деле являются еще одним средством убеждения. Именно после этого все войско воодушевилось и перестало сомневаться в предводителе. К такому же приему прибегает и Критогнат в начале своей речи: с теми, кто предлагает сдаться, он и разговаривать не желает. В его интересах обсуждать положение дел только с готовыми на вылазку галлами.

Captatio benevolentiae — завоевание внимания слушателя — обычно осуществляется оратором во вступлении. Этот прием может опускаться в совещательном роде [Lausberg 1990: § 285], к которому относятся рассматриваемые нами речи. Однако в обеих ситуациях произнесения речей часть аудитории не только слушает, но и высказывает собственное мнение. Поэтому и Цезарь, и Критогнат прибегают к *captatio*, чтобы воздействовать на слушателей и нейтрализовать возможные контраргументы. При этом Цезарь в речи к войску делает это более мягко. Для тех, кто напуган рассказами галлов о зверствах германцев, он приводит рациональные аргументы: римские легионы под его предводительством имеют все шансы победить неприятеля. На тех же, кто притворно ссылается на тяже-

сти пути и подвоза провианта, пытаясь скрыть свой страх, Цезарь воздействует эмоционально — обвиняет их в *arrogantia*, что является одним из стандартных способов дискредитации оппонента (*Cic. inv.* I 22). Критогнат, в свою очередь, к группе тех, кто высказывал мнение, противоречившее его собственному, применяет фигуру прохождения, отказываясь говорить о них, и использует аргумент от дефиниции — предлагаемая ими капитуляция должна называться рабством. По отношению к трусости выступающих за то, чтобы сдаться римлянам, Критогнат выказывает *contemptio* — также стандартный прием для дискредитации оппонента (*Ibid.*). Заслуживает отдельного внимания то, что Цезарь явно стремится привлечь — *conciliare* — речью всех слушателей и убедить их в собственной правоте, в то время как Критогнат проявляет особую жесткость и обвиняет в слабости всю аудиторию.

Как видно, структура, риторические приемы и даже цели, которые достигаются с помощью обеих речей, во многом схожи. Можно сделать вывод, что Цезарь при написании речи Критогната опирался на свои же речи, которые приводил в *oratio obliqua* в первой книге. Еще одним свидетельством этого является активное использование причастных конструкций: в речи Критогната их 11: 5 конструкций *ablativus absolutus* и 6 причастных оборотов. При *oratio obliqua* такое использование оправдано, поскольку в таком случае Цезарь передает определенные идеи — собственные или других участников событий — своими словами в сжатом виде. И его стилю присуще обильное использование как причастных оборотов, так и конструкций *ablativus absolutus*. Звучащей же речи — *pronuntiatio* — такое употребление не свойственно [Laughton 1964: 156; Pinxter 2021: 5]. Об этом можно судить в частности по тому, что Цицерон употребляет *ablativus absolutus* в 10 раз реже, чем Цезарь [Adams 2005: 75].

Таким образом, Цезарь никак не стилизует речи в *oratio recta*, и они построены так же, как до этого выстраивались пассажи с косвенной речью. Иногда Цезарь даже использует одни и те же формулировки сначала в собственной речи, переданной с помощью *oratio obliqua*, а затем в *oratio recta* других участников событий. Речь Критогната не стала исключением. Например, в 54-й главке седьмой книги *‘Bellum Gallicum’* описывается, как знатные эдуи отпрашиваются у Цезаря отправиться к своим, якобы чтобы удержать их в повиновении. Цезарь, познав уже степень вероломства эдуюв, не верит в истинность этих намерений, но все же отпускает князей, произнеся перед их отъездом речь. В этой *oratio obliqua* перечисляются заслуги Цезаря перед эдуями, которые находились в крайне затруднительном положении, но благодаря его вмешательству начали процветать:

Discedentibus iis breviter sua in Haeduos merita exposuit, quos et quam humiles acceperisset — compulsos in oppida, multatos agris, omnibus ereptis copiis, imposito stipendio, obsidibus summa cum contumelia extortis — et quam in fortunam quamque in amplitudinem deduxisset (Caes. b. G. VII 54, 3).

При их отъезде [Цезарь] кратко изложил свои заслуги перед эдуюми: насколько приниженными он их принял — согнанными в города, лишенными своих земель и всего имущества, вынужденными платить дань и позорнейшим образом выдать заложников — и насколько он их возвысил’.

Приведенный пассаж является яркой иллюстрацией того, как часто в *oratio obliqua* Цезаря могут встречаться причастные конструкции: в данном случае их пять подряд. Кроме того, словосочетание *compulsi in oppida* встречается и в речи Критогната:

Qui in oppida compulsi ac simili inopia subacti eorum corporibus, qui aetate ad bellum inutiles videbantur, vitam toleraverunt (Caes. b. G. VII 77, 12).

‘Они [sc. наши предки], согнанные в города и подвергавшиеся подобным лишениям, поддерживали жизнь за счет тел тех, кто был по возрасту непригоден для войны’.

Как видно из приведенных выше аргументов, речь Критогната в Caes. b. G. VII 77 построена так же, как речь самого Цезаря, изложенная с помощью *oratio obliqua* в 40-й главке первой книги. Обе речи произнесены в схожей обстановке: двум лидерам важно призвать своих слушателей к стойкости перед лицом опасности и лишений. Сближают речи и те риторические приемы, которые были выбраны для достижения цели: ряды риторических вопросов, корректировка неправильного наименования, обращение к одному и тому же историческому примеру, мнимый отказ от отстаивания своей точки зрения. Схоже и синтаксическое строение речей: они содержат большое количество причастных конструкций, не свойственных звучащей речи. Кроме того, один из этих оборотов — буквальное повторение из *oratio obliqua* Цезаря в 54-й главке той же седьмой книги ‘*Bellum Gallicum*’. Таким образом, Цезарь, достигнув триумфа в построении косвенной речи, переносит те же закономерности в структуру длинных пассажей с *oratio recta*, никак не стилизуя в этом случае свою прозу под звучащую речь или под конкретное действующее лицо. Критогнат — зеркальное отражение Цезаря, и их речи никак не различимы в стилистическом отношении. Разница заключается только в одном пункте содержания, на который Цезарь указал еще до начала речи галла: она отличается безмерной жестокостью. В таком случае напрашивается вывод, что Цезарь ровно противоположен и его черта — мягкость. Оба оратора стремятся

доказать *utilitas* своих положений — продемонстрировать, что предлагаемые ими действия наиболее полезны в сложившейся ситуации [Lausberg 1990: § 234]. И Цезарь в речи к войску, и Критогнат успешны в убеждении аудитории в собственной правоте, как мы показали выше. Однако последний в качестве полезного решения для достижения высокой цели Свободы предлагает жестокость — *crudelitas*. Несомненно, в глазах римского читателя/слушателя это должно было поставить под вопрос не только моральный облик Критогната и его народа, но и саму цель «варварской свободы». Цезарь же, напротив, через *utilitas* апеллирует к более возвышенным понятиям: *virtus* (3 раза), *officium*, *innocentia*, *pudor*. Уже в седьмой книге ‘*Bellum Gallicum*’ можно усмотреть, что Цезарь создает себе определенный политический образ, который полноценно сложится в ‘*Bellum civile*’.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Adams J. N. *Bellum Africum* // Aspects of the Language of Latin Prose. Oxford, 2005. P. 73–96.
2. Clackson J., Horrocks G. *The Blackwell History of the Latin Language*. Malden, 2007.
3. Eden P. T. *Caesar's Style: Inheritance versus Intelligence* // Glotta, vol. 40, 1962. P. 74–117.
4. Grillo L. *Speeches in the Commentarii* // Cambridge Companion to the Writings of Julius Caesar. Cambridge, 2018. P. 110–130.
5. Hyart C. *Les origines du style indirect latin et son emploi jusqu'à l'époque de César*. Brussels, 1954.
6. Krebs C. B. *Caesar: Bellum Gallicum Book VII*. Cambridge, 2023.
7. Laughton E. *The Participle in Cicero*. Oxford, 1964.
8. Lausberg H. *Handbuch der literarischen Rhetorik*. 2 Bde. München, 1990.
9. Murphy C. *The use of speeches in Caesar's Gallic War* // The Classical Journal, vol. 45, 1949. P. 120–127.
10. Pinxter H. *The Oxford Latin Syntax*. Vol. 2. Oxford, 2021.

REFERENCES

1. Adams J. N. *Bellum Africum*. Aspects of the Language of Latin Prose. Oxford, Oxford University Press, 2005, pp. 73–96.
2. Clackson J., Horrocks G. *The Blackwell History of the Latin Language*. Malden, Blackwell Publishing, 2007. 324 p.
3. Eden P. T. *Caesar's Style: Inheritance versus Intelligence*. Glotta, vol. 40, 1962, pp. 74–117.
4. Grillo L. *Speeches in the Commentarii*. Cambridge Companion to the Writings of Julius Caesar. Cambridge, Cambridge University Press, 2018, pp. 110–130.
5. Hyart C. *Les origines du style indirect latin et son emploi jusqu'à l'époque de César* [The origins of Latin indirect style and its use up to the time of Caesar]. Brussels, 1954. 283 p.
6. Krebs C. B. *Caesar: Bellum Gallicum Book VII*. Cambridge, Cambridge University Press, 2023. 404 p.
7. Laughton E. *The Participle in Cicero*. Oxford, Oxford University Press, 1964. 161 p.

9. Lausberg H. *Handbuch der literarischen Rhetorik* [Handbook of Literary Rhetoric]. 2 Bde. München, *Franz Steiner Verlag Stuttgart*, 1990. 983 p.
10. Murphy C. *The use of speeches in Caesar's Gallic War*. *The Classical Journal*, vol. 45, 1949, pp. 120–127.
11. Pinxter H. *The Oxford Latin Syntax*. Vol. 2. Oxford, *Oxford University Press*, 2021. 1438 p.

Поступила в редакцию 13.04.2026

Отредактирована 06.08.2026

Принята к публикации 31.08.2026

Received 13.04.2026

Revised 06.08.2026

Accepted 31.08.2026

ОБ АВТОРАХ

Анна Олеговна Захарченко — преподаватель кафедры классической филологии МГЛУ имени Мориса Тореза; преподаватель кафедры классической филологии ПСТГУ; *anna.zakharchenko.jim@gmail.com*

Алексей Евгеньевич Беликов — к.ф.н., доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; *belikov.smu@gmail.com*

ABOUT THE AUTHORS

Anna O. Zakharchenko — teacher, Department of Classics, Moscow State Linguistic University; teacher, Department of Classics, Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities; *anna.zakharchenko.jim@gmail.com*

Alexey E. Belikov — PhD, Associate Professor, Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; *belikov.smu@gmail.com*

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ПЕРЕВОДЫ «МЕТАМОРФОЗ» ОВИДИЯ В СИНОДАЛЬНЫХ ДЕЛАХ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Е.А. Матвееenko

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; ea.matveenko@gmail.com*

Аннотация: В статье подробно рассматриваются два синодальных дела Петровской эпохи, в которых упоминаются *Овидиушевы книги*. В майском деле 1722 г. зафиксировано, что по указанию кабинет-секретаря Петра I А.В. Макарова Синод искал книги Тита Ливия и *Овидиевы книги*, чтобы отправить их на печать. Узнать, где находятся «четы» *Овидиевы книги*, так и не удалось, но предполагалось, что они у директора петербургской синодальной типографии М.П. Аврамова. Из мартовского дела 1727 г. известно, что граф П.А. Толстой обращался в Синод с просьбой вернуть ему писанные им собственноручно три книги «Метаморфоз» и получил их от того же М.П. Аврамова. Соотнесение формулировок из этого дела с названиями двух русских рукописных переводов «Метаморфоз», выполненных с польской комментированной версии В. Отвиновского, позволило предположить, что книгами, за которыми в 1727 г. обращался в Синод П.А. Толстой, могли быть неизвестные сейчас списки так называемого второго перевода «Метаморфоз» с польского издания В. Отвиновского. Возможно, о них же шла речь и в мае 1722 г. Отдельное внимание привлекает наличие в описи конфискованной у фельдмаршала Б.К. Миниха библиотеки неких книг *Матеморфоз* (!), название которых также перекликается с названием второго русского перевода «Метаморфоз» с польского языка.

Ключевые слова: «Метаморфозы» Овидия; Петровская эпоха; польско-русские связи

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-7

Для цитирования: Матвееenko Е.А. Переводы «Метаморфоз» Овидия в синодальных делах Петровской эпохи // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 89–100.

TRANSLATIONS OF OVID'S *METAMORPHOSES* IN SYNODAL RECORDS OF THE PETRINE ERA

Ekaterina A. Matveenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ea.matveenko@gmail.com

Abstract: The article examines in detail two Synodal records from the Petrine era, possibly related to one another, in which *Овидиушевы книги* are mentioned. A case from May 1722 shows that the Synod searched for books by Titus Livy and Ovid in order to send them for printing. It proved impossible to ascertain the location of the *четыре книги*; however, it was hypothesized that the director of the St. Petersburg Synodal Printing House M. Avramov possessed them. A case from March 1727 indicates that Count P. Tolstoy asked the Synod to return three books of the *Metamorphoses* written in his own hand and received them from M. Avramov himself. A comparison with the titles of two Russian manuscript translations of the *Metamorphoses* from Polish version by W. Otwinowski suggests that the books requested by P. Tolstoy from the Synod in 1727 may have been now-lost copies of the so-called second translation of the *Metamorphoses* from Otwinowski's edition. It is possible that reference to the same books was made in May 1722. It is also interesting that in the inventory of books confiscated from B.-K. Münich certain volumes titled *Матеморфозы* are presented. This title likewise corresponds to the title of the second Russian translation of the *Metamorphoses* from Polish.

Keywords: Ovid's *Metamorphoses*; the Petrine era; Polish-Russian literary relations

For citation: Matveenko E.A. (2026) Translations of Ovid's *Metamorphoses* in Synodal Records of the Petrine Era. *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 89–100.

В начале XVIII в. появились два полных русских перевода «Метаморфоз» Овидия. Оба они были выполнены с польского комментированного перевода «Метаморфоз» Валериана Отвиновского 'Księgi Metamorphoseon, to jest, Przemian' (Краков, 1638).

Первый¹ перевод имеет две редакции и сохранился в пяти списках разного состава, второй перевод известен сейчас в трех списках разного состава [Николаев 1988: 163; Николаев 2008: 189–190; Моляков 2016: 463].

Списки ранней редакции первого перевода

Список ГИМ Син. № 809

Список ГИМ Син. № 809 — рукопись из библиотеки митрополита Димитрия Ростовского, содержит перевод книг 1–12. Датируется началом XVIII в., 1°, украинская скоропись разных рук, 396 л.

¹ Нумерация переводов по библиографическому каталогу С.И. Николаева [Николаев 2008: 189–190].

На обороте верхней крышки переплета сохранилась владельческая запись Дмитрия Ростовского: **Книга сіа переплетена а 1706 года, апрѣлѣ 1. А гдѣ нѣ еѣ смиреннѣ димитрі ахїерѣ ростовскѣ.** По ней С.И. Николаев предложил принять дату 16 апреля 1706 г. за *terminus ante quem* первого перевода [Николаев 1988: 163; Николаев 2008: 189]. На этом же листе ниже другим почерком написано **увидиушъ**, еще ниже — **ростовскаго ахїереа димирїа**. На следующем листе еще одна запись Дмитрия Ростовского: **сіа книга не прочтенна, не исправленна, многихъ описе преисполнена** и ниже другим почерком еще раз: **Овидіи**. На нескольких листах рукописи примерно до л. 155 сохранились пометы Дмитрия Ростовского. Сопоставление с почерками в рукописях из ростовского скриптория митрополита Дмитрия показало, что, вероятно, список ГИМ Син. № 809 был создан в этом скриптории [Матвеев 2023: 26].

Список БАН П I Б № 101 (17.14.21)

Это двухтомный (I том — книги 1–4, II том — книги 5–8) список из библиотеки Петра I, датированный первой четвертью XVIII в., 727 л. (352 + V л. и 366 + IV л.), 4°, скоропись разных почерков [Лебедева 2003: 215; Николаев 2008: 189].

В начале первого тома есть оглавление всем книгам с 1 по 15, переведенное с оглавления из польского издания В. Отвиновского.

Оба тома рукописи БАН П I Б № 101 имеют заголовки: «Первая часть книг Овидиевых» и «Вторая часть книг Овидиевых».

С.И. Николаев установил, что рукопись БАН П I Б № 101 обсуждали в переписке 1708 г. И.А. Мусин-Пушкин и Петр I и вычитывали справщики И. Туробойский и Ф. Поликарпов-Орлов [Николаев 1988: 163].

13 августа 1708 г. Петр I написал ведавшему Печатным двором И.А. Мусину-Пушкину следующее: **Книгу Авидиюжеву, рудокопную и протчіе 2, которые отданы вам, будучи в Жолкве, выправлены ли? И буде выправлены, то пришли их сюды, также которую переводит Волков потому ж пришли с сим посланным, о которой и прежде сего к вам писано** [Письма и бумаги императора Петра Великого 8/1: 76].

23 августа 1708 г., отвечая на это письмо, И.А. Мусин-Пушкин сообщил: (...) **А в Жолкве отданы мне 4 книги: одна фортификаческая на латинском языке, Овидеушева на русском, да две на немецком языке. (...) а Овидеушеву книгу архимандрит симоновский и Федор Поликарпов смотрели и сказали, что переведена добре, но в малых некоторых местах что надлежит поправить, написав на бумажках, приклеили той книги на поле. И тое книгу и Волкова переводу десять книжек послал к тебе, государю, при**

сем письме с присланным от тебя, государя, с Чертенским. А если, государь, изволишь *Овидеушеву книгу* печатать, прикажи, государь, паки к нам прислать тое *Овидеушеву книгу* [Пекарский 2: 647; Письма и бумаги императора Петра Великого 8/2: 571–572; Николаев 1988: 163]. В первом томе списка БАН П I Б № 101 в пяти местах действительно наклеены полоски бумаги с вариантами исправления некоторых слов [Николаев 1988: 163].

В 1728 г. рукопись БАН П I Б № 101 поступила в Библиотеку Академии наук из Зимнего дома [Лебедева 2003: 216].

Список ГИМ ОПИ. Ф. 96. Инв. № 21059/3287

Рукопись содержит перевод книг 13–15 и оглавление для книг 1–15, идентичное оглавлению из списка БАН П I Б № 101. Датируется первой четвертью XVIII в., скоропись, 4°, 349 л. На л. 4 запись «Часть 4. Овидиуша»².

На л. 346 об. имеется владельческая запись: **Ис книг великоустюжского мещанина Ивана Михайлова (?) Пшенникова**, другой рукой дописано: **подписана октября 27-го дня 1839**. На л. 347 об. запись: **сию книгу читалъ Алексей Мутик(?) 1834-го года генваря месяца**. На последнем форзаце еще одним почерком написано: **Овидия премудраго еленская мудро(??)** (надпись плохо читается).

Списки поздней редакции первого перевода

Список РНБ Q.XVIII.4

Рукопись начала XVIII в., 230 л. [Калайдович, Строев 1825: 558]. Написана двумя сильно отличающимися почерками.

Когда-то этот список принадлежал библиотеке графа Ф.А. Толстого — в описании этого собрания он зафиксирован под номером 434 в подборке рукописей «в четверку» с названием «Изъясненіе первыхъ четырёхъ книгъ Овидіевыхъ Превращеній» [Калайдович, Строев 1825: 558].

Некоторое время ошибочно считалось, что в этом списке представлен перевод «Метаморфоз» с латинского языка [Николаев 1988: 162]. С.И. Николаев сопоставил списки ГИМ Син. № 809 и РНБ Q.XVIII.4 и установил, что в них представлен один и тот же перевод «Метаморфоз», выполненный с польской версии В. Отвиновского [Николаев 1988: 163], а Г.А. Мольков определил, что в этом переводе были две разные редакции [Мольков 2016: 463].

Со списком РНБ Q.XVIII.4 косвенно связана легенда о существовании перевода «Метаморфоз», выполненного П.А. Толстым. За-

² Данные об этой рукописи взяты из ее описания в Отделе письменных источников ГИМ.

родилась она, по-видимому, после того, как П.П. Пекарский, процитировав синодальное дело №68/5 от 2 марта 1727 г.³ об обращении П.А. Толстого в Синод за рукописями «Метаморфоз», указал на существование списка РНБ Q.XVIII.4, хотя и не связал его с П.А. Толстым напрямую [Пекарский I: 221; Николаев 1988: 162]. Позже А.И. Соболевский, ссылаясь на П.П. Пекарского, отметил: «другой перевод Превращений, графа П.А. Толстого, находится в рукописи Публичной Библиотеки Q.XVIII.4» [Соболевский 1903: 183; Николаев 1988: 162].

Отсылки к П.А. Толстому сохранили актуальность и позднее. Например, Н.П. Павлов-Сильванский описал П.А. Толстого так: «Человек, на совести которого лежали такие темные дела, (...) трудился над переводом “Метаморфоз” Овидия с итальянского языка, которым владел прекрасно», также указывая на синодальное дело 1727 г., но отмечая, что список РНБ Q.XVIII.4 написан не рукой П.А. Толстого [Павлов-Сильванский 1910: 11; Николаев 1988: 163]. П.Н. Берков, ссылаясь на П.П. Пекарского, написал: «неудивительно поэтому, что при Петре появляется ряд новых переводов “Метаморфоз”, один из которых принадлежал графу П.А. Толстому» [Берков 1973: 90]. В описании рукописного отдела БАН сохранилось указание без ссылок: «Известно, что Пётр I поручал перевод “Метаморфоз” П.А. Толстому» [Мартынов 1980: 80].

С.И. Николаев поставил под сомнение атрибуцию перевода «Метаморфоз» с польского языка П.А. Толстому, но поддержал предположение, что П.А. Толстой мог заниматься переводом «Метаморфоз» с итальянского языка [Николаев 1988: 163].

Список РГАДА Ф. 181. № 671/1183

Список XVIII в., 4°, 426 л., скоропись одного почерка. В описи № 19 рукописного отдела библиотеки МГАМИД зафиксирован с названием «Миѳологія» (л. 33 об. (35 об.)).

РГАДА Ф. 181. № 671/1183, как и РНБ Q.XVIII.4, содержит перевод первых четырех книг «Метаморфоз», текст почти полностью идентичен тексту списка РНБ Q.XVIII.4.

Очень вероятно, что первый перевод был представлен «комплексом» из четырех частей (с разделением книг: 1–4, 5–8, 9–12, 13–15). На это указывают и структура рукописей БАН П I Б № 101 и ГИМ ОПИ. Ф. 96. Инв. № 21059/3287, и запись «часть 4 Овидиуша» в списке ГИМ ОПИ. Ф. 96. Инв. № 21059/3287, и то, что в обоих известных сейчас списках с текстом поздней редакции этого перевода представлены книги 1–4.

³ Это синодальное дело будет подробно рассмотрено далее.

Списки второго перевода

Список БАН Тек. Пост. № 744

Рукопись середины XVIII в., 4°, 166 л., скоропись одного почерка. Содержит текст книг 1–5. В тексте много следов правки.

Список ГИМ ОПИ. Ф. 96. Инв. № 33561/3605

Рукопись датируется 1730–40 гг., содержит текст книг 11–15 и оглавление только к этим книгам. Скоропись одного почерка, 1°, 173 л.

Сохранились владельческие записи: на л. 1 — **Из книг Ивана Шебалкина** и нерасшифрованные два слова латиницей, на обороте нижней крышки переплета — **Ив. Шебалкин** и неразборчивая роспись другим почерком. На л. 173 от записи сохранилась только дата: (...) 1819 года⁴.

Список ЦНБ АН Украины. Собр. Киево-Печерской лавры № 334п/225

В описании Н.И. Петрова эта книга значится под номером 334 (225) с заглавием «Метаморѣхосѣѡнъ, еже есть пременение» как скорописная рукопись первой половины XVIII в., 238 л. полного формата [Петров 1896: 109].

Для второго перевода можно предполагать трехчастную структуру — разделение 15 книг на 3 тома по 5 книг в каждом. На это косвенно указывают два доступных в данный момент для исследования списка, содержащие перевод книг 1–5 и 11–15 соответственно, а также наличие в списке ГИМ ОПИ. Ф. 96. Инв. № 33561/3605 оглавления только к тем 5 книгам, которые представлены в этой рукописи.

Синодальное дело 1722 года

Итак, в документах Синода есть два дела с упоминанием перевода «Метаморфоз» — майское 1722 г. и мартовское 1727 г.

Первое упоминание *книг Овидиевых* в документах Синода встретилось в деле № 581/33. Это дело подробно изложено в Описании документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода [Описание документов и дел... 2/1: 849–853], но также было сверено непосредственно с документами, хранящимися в РГИА⁵.

10 мая 1722 г. кабинет-секретарь Петра I А.В. Макаров в Москве в Синоде огласил высочайший приказ, в котором, среди прочего, предписывалось книги Тита Левія, которые орѣтаюся

⁴ Данные об этой рукописи взяты из ее описания в Отделе письменных источников ГИМ.

⁵ Далее все цитаты из этого синодального дела приводятся по: РГИА Ф. 796. Оп. 2. Дело Святейшаго правительствующаго Синода 1722 г. № 581.

в Санктъпитербурхъ у Петра Мошкова, выправивъ, ^тодать в печать (л. 1 об.).

13 мая 1722 г. синодальный канцелярист Григорий Нестеров составил и подал в Кабинет Его императорского величества обращение о том, что (...) о ^мѡдаче тѣхъ книгъ къ Петру Мошкову писма в стѣйше ^тснудѣ не имѣется с просьбой дабы о ^мѡдаче книгъ Тита Ливия о кабинета его величества к господину Мошкову послано было письмо (лл. 3–3 об.⁶).

В тот же день А.В. Макаров составил письмо к главному управителю дворцов П.И. Мошкову и в этом письме добавил и распоряжение о неких *книгах Овидиушевых*:

Гдѣрь мой Петръ Ивановичъ.

Его императорское величество указ^а книги ливіевы выправя ^дѡдать в печать, и когда для ^дѡныхъ книгъ прѣвсш^ненный новгородскій Θεодосій, ког^ду к ва^м пришлетъ тогда присла^нно ево ^мѡдайте имянно, а ежели у ва^с тѣ кн^г нѣтъ, то изволте спросить у кабинетног^о поячего Семена Михайлова, такъже когда ^дѡни будутъ требовать кн^г *авидіушевы*, и тѣ книги помница мнѣ оданы были Михайлу Аврамову.

По^длинное за по^дписаніемъ таковы^м, слуга вашъ Алеѣ^ѣ Макаровъ въ дн 13 маія 1722 (л. 9; тот же текст с другой орфографией на л. 17).

16 мая 1722 г. Синод распорядился отправить к синодальным ассессорам в Санкт-Петербург нарочного солдата с указом, **что они то письмо ко ^дѡному Мошкову отославъ вышеозначенныхъ книгъ о^т него требовали, і принявъ прислали к Москвѣ в стѣйшіи ^дснуд по добрымъ охраненіемъ, во всяко^ѣ цѣлости.** Также распоряжение Синода предписывало (...) по полученіи тѣхъ книгъ ^тодать ихъ с указомъ опредѣленного ради ісправленія і славенскимъ діалектомъ печатанія того стѣйшаго ^тснуда совѣтнику школѣ і типограѣи протектору Троицкого Сергіева мнѣ^ѣрья Архимандриту Гавріилу бе^ѣ всякого олагателства (л. 5 об.).

4 июня 1722 г. письмо А.В. Макарова и словесные указания были отданы П.И. Мошкову в Санкт-Петербурге, а 8 июня он передал книги Тита Ливия [Описание документов и дел ... 2/1: 851].

18 июня 1722 г. на письме А.В. Макарова к П.И. Мошкову от 13 мая была сделана помета **повелено требова^т и овидиушевы^ѣ июня 18** (л. 17), [Описание документов и дел ... 2/1: 852].

В дальнейшей переписке выяснялась судьба *Овидиушевых книг*. Канцелярист типографской конторы Синода Михайло Кручинин

⁶ Текст этого обращения содержит множество исправлений, в процитированных отрывках они не учтены.

сделал запрос: в п^смѣ к Петру Мошкову написано *авидиужевы^х книга^х* что памятуеца отданы были Миха^лу Аврамову и оны^е кн^иги в типограѣско^у канторѣ обрѣтаютца ль, или у Миха^ла Аврамова и есть ли о ни в типограѣско^у канторѣ вѣдение что овѣтствова^т в Москву в стѣшій правите^лствующій с^вно^д (л. 15).

На это был получен ответ, что по справке в канторѣ типограѣскихъ дѣлѣ, имяннымъ Его Императорского величества указомъ н^нѣ дѣлается одна кн^ига мѣроу в четверть называющаяся *Овидиева* и рѣжутца на мѣны^х доска^х ои^гуры в лицахъ с кратки^м по писани^ю, которые доски вырѣзываются въ око^нчание придуть в будущее^е декарѣ мѣе сего го^д. А о ч^еты^х кн^ига^х онымъ звание во оно^у канторѣ вѣдения не имѣется (лл. 15–15 об.).

Упомянутые в переписке *Овидиева книга мѣроу в четверть и ои^гуры в лицахъ с кратки^м по писани^ю* явно относятся к готовившемуся в тот момент изданию *Овидиевых фигур в 226 изображениях, 4^о*, представлявшему собой книгу гравюр с объяснительными подписями, переведенными с немецкого издания [Пекарский 2: 532–533, Николаев 1988: 163].

Формула **четы^х книги** привлекла внимание исследователей, опубликовавших документы Синода, поскольку в запросе, на который отвечала типография, такого выражения не было. Было высказано предположение, что запрос мог быть дополнен устно, либо же **четы^х книги** возникли в результате неправильного прочтения исходного вопроса **есть ли о них (в типограѣско^у канторѣ вѣдение)** [Описание документов и дел... 2/1: 852]. В любом случае, как следует из переписки, в 1722 г. этих книг не оказалось ни у П.И. Мошкова, ни в типографии. К сожалению, нет данных об обращении за ними к директору петербургской синодальной типографии М.П. Аврамову.

Синодальное дело 1722 года

Второй раз *Овидиевы книги* появляются в документах Синода в 1727 г. Дело № 68/5 от 2 марта 1727 г. неоднократно цитировалось в научной литературе [Пекарский 1: 221–223; Описание документов и дел... 7: 81–82; Павлов-Сильванский 1910: 11; Николаев 1988: 162], однако обращение к его материалам непосредственно в архиве позволило уточнить формулировки⁷.

В синодальном деле указано следующее:

В протоколѣ Стѣйшаго правите^лствующаго С^внода марта 2 дня 1727 года под № 7^м написан^о. Приходилъ санктпетербургской т^ппографіи д^иректоръ М^ихайло Аврамовъ и стѣйшему правител^ю

⁷ Далее цитаты из этого синодального дела приводятся по: РГИА Ф. 796. Оп. 8. Дело Святейшаго правительствующаго Синода 1727 г. № 68.

ствующему синоду предлагалъ словесно: тайной дѣйствительной совѣтникъ кавалеръ графъ господинъ Толстой приказалъ ему требовать дабы взятые в стѣйшій синодъ для исправленія три книги дестевые в переплетѣ называемые *Метаморфосеосъ [то есть Премѣненіе]* ѡвидіемъ ѡписанные, и рукою ево графскою писанные, прислать к егѡ сїятелству, и стѣйшій правительствующій синод приказали: оные книги для врученія помянуто^М тайному дѣйствительному совѣтнику и кавалеру графу господину Толсто^М ѡдать ему дїректору Аврамову с роспискою (л. 1–1 об.).

Синод отчитался о выполнении запроса: 1727 года марта 2 дня по приказу стѣйшаго правительствующаго синода ѡданы в синодалной канцеляріи санктъпитербурхско^Т типографіи директору Михаѣлу Аврамову взятые о тайнаго дѣствительнаго совѣтника кавалера графа Петра Андрѣевича То^Астога три книги в кожанѡ переплетѣ называемые *Метаморфосеосъ [то есть Премѣненіе]* ѡвидіе^М премудры^М ѡписанные. А оные книги писма руки ѡного^Н тайнаго дѣствительнаго совѣтника ковалера графа Петра Андрѣевича Толсто^Хга в дествъ, Михаѣло Аврамовъ приня^В росписася, для отдачи то^Хб книгъ его сїятелству (л. 2).

Сейчас неизвестны рукописи «Метаморфоз», которые были бы написаны почерком П.А. Толстого. Тем не менее обращает на себя внимание название книги в синодальном деле: *Метаморфосеосъ [то есть Премѣненіе]* ѡвидіемъ (премудры^М) описанные. Почти идентичная формулировка регулярно встречается в качестве заголовка для отдельных книг «Метаморфоз» в известных сейчас списках второго русского перевода с издания В. Отвиновского. В нем все книги «Метаморфоз», кроме первой⁸ (то есть книги 2–5 и 11–15), озаглавлены (с небольшими вариациями в формах лексем *Премѣнениеи описанныхъ*) формулой *Книги (номер) Матеморъѡсеонъ (!)⁹, то есть Премѣнений ѡ Публиуса Овидиуша Насона премуро описаны^Х*. При этом совпадающая в этих заголовках и в названии книг в синодальном деле часть *премудро описанные* не имеет прямого соответствия в польском издании В. Отвиновского. В списках первого русского перевода с польского языка компонента *премудро* также нет.

Вторым признаком, косвенно связывающим упомянутые в синодальном деле № 68/5 1727 г. книги «Метаморфоз» со вторым русским переводом с польского языка, можно считать структуру: в деле говорится о трех книгах, что соответствует разделению второго перевода на 3 части.

⁸ В книге 1 отсутствует фрагмент *премудро описанные*.

⁹ Ошибки в названии нет только в заголовке книги 2 в списке БАН Тек. Пост. № 744.

Если предположить, что в двух рассмотренных синодальных делах идет речь об одних и тех же книгах, получается следующая картина.

1. С именем П.А. Толстого каким-то не установленным пока образом связан второй русский перевод «Метаморфоз» с польского языка.

2. В 1722 г. эти книги, возможно, уже находились у директора Санкт-Петербургской типографии М.П. Аврамова, как на то указывал А.В. Макаров, но не были взяты в работу.

3. В 1727 г. тем же М.П. Аврамовым три книги с так и не напечатанным переводом «Метаморфоз» были отданы П.А. Толстому, дальнейший их след потерян. Возможно, поскольку буквально пару месяцев спустя П.А. Толстой с сыном отправились в ссылку.

Наконец, стоит упомянуть некие *Овидиевы матеморфозы*(!) в трех экземплярах или трех книгах, попавшие в *Реестр книгам бывшаго фелтмаршала Миниха и протчих персон а имянно Миниха*, составленный в декабре 1743 г. в Библиотеке академии наук после конфискации нескольких частных библиотек [Лысцова, Поляков 2020: 471]. Обращает на себя внимание сходство названия с заголовками книг во втором переводе и как будто перекликающееся число книг. В Библиотеке Академии наук пока не нашлось данных об этих книгах, вопрос ждет дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Рукописи

1. РГИА Ф. 796. Оп. 2. Д. 581.
2. РГИА Ф. 796. Оп. 8. Д. 68.

Старопечатные книги

1. Księgi Metamorphoseon to jest, Przemian, Od Publiusa Owidiusza Nasona Wierszami opisane; A Przez Waleriana Otwinowskiego, [...] Na Polskie przetłumaczone, i do Druku podane. Kraków, 1638.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берков П.Н. Овидий в русской литературе XVII–XVIII вв. // Вестник Ленинградского университета. История, язык, литература. 1973. Вып. 3. № 14. С. 88–92.
2. Библиотека Петра I. Описание рукописных книг /Автор-сост. Н.Н. Лебедева. СПб., 2003.
3. Калайдович К.Ф., Строев П.М. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей <...> графа Федора Андреевича Толстого. М., 1825.
4. Лысцова А.С., Поляков И.А. «Реестры» книг частных библиотек первой половины XVIII в. из материалов конфискационной комиссии Елизаветы Петровны (1742–1743 гг.) // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2020. Т. 9. № 1. С. 423–474.

5. Матвеев Е.А. Лингвотекстологическое исследование двух переводов «Метаморфоз» Овидия Петровской эпохи с польского языка. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2023.
6. Мольков Г.А. Употребление частицы «было» в переводе «Метаморфоз» Овидия начала XVIII в. // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. Т. 10. С. 454–464.
7. Николаев С.И. Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Русская литература. 1988. № 1. С. 162–172.
8. Николаев С.И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: библиографические материалы. СПб., 2008.
9. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т. 2. Ч. 1. 1722 г. СПб., 1879. Т. 7. 1727 г. СПб., 1885.
10. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 4. Вып. 2: Стихотворения, романы, поэмы и драматические сочинения XVII — первая треть XIX в. /Сост. И.Ф. Мартынов. Л., 1980.
11. Павлов-Сильванский Н.П. Очерки по русской истории XVIII–XIX веков. СПб., 1910.
12. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1–2. СПб., 1862.
13. Петров Н.И. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве. Вып. 2. М., 1896.
14. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8 (июль — декабрь 1708 г.). Вып. 1 /Под ред. А.И. Андреева. М., Л., 1948.
15. Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903.

REFERENCES

1. Berkov P.N. Ovidii v russkoi literature XVII–XVIII vv. [Ovid in Seventeenth- and Eighteenth-Century Russian Literature]. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Istoriya, yazyk, literatura*, 1973, vol. 3, no 14, pp. 88–92. (In Russ.)
2. *Biblioteka Petra I. Opisanie rukopisnykh knig* [The Library of Peter I: A Description of Manuscript Books] [Avtor-sost. N.N. Lebedeva. St Petersburg, BAN Publ. House, 2003. 431 p. (In Russ.)
3. Kalaidovich K.F., Stroev P.M. *Obstoyatel'noe opisanie slavyano-russkikh rukopisei <...> grafa Fedora Andreevicha Tolstogo* [A Detailed Description of the Slavonic-Russian Manuscripts (...) of Count Fyodor Andreevich Tolstoy]. Moscow, S. Selivan-sky Publ. House, 1825. 811 p. (In Russ.)
4. Lystsova A.S., Polyakov I.A. «Reestry» knig chastnykh bibliotek pervoi poloviny XVIII v. iz materialov konfiskatsionnoi komissii Elizavety Petrovny (1742–1743 gg.) [‘Registers’ of Books from Private Libraries of the First Half of the Eighteenth Century in the Materials of Empress Elizabeth Petrovna’s Confiscation Commission (1742–1743)]. *Slověne = Slovrne. International Journal of Slavic Studies*, 2020, vol. 9, no 1, pp. 423–474. (In Russ.)
5. Matveenko E.A. *Lingvotekstologicheskoe issledovanie dvukh perevodov «Metamorfoz» Ovidiya Petrovskoi epokhi s pol'skogo yazyka* [A Linguotextual Study of Two Petriner-Era Translations of Ovid’s Metamorphoses from Polish]. PhD diss. Moscow, 2023. (In Russ.)
6. Mol'kov G.A. Upotreblenie chastitsy «bylo» v perevode «Metamorfoz» Ovidiya nachala XVIII v. [The Use of the Particle *bylo* in the Early Eighteenth-Century Translation of Ovid’s Metamorphoses]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*, 2016, vol. 10, pp. 454–464. (In Russ.)

7. Nikolaev S.I. Ob atributsii perevodnykh pamyatnikov Petrovskoi epokhi [On the Attribution of Translated Texts of the Petrine Era]. *Russkaya literatura*, 1988, no 1, pp. 162–172. (In Russ.)
8. Nikolaev S.I. *Pol'sko-russkie literaturnye svyazi XVI–XVIII vv.: bibliograficheskie materialy* [Polish-Russian Literary Relations from the Sixteenth to the Eighteenth Century: Bibliographical Materials]. St Petersburg, *Nestor-Istoria*, 2008. 248 p. (In Russ.)
9. *Opisanie dokumentov i del, khranyashchikhsya v arkhive Svyateishego pravitel'stvyushchego Sinoda* [A Description of the Documents and Files Preserved in the Archive of the Most Holy Governing Synod]. Vol. 2, issue 1, St Petersburg, *Synodal Printing House*, 1879. 1074 p. Vol. 7, St Petersburg, *Synodal Printing House*, 1885. 380 p.
10. *Opisanie Rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk SSSR* [A Description of the Manuscript Department of the Library of the Academy of Sciences of the USSR]. Vol. 4, issue 2 /Sost. I.F. Martynov. Leningrad, *BAN Publ. House*, 1980. 349 p.
11. Pavlov-Sil'vanskii N.P. *Ocherki po russkoi istorii XVIII–XIX vekov* [Essays on Russian History of the Eighteenth and Nineteenth Centuries]. St Petersburg, *M. Stasyulevich Publ. House*, 1910. 401 p.
12. Pekarskii P.P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom* [Science and Literature in Russia under Peter the Great]. Vols 1–2. St Petersburg, *Publication of the 'Obshchestvennaia Pol'za' Society*, 1862.
13. Petrov N.I. *Opisanie rukopisnykh sobraniy, nakhodyashchikhsya v g. Kieve* [A Description of Manuscript Collections Located in the City of Kiev]. Vol. 2. Moscow, *University Press*, 1896. 290 p.
14. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. Vol. 8, issue 1 /Pod red. A.I. Andreeva. Moscow, Leningrad, *USSR Academy of Sciences Press*, 1948. 410 p.
15. Sobolevskii A.I. *Perevodnaya literatura Moskovskoi Rusi XIV–XVII vekov. Bibliograficheskie materialy* [Translated Literature of Muscovite Rus' from the Fourteenth to the Seventeenth Centuries: Bibliographical Materials]. St Petersburg, *Printing House of the Imperial Academy of Sciences*, 1903. 460 p.

Поступила в редакцию 10.04.2026

Отредактирована 03.06.2026

Принята к публикации 31.08.2026

Received 10.04.2026

Revised 03.06.2026

Accepted 31.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Екатерина Алексеевна Матвеевко — к.ф.н., преподаватель кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
ea.matveenko@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Matveenko — PhD, Teaching Fellow, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
ea.matveenko@gmail.com

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ АВТОРА В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ А.А. ВАСЬКИНА «СТАЛИНСКИЕ НЕБОСКРЕБЫ: ОТ ДВОРЦА СОВЕТОВ К ВЫСОТНЫМ ЗДАНИЯМ»)

Т.П. Сыроватская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; tamarasyrovska@gmail.com*

Аннотация: Интерес общества к отечественной истории стимулирует появление удовлетворяющих этот интерес научно-популярных текстов, в том числе идеологически маркированных, в которых над диктумным планом (сообщением исторических фактов) преобладает модусный план (трансляция личной позиции автора). Предметом исследования выступают лингвистические средства выражения авторской идеологии в книге А.А. Васькина «Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям» (М., 2009). Цель исследования — выявить и описать языковые средства и текстовые тактики, реализующие идеологическую схему автора. Исследование выполнено в рамках коммуникативно-функционального подхода. Показано, что идеология автора воплощается в тексте с помощью двух ключевых тактик: а) дискредитации архитектурных символов эпохи — через оценочную лексику, метафорические переносы, создание системы параллелей между архитектурными проектами Москвы и Берлина 1930-х годов; б) формирования бинарной картины мира — посредством установления оппозиций «скрытое — явное», «внешнее — внутреннее», «старое — новое», которые блокируют необходимость воспринимать исторический процесс в его сложности и противоречивости. Способ изложения исторических данных, выбранный автором, противоречит представлениям о границах субъективности историка, сформулированным П. Рикером: автор анализируемого текста накладывает собственные ценностно-смысловые ориентиры на события прошлого, нарушая тем самым принцип сохранения исторической дистанции, необходимый для объективного познания. Проведенный анализ демонстрирует также, как основное назначение научно-популярного текста, состоящее в трансляции научного знания читателю-неспециалисту, оказывается подчинено задаче формирования в сознании адресата устойчивого негативного образа исторической эпохи и ее ключевых субъектов.

Ключевые слова: сталинские высотки; коммуникативная грамматика; научно-популярный текст; субъект; текстовая тактика

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-8

Для цитирования: Сыроватская Т.П. Средства выражения идеологии автора в научно-популярном тексте исторической тематики (на материале книги А.А. Васькина «Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям») // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 101–112.

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING THE AUTHOR'S IDEOLOGY IN A POPULAR HISTORY TEXT (BASED ON A.A. VASKIN'S BOOK "STALIN'S SKYSCRAPERS: FROM THE PALACE OF THE SOVIETS TO THE HIGH-RISE BUILDINGS")

Tamara P. Syrovatskaya

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
tamarasyrovatskaya@gmail.com*

Abstract: Public interest in national history stimulates the emergence of popular science texts that cater to this interest, including ideologically marked ones in which the *modus* level prevails over the *dictum* level. The subject of this research is the linguistic means of expressing the author's ideology in A.A. Vaskin's book "Stalin's Skyscrapers: From the Palace of the Soviets to High-Rise Buildings". The aim of the research is to identify and describe the language means and textual tactics that shape the author's ideological framework. The research is conducted within the communicative-functional approach. It is shown that the author's ideology is realized through two main tactics: discrediting the architectural symbols of the era (by means of evaluative lexis, metaphors and the creation of a system of parallels between architectural projects in Moscow and Berlin in the 1930s) and constructing a binary worldview (establishing oppositions such as "hidden — overt", "external — internal", "old — new"). The manner in which historical data is presented by the author contradicts Paul Ricoeur's concept of the limits of the historian's subjectivity: the author of the analyzed text imposes his own value-based and semantic orientations on past events, violating the principle of preserving of historical distance that is necessary for objective cognition.

Keywords: Stalin's high-rises; communicative grammar; popular science text; subject; textual tactics

For citation: Syrovatskaya T.P. (2026) Linguistic Means of Expressing the Author's Ideology in a Popular History Text (Based on A.A. Vaskin's Book "Stalin's Skyscrapers: From the Palace of the Soviets to the High-Rise Buildings"). *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 101–112.

Введение

Строительство в Москве семи высотных зданий в послевоенные годы ознаменовало новый этап развития советской архитектуры: построенные в особо значимых точках столицы, эти сооружения стали ее новыми высотными доминантами. Эти монументальные

здания должны были запечатлеть подвиг народа, победившего в войне, и утвердить международный авторитет СССР [Горлов 2025: 18–20].

О московских высотных зданиях писали как современники их строительства, разъяснявшие советским гражданам устройство и социально-политическое значение этих сооружений [Олтаржевский 1953; Кулешов, Позднев 1954], так и современные исследователи, чьи работы, адресованные широкой аудитории, осмысляют данный архитектурный феномен с позиции накопленного исторического опыта [Васькин 2009; Янковский 2018; Зубович 2023]. При этом идеологическая значимость этих монументальных сооружений становится фундаментом для создания идеологически маркированных текстов (о понятии идеологически маркированного текста см. [Коноплев 2010; Сидорова 2026]), что определяет актуальность их филологического исследования.

Объектом настоящего исследования послужила книга А.А. Васькина «Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям», предлагающая многоаспектный анализ феномена сталинского высотного строительства. Опубликованная в 2009 году, книга А.А. Васькина — одна из первых написанных после распада СССР научно-популярных работ о сталинских высотках.

Коммуникативно-стилистическое своеобразие научно-популярного текста заключается в том, что он ориентирован на трансляцию научного знания в адаптированной для читателя-неспециалиста форме [Хомутова, Петров 2013]. При этом популярная литература, обращенная к широкому кругу читателей, «не ограничивается сообщением информации, а комментирует ее, вводя в сферу интересов читателя и стремясь усилить его творческую активность» [Лазаревич 1978: 185]. В связи с данной особенностью научно-популярного текста закономерным представляется изучение лингвистических средств, с помощью которых выражается позиция автора и регулируется соотношение объективного и субъективного в тексте [Былкова 2018; Соловьева 2022]. В книге А.А. Васькина баланс объективного и субъективного нарушается: в тексте не столько «комментируются» исторические данные, сколько транслируется идеологическая концепция, в соответствии с которой все, к созданию чего был причастен И.В. Сталин, заслуживает негативной оценки. Для подобных текстов, где субъективизация изложения заменяет медиацию (посредничество автора между научным знанием и массовым читателем), М.Ю. Сидорова предлагает термин «идеологизированный научпоп» [Сидорова 2026: 11].

Предмет данной статьи — средства выражения идеологии автора в книге А.А. Васькина «Сталинские небоскребы: от Дворца Со-

ветов к высотным зданиям». В соответствии с концепцией А.А. Зиновьева, суть идеологии состоит в манипулировании сознанием адресата, результатом которого становится искаженное отражение реальности [Зиновьев 2000].

Исследование выполнено в рамках коммуникативно-функционального подхода [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004]: выявляются и анализируются языковые средства и текстовые тактики, которые используются автором для формирования в сознании адресата негативного образа И.В. Сталина как исторического субъекта и представления о высотных зданиях Москвы как об «апофеозе сталинизма» [Васькин 2009: 6]¹.

І. Дискредитация архитектурных символов эпохи: языковые средства и текстовые приемы

Отмечая (со ссылкой на Н.С. Хрущева) связь между победным для СССР окончанием войны и решением Сталина возвести в Москве высотные здания [Васькин 2009: 53], автор тем не менее предлагает переосмысление символического значения этих сооружений.

Детали внешнего убранства высотных зданий описываются как материальные свидетельства несостоятельности идеи, стоявшей за строительством: *(1) Полые шпили, венчающие высоты, — это тоже символ показного имперского величия, показухи, как и все эти каменные мускулистые сталевары и полногрудые крестьянки, украшающие крыши высоток. Кстати, сразу после строительства на уровне второго этажа каждого небоскреба были закреплены решетки — каменное изобилие из яблок-груш стало уже осыпаться на головы ошалевших от такой красоты москвичей и гостей столицы* [там же: 86]. Дефиниция, данная автором для шпилей высоток, состоит из двух стилистически противоположных друг другу частей, включающих при этом слова с одним корнем: оценочный смысл сначала облекается в форму родительного определительного (*символ показного имперского величия*) и далее упрощается до стилистически сниженной номинации (*показуха*), «разоблачающей» внешнюю грандиозность сооружений. Используется комплекс местоимений *все эти*, выполняющий оценочную функцию: в нем обобщаются и типизируются перечисленные образы (важны не конкретные об-

¹ Отметим, что книга А.А. Васькина неоднократно переиздавалась — в 2011, 2015, 2018 годах, — причем в каждое последующее издание вносились изменения и дополнения. Показательно, что в первом варианте книги (2009), который послужил материалом для настоящей статьи, эпиграф отсутствует, в то время как в издании 2018 года им служит фрагмент из рассказа В. Шаламова «По лендлизу», где высотные здания Москвы сравниваются с караульными вышками, охраняющими «московских арестантов». Таким образом, позиция автора в последнем издании книги обнаруживается уже в первых строках.

разы сталинских высоток или крестьянки, а то, что они являются типичными атрибутами архитектуры того времени). Примечательно и то, какая информация вводится с помощью модусного маркера *кстати*: указав на идейную ущербность построенных зданий, автор переходит к аргументам в пользу их практической несостоятельности. Людям, на голову которым, как сообщается, со зданий падали декоративные элементы, дано определение, характеризующее их модусную сферу: *ошалевшие от такой красоты*. Диссонанс между ситуацией и языковыми средствами, использованными для ее описания (стилистически сниженным глаголом *ошалеть*, существительным *красотища* с аугментативным суффиксом «-ищ»), маркирует наличие иронической модальности.

Метафоры, обнаруживающиеся в тексте, помогают утвердить мысль, что высотные здания были значимым проектом только для инициатора их строительства (и подчиняющихся ему архитекторов), в системе жизненных координат «обыкновенного» человека — это неуместный с финансовой точки зрения архитектурный продукт, обладающий сомнительной эстетической ценностью.

(2) *Архитектура сталинских высоток — архитектура непозволительной роскоши в период ослабления запаса прочности государства, когда страна нуждалась в увеличении, прежде всего, численности населения* [там же: 85]. Автор с помощью оценочного определения (*архитектура непозволительной роскоши*) и метафоры (*ослабления запаса прочности государства*) формирует противопоставление ложных и истинных государственных ценностей. Метафора создает образ конструкции, исчерпывающей свой ресурс, а оценочное определение, помимо констатации дороговизны строительства, добавляет значение неуместности таких трат с этической точки зрения. Часть предложения, поясняющая метафору, выполняет и аргументирующую функцию, причем аргумент подается с позиции абсолютного знания: автору точно известны приоритеты страны в определенный период. Следовательно, занимаясь высотным строительством в это время, государство делает неверный выбор и ставит в приоритет внешность (роскошь архитектуры), а не сущность (демографические проблемы).

Мотивы «показного величия», неестественности архитектурных форм, вычурности и «расточительности» обнаруживаются в описании разных высотных зданий. Оценка может принадлежать как самому автору (так, например, описывается композиция высотки на Котельнической набережной: (3) *В ярусной композиции здания центральный корпус, чрезмерно густо покрытый обелисками, скульптурно-бутафорскими композициями и фигурными парапетами, тем не менее весьма удачно опоясывается тремя более*

низкими башнями и боковыми крыльями с декоративными башенками и завершениями (а куда же без них в сталинской архитектуре!), выходящими на Москву-реку и Язу [там же: 166)]², так и другим субъектам — определенно-личным, неопределенно-личным, обобщенно-личным. Субъектом-авторизатором во фрагменте, описывающем недостатки здания МИДа, например, выступает ряд специалистов: (4) **Подчеркивается рядом специалистов и определенная неорганичность художественно-пластических средств, которая проявилась в формах здания.** Так, наружная стена каркасной постройки декорирована **бутафорскими пустотелыми пилонами, возрождающими представление о монументальности как синониме массивности** [там же: 137]. Затраты на строительство гостиницы «Ленинградская» характеризуются как заоблачные через «трансляцию» субъектной позиции «обычных советских людей», (5) **не вылезавших из нищеты в послевоенное время, когда все государственные средства были направлены на восстановление разрушенной промышленности (а также и на другие цели, как мы убедились)** [там же: 196].

Важным инструментом дискредитации высотного строительства в книге А.А. Васькина является создание системы параллелей между архитектурными новациями в Москве с тем, что происходило в гитлеровской Германии. Речь идет о еще довоенных проектах Дворца Советов и Купольного дворца: (6) **В то время, когда в Москве занялись осуществлением идеи создания Дворца Советов, в другом европейском городе — Берлине кипела работа по переустройству центра столицы великой Германии. И два этих процесса не могли не затронуть** друг друга. Более того, **неслучайно и то, что перестройка Москвы и Берлина совпали по времени. И в этом прослеживается определенная символичность** [там же: 35]. Москва и Берлин позиционируются как два европейских города. Временной локализатор в то время, когда синхронизирует два процесса, создавая основание для их сравнения. Это основание далее подкрепляется предикатом с интенсифицирующим значением **не могли не затро-**

² Для анализируемого текста типично использование положительной оценки высотного строительства как стартовой точки для аргументации «против». Например, автор формально соглашается с «советскими газетами» в том, что гостиница «Ленинградская» — одно из самых значительных произведений советской архитектуры, в котором отразилось обращение к национальным традициям зодчества (С этим нельзя не согласиться, даже с высоты сегодняшнего дня [Васькин 2009: 190]). Но в следующих предложениях с модусными предикатами *отдает, чувствуется, прослеживается* вводится авторская негативная оценка здания (мрачностью и консервативностью отдает это здание при ближайшем рассмотрении; прослеживаются все внешние признаки навязанного архитекторам «большого» стиля).

нуть и наречием *неслучайно*, которые придают одновременности процессов строительства статус их взаимообусловленности. Архитектурные аналогии имплицитно идеологическую близость, при этом «за кадром» остаются собственные установки сталинской архитектуры как воплощения «пролетарской субъектности» [Костова 2021]. Невыраженность модусного субъекта в последнем предложении — способ объективизации высказывания: то, что в одновременности процессов *прослеживается символичность*, представляется не как принадлежащая автору интерпретация событий, а как логически обусловленный факт.

Тактика дискредитации сталинского высотного строительства у А.А. Васькина основана на принципе, который лежит в основе любой идеологической схемы [Зиновьев 2000; Барт 2003]: ценностно-смысловая парадигма автора, целиком принадлежащая настоящему, переносится в прошлое как единственный критерий оценки происходившего. Здесь очевидным образом нарушается требование к историческому познанию, сформулированное П. Рикером: «...Эпоха, изучаемая историком, принимается им за настоящее, к которому он апеллирует, за центр временных перспектив: у этого настоящего есть свое будущее, состоящее из ожиданий, неведения, предвидений, опасений людей, а не из того, что, как мы, другие, считаем, наступило. <...> Момент, когда субъективность историка приобретает способность постигать, наступает тогда, когда история воспроизводит ценности прежней человеческой жизни вне всякой критической хронологии» [Рикер 2002: 43–44].

II. Формирование бинарной картины мира: языковые средства и текстовые приемы

В тексте создается система бинарных оппозиций, упраздняющая необходимость воспринимать исторический процесс в его сложности и неоднозначности. Оппозиции обнаруживаются как внутри одного предложения, так и на уровне сверхфразового единства и текста в целом.

(7) Складывается впечатление, что Сталин **был одержим** прежде всего **идеей** сноса Храма Христа Спасителя, а не строительством дворца-небоскреба. Для чего вождь и **устроил всю эту катавасию** с непрекращающимися заседаниями. Но что интересно: сам он не хотел публично объявлять свою волю. А члены технического совета (вот неразумные!) никак не могли догадаться, чего хочет товарищ Сталин. И только в результате его личного «воздействия» на кроликов-архитекторов **нужное решение удалось из них выдать** [Васькин 2009: 27]. В данном случае выстраивается противопоставление *разрушение (снос храма)* — *созидание (строительство Дворца*

Советов), и единственный активно действующий субъект, Сталин, соотнесен именно с полюсом разрушения. Здесь же оказываются и лишенные субъектности члены *технического совета*. Предикаты, характеризующие Сталина, полярны: с одной стороны, он *одержим идеей*, а с другой — *устраивает катавасию*, что подчеркивает фарсовый характер происходящего. Автор в данном случае занимает позицию «Идеального наблюдателя» (А. Данто), включающую проникновение в замыслы Сталина, о которых члены технического совета *никак не могли догадаться*. Экспрессивная ремарка *вот неразумные!*, встроенная в повествование, продолжает фарсовый мотив и лишает членов технического совета в глазах читателя не только статуса профессионалов, но и полноценной субъектности. Оказываясь «пособниками» Сталина в разрушении храма, архитекторы при этом противопоставляются целеполагающей субъектности вождя и низводятся до положения безвольных существ, *кроликов*, чья функция состоит в реагировании на внешний стимул — «*воздействие*» (слово взято в кавычки и является эвфемизмом, обозначающим давление, оказанное на специалистов). Здесь можно усмотреть аллюзию на фразеологизмы «как удав на кролика» (если архитекторы оказываются кроликами, то Сталин — удавом, «гипнотизирующим» членов технического совета и заставляющим их подчиняться своей воле) или «подопытный кролик».

Тактика формирования бинарной картины мира проходит через всю книгу и ярче всего проявляется в противопоставлении субъектных позиций (например, при описании *передовых «достижений цивилизации»*, которыми был оснащен дом на Кудринской площади, и невозможности «*рабочим и крестьянам*» приблизиться к подобному уровню жизни, в отличие от *высокопоставленных работников Министерства авиапромышленности, летчиков-испытателей, военных, артистов* [там же: 208–209]).

В тексте А.А. Васькина противопоставляются не только позиции разных исторических субъектов (например, Сталина и подчиненных ему архитекторов), но и позиции одного и того же субъекта в разных обстоятельствах. Так, например, коллектив архитекторов, существовавший при жизни Сталина как объект чужого «воздействия» (пример (7)), после его смерти перерождается в субъект активного, даже агрессивного действия.

(8) *Когда после смерти Сталина высоты станут объектом ожесточенной критики, первыми, кто **ринется топить** своих **вчерашних коллег**, будут именно архитекторы-высотники. Наперебой будут они **забираться** на трибуны, **писать** статьи, **обличая** тех, с кем еще вчера обмывали полученную Сталинскую премию* [там же: 73]. В приведенном примере темпоральный локализатор *после*

смерти Сталина определяет момент изменений, а определение *вчерашние (коллеги)* и наречие *вчера* подчеркивают временную границу. Определение *вчерашние*, использованное по отношению к коллегам, выполняет также оценочную функцию: связь, которая должна быть вневременной (профессиональная солидарность), оказывается ограниченной конкретными политическими условиями и теряет свое значение при изменении последних (что, в концепции А.А. Васькина, неудивительно, ведь эта профессиональная солидарность сводится в его схеме к совместному *обмыванию Сталинских премий*). Пассивные при Сталине, архитекторы-высотники, в изображении А.А. Васькина, кардинальным образом меняются после его смерти. Акциональные предикаты, демонстрирующие эту метаморфозу, используются в имперфективной итеративной функции (*будут забира́ться, писать, обличая*), репрезентируя длительную, повторяющуюся активность, связанную с попытками архитекторов выжить в новых условиях. Для усиления этого впечатления автор допускает даже нарушение сочетаемости, используя наречие *наперебой* с глаголом, обозначающим не коммуникацию, а конкретное физическое действие.

Примечательны и рассуждения автора текста о метаморфозах, произошедших со Львом Рудневым после того, как с приходом Н.С. Хрущева был взят курс на критику излишеств в архитектуре. Описывая статью Руднева об излишествах, допущенных при строительстве гостиницы «Ленинградская» (архитекторы Л. Поляков и А. Борецкий), А.А. Васькин использует по отношению к архитектору главного здания МГУ пословицу «*На воре и шапка горит*» и замечает, что тот *чутьем предугадал, что пора «бежать с корабля»* (здесь, очевидно, прослеживается отсылка к фразеологизму «бежать как крысы с корабля», означающему стремление сбежать от опасности, покинуть кого-то или что-то в момент трудностей). В данном случае снова автор занимает позицию «Идеального наблюдателя», интерпретирующего поведение людей сталинской и хрущевской эпохи, как он сам выражается, «с высоты сегодняшнего дня».

Выводы

Проведенный анализ показывает, что в книге А.А. Васькина «Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям» выстраивается идеологическая схема, в центре которой — фигура Сталина. Вокруг этого центра организуются подчиненные ему элементы: субъекты (архитекторы и обычные советские люди), объекты (снесенные памятники архитектуры и новые высотные здания),

время (смерть Сталина как граница, разделившая сконструированный автором советский мир надвое).

Исторический процесс сводится в исследуемом тексте к противопоставлению полярных начал — скрытого и явного, внешнего и внутреннего, старого и нового, причем способность проникать в суть вещей и внутреннюю сферу субъектов истории, равно как и право судить о причинах и целях, о том, что правильно, а что неправильно, неотъемлемо приписывается автором самому себе. Описывая события прошлого и применяя к ним относящуюся к настоящему систему ценностных критериев, автор игнорирует то, что, по мысли П. Рикера, должно лежать в основе истории как нечто имманентно присущее историческому времени и людям как субъектам истории — факт их *инаковости*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Дискурс истории // Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 427–441.
2. Былкова С.В. Хеджирование в научно-популярном тексте: мотивация, семантико-синтаксические особенности, прагматические функции // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. №4 (25). С. 21–25.
3. Горлов В.Н. Сталинская архитектура как общественное явление. М., 2025.
4. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М., 2000.
5. Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
6. Зубович К. Москва монументальная. Высотки и городская жизнь в эпоху сталинизма. М., 2023.
7. Коноплев Д.Э. Идеологическая маркированность журналистского текста: на материале современной российской прессы: автореф. дисс. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010.
8. Костова Е.В. Концептуальные основы советской архитектуры сталинского периода // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2021. № 23 (4). С. 9–18.
9. Кулешов Н.А., Поздnev А.И. Высотные здания Москвы. М., 1954.
10. Лазаревич Э.А. Искусство популяризации науки. М., 1978.
11. Олтаржевский, В.К. Строительство высотных зданий в Москве. М., 1953.
12. Рикер П. История и истина. СПб., 2002.
13. Сидорова М.Ю. Идеологически маркированный научно-популярный текст: лингвистические, стилистические и коммуникативные параметры // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. 2026. № 1. С. 5–19.
14. Соловьева Ю.О. Самопрезентация автора в тексте научно-популярной статьи правовой тематики (на материале статьи Н. Колоколова «Берегите карманы, сумки, чемоданы...») // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 130–139.
15. Хомутова Т.Н., Петров С.Г. Научно-популярный текст: интегральная модель // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2013. № 10 (2). С. 37–41.

16. Янковский Р.М. Высотка номер 1: история, строительство, устройство и архитектура Главного здания Московского государственного университета. М., 2018.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Васькин А.А. Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям. М., 2009.

REFERENCES

1. Bart R. Diskurs istorii [Discourse of history]. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [Fashion system. Articles on semiotics of culture]. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, 2003, pp. 427–441. (In Russ.)
2. Bylkova S.V. Khedzhirovanie v nauchno-populyarnom tekste: motivatsiya, semantiko-sintaksicheskie osobennosti, pragmaticheskie funktsii [Hedging in popular science text: motivation, semantic and syntactic features, pragmatic functions]. *Baltiiskij gumanitarnyj zhurnal [Baltic Humanitarian Journal]*, 2018, № 4 (25), pp. 21–25. (In Russ.)
3. Gorlov V.N. *Stalinskaya arkhitektura kak obshchestvennoe yavlenie* [Stalinist architecture as a social phenomenon]. Moscow, Pero Publ., 2025, 188 p. (In Russ.)
4. Zinoviev A.A. *Na puti k sverkhobshchestvu* [On the way to supersociety]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2000, 638 p. (In Russ.)
5. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, Moscow State University Publ., 2004, 544 p. (In Russ.)
6. Zubovich K. *Moskva monumental'naya. Vysotki i gorodskaya zhizn' v epokhu stalinizma* [Monumental Moscow. High-Rise Buildings and Urban Life in the Era of Stalinism]. Moscow, Corpus, AST Publ., 2023, 480 p. (In Russ.)
7. Konoplev D.E. *Ideologicheskaya markirovannost' zhurnalistskogo teksta: na materiale sovremennoj rossijskoj pressy* [Ideological marking of journalistic text: based on the material of the modern Russian press]. Abstract of PhD thesis in philology. Ekaterinburg, 2010, 24 p. (In Russ.)
8. Kostova E.V. Kontseptual'nye osnovy sovetskoy arkhitektury stalinskogo perioda [Conceptual foundations of Soviet architecture of the Stalinist period]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering]*, 2021, № 23 (4), pp. 9–18. (In Russ.)
9. Kuleshov N.A., Pozdnev A.I. *Vysotnye zdaniya Moskvy* [High-rise buildings in Moscow]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1954, 219 p. (In Russ.)
10. Lazarevich E.A. *Iskusstvo populyarizatsii nauki* [The Art of Popularizing Science]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 224 p. (In Russ.)
11. Oltarzhevsky V.K. *Stroitel'stvo vysotnykh zdaniy v Moskve* [Construction of high-rise buildings in Moscow]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture, 1953, 213 p. (In Russ.)
12. Ricoeur P. *Istoriya i istina* [History and Truth]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2002, 400 p. (In Russ.)
13. Sidorova M.Yu. Ideologicheski markirovannyj nauchno-populyarnyj tekst: lingvisticheskie, stilisticheskie i kommunikativnye parametry [Ideologically marked popular science text: linguistic, stylistic and communicative parameters]. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D. Filologiya i psikhologiya [Bulletin*

- of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology], 2026, №1, pp. 5–19. (In Russ.)
14. Solov'eva Yu.O. Samoprezentatsiya avtora v tekste nauchno-populyarnoj stat'i pravovoj tematiki [Self-presentation of the author in the text of a popular science article on legal topics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhhkul'turnaya kommunikatsiya* [Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], 2022, № 3, pp. 130–139. (In Russ.)
 15. Khomutova T.N., Petrov S.G. Nauchno-populyarnyj tekst: integral'naya model' [Popular science text: integral model]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics], 2013, №10 (2), pp. 37–41. (In Russ.)
 16. Yankovsky R.M. Vysotka nomer 1: istoriya, stroitel'stvo, ustrojstvo i arhitektura Glavnogo zdaniya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta [High-rise building number 1: history, construction, structure and architecture of the Main Building of Moscow State University]. Moscow, *Avtonomnaya nekommercheskaya organizatsiya «Startup»*, 2018, 175 p. (In Russ.)

SOURCES OF EXAMPLES

1. Vaskin A.A. *Stalinskiye neboskreby: ot Dvortsa Sovetov k vysotnym zdaniyam* [Stalin's Skyscrapers: From the Palace of Soviets to High-Rise Buildings]. Moscow, *Sputnik+ Publ.*, 2009, 236 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.06.2026

Отредактирована 14.08.2026

Принята к публикации 31.08.2026

Received 15.06.2026

Revised 14.08.2026

Accepted 31.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Тамара Павловна Сыроватская — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
tamarasyrovatskaya@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Tamara P. Syrovatskaya — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; tamarasyrovatskaya@gmail.com

СТАТЬИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

К 200-летию М.Е. Салтыкова-Щедрина

СЮЖЕТ ПРЕВРАЩЕНИЯ В «СОВРЕМЕННОЙ ИДИЛЛИИ» М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

В.Ш. Кривонос

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия; vkrivonos@gmail.com*

Аннотация: Рассматривается принципиально значимый для понимания поэтики и проблематики «Современной идиллии» сюжет превращения, которое претерпевают герои романа. Автор статьи стремится осмыслить реализацию сатириком художественной трактовки взаимодействия персонажей с социальной средой в условиях нарастания политической реакции в конце 1870-х — начале 1880-х годов. Показано, как изображение сюжетных событий, отразивших ход превращения, позволило Салтыкову подвергнуть скрупулезному сатирическому анализу самосознание героев, вовлеченных в захватившие общество процессы. Для щедринских героев, остро ощутивших ненадежность своего персонального существования, роль развращающего их «эксперимента» выполняет практика двойной жизни. Они стремятся, что проявляется в сюжете превращения, занять позицию жертвы сложившегося без их участия порядка вещей, ограничившего свободу выбора, и найти оправдание своим поступкам, если возникают тревожащие их вопросы о цели и смысле подобного существования. Пренебрежительное отношение к морали побуждает вырабатывать приемлемые для них тактики приспособления к меняющимся обстоятельствам. Проделанная героями эволюция заключается в соответствующей логике превращения пассивных конформистов, каковыми они хотели бы оставаться, в конформистов активных, готовых к деятельному соучастию в предлагаемых акциях. Вынужденная адаптация к окружающей реальности, когда нормализация подлости как способа существования принимается за должное, порождает экзистенциальные ситуации, отмеченные кризисом идентичности, который герои пытаются преодолеть посредством критического самоанализа. Изучение значимых особенностей развития сюжета превращения позволяет раскрыть его событийную логику и объяснить причины его незавершенности.

Ключевые слова: Салтыков-Щедрин; «Современная идиллия»; сюжет превращения; самосознание героя; формы авторской оценки

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-9

Для цитирования: Кривonos В.Ш. Сюжет превращения в «Современной идиллии» М.Е. Салтыкова-Щедрина // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 113–122.

THE PLOT OF TRANSFORMATION IN M.E. SALTYSKOV-SHCHEDRIN'S "MODERN IDYLL"

Vladislav Sh. Krivonos

*Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia;
vkrivonos@gmail.com*

Abstract: This article examines the transformation of the novel's central characters, a crucial element in understanding the poetics and themes of "Modern Idyll." The author seeks to understand the satirist's artistic interpretation of the characters' interactions with their social environment amid the growing political reaction of the late 1870s and early 1880s. As demonstrated in the article, the depiction of the events that reflect the course of this transformation allowed Saltykov to subject the self-awareness of the characters caught up in the processes that engulfed society to a meticulous satirical analysis. For Shchedrin's characters, acutely aware of the precariousness of their personal existence, the practice of a double life serves as a corrupting "experiment." As revealed in the transformation, they strive to assume the position of victims of an order of things that has arisen without their participation, limiting their freedom of choice, and to find justification for their actions when troubling questions arise about the purpose and meaning of such an existence. A disdainful attitude toward moral norms prompts the development of acceptable tactics for adapting to changing circumstances. The evolution of the characters is characterized by a corresponding logic of transformation from passive conformists, whom they would like to remain while displaying a veneer of good intentions, into active conformists, ready to actively participate in proposed actions. Forced adaptation to the surrounding reality, when the normalization of baseness as a way of existence is taken for granted, gives rise to existential situations marked by an identity crisis, which the characters attempt to overcome through critical self-analysis. Examining the significant features of the development of the transformation plot allows us to uncover its eventual logic and explain the reasons for its incompleteness.

Keywords: Saltykov-Shchedrin; "Modern Idyll"; transformation plot; hero's self-awareness; forms of author's assessment

For citation: Krivonos V. Sh. (2026) The Plot of Transformation in M.E. Saltykov-Shchedrin's "Modern Idyll". *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 113–122.

Сюжет превращения, которое претерпевают герои «Современной идиллии», Рассказчик и Глушов, стремящиеся сохранить и упрочить ценой нравственных компромиссов свое житейское благополучие, реализует трактовку Салтыковым их взаимодействия с социальной

средой в условиях нарастающей политической реакции¹. Последовательное изложение сюжетных событий, отразивших ход превращения, позволило подвергнуть скрупулезному сатирическому анализу самосознание героев, которые вовлечены в захватившие общество процессы, резко повысившие «градус благонамеренности» [Салтыков-Щедрин 1973: 24]², и опасаются последствий «превратных толкований» (14) для своего персонального существования, обнажившуюся ненадежность которого они остро ощущают. Тем более что им с разных сторон настоятельно советуют *погодить*, «потому что всем такая линия вышла» (12).

Речь идет о самосознании ««среднего» человека» (тип которого, характерный для изображаемой современности, воплощают в себе Рассказчик и Глумов³), взятого в «тиски» расплывшейся «ябедой» и именно на нем сосредоточившей «силу своих развращающих экспериментов» (189). Для щедринских героев, лояльных петербургских обывателей, не чуждающихся, впрочем, дозволенного «молодым светским шалопаем» фрондерства, особенно в виде «фривольных разговоров» (31), таким экспериментом становится практика двойной жизни⁴, предполагающая готовность смириться с требованиями «настоящего времени» (24) и принять их не просто как неизбежную данность, но как открывшуюся возможность перехода «из области благонамеренности выжидающей» в «область благонамеренности воинствующей» (31).

Отсюда кажущееся им вынужденным стремление занять удобную для себя позицию всего лишь *жертвы* сложившегося без их участия порядка вещей, изначально ограничившего свободу выбора, что позволяет всякий раз находить оправдание своим поступкам, если вдруг возникают не переставшие все же тревожить вопросы о цели и смысле существования, соответствующего «внутренней политике» (35). Задаваясь ими, Рассказчик потому так и горячится в «эстетическом споре» (103) с Глумовым и Очищенным, напоминая им о «легионах людей, которые всю жизнь ходят “промежду трагедиев” — и даже не понимают этого» (104). Хотя самого себя к легионам

¹ См. подр. о нарастании политической реакции как существенной приметы повседневной жизни конца 1870-х — начала 1880-х годов: [Зайончковский 1964: 58–147].

² Ниже ссылки на это издание даются в тексте, страницы указываются в круглых скобках.

³ «Средний человек» — одна из наиболее основных типологических категорий салтыковской сатиры, наиболее точное определение ее объекта в 80-е годы» [Жук 1973: 307].

⁴ Отражением подобной практики оказываются, например, настойчивые попытки героев «Современной идиллии» скрыть свое «лицо» за разного рода «масками», рассмотренные нами в специальной статье: [Кривонос 1983: 97–111].

этим он как будто и не относит, но мысль о всеобщей «привычке к трагедиям» (104) покоя ему все же не дает⁵.

Травматический опыт столкновения с окружающей реальностью в виде Ивана Тимофеевича, «влиятельного в квартале лица» (25), олицетворяющего «ужасное квартальное всеведение» (36), неожиданный визит которого несет в себе потенциальную угрозу потери социального статуса, если Иван Тимофеевич вдруг начнет разбирать прошлое героев, где можно было найти «все, что подрывает, потрясает, разрушает» (32), вызывает у героев ощущение, что альтернативы происходящему с ними нет. Подобное ощущение не просто стимулирует формирующиеся у них виктимные наклонности, но, обрекая на пренебрежительное отношение к нормам морали, понуждает вырабатывать приемлемые тактики приспособления к сильно изменившимся обстоятельствам. Если «по первоначальному плану», как признается Рассказчик, «состояние “благонамеренности” было предположено» для них «только временно, покуда предстояла надобность “годить”», то, как вскоре обнаружилось, они «уже не “годили”, а просто-напросто “превратились”, причем до “такой степени “превратились”, что думали только о том, на каком» же «счете» состоят «в квартале» (25).

Проделанная героями эволюция заключалась в трансформации пассивных конформистов, каковыми хотели бы оставаться Рассказчик и Глумов, демонстрирующие показную благонамеренность стремлением вращаться «исключительно в сфере съестных припасов» (27), в конформистов активных, призванных «подавать пример другим» (31). Одного лишь примирения с пугающей их действительностью, как быстро выяснилось, было недостаточно, требовалось деятельное соучастие, даже если оно и выражается в таком смутившем Рассказчика доказательстве его «благонадежности» в целях «самосохранения» (37), как согласие откликнуться на просьбу Ивана Тимофеевича и вступить за вознаграждение в фиктивный брак с Фаинушкой, содержанкой богатого купца Парамонова.

Невозможность противодействовать «начальству», не удовлетворенному пределами достигнутой героем «благонамеренности» и посылающему ему «дальнейшие испытания», и расположенность, пусть поначалу и имитационная, сотрудничать с «властями» (42) оказались чреваты не только окончательным исчезновением каких-либо нравственных ориентиров, но и абсолютной утратой личностного начала. Желание уклониться от сделанного герою предложения

⁵ Ср.: «Салтыков не обременяет своих героев обсуждением вопросов о добре и зле, но решением именно этих вопросов определяет наполнение их жизни, ее основное содержание» [Строганова 2015: 21].

и «жажда выказать благонамеренность» мешает его чувствам «перейти в негодование», подчиняя их «инстинктам самосохранения»; следование же обозначенным инстинктам, когда «в висках стучит» (41), обостряет внутренний конфликт, так как развитие ситуации грозит обернуться катастрофой для самосознания героя, разрушив остатки самоуважения. Однако неожиданно удавшаяся попытка и «благонамеренность» сохранить, и ожидаемого от него согласия не изъяслять смягчает угнетающее героя «ужасно сложное чувство»; спасение он обретает в выручивших его «галлюцинациях, обещающих сверхъестественное и чудесное избавление» (42). В роли сверхъестественного «избавителя» выступает сначала адвокат Балалайкин, готовый исполнять «всякие поручения» (43), но оказавшийся женатым; в конце концов «на содержание к содержанке» поступает Глузов, украсив тем самым «свой обывательский формуляр» (136).

Принятая Рассказчиком и Глузовым стратегия выживания, мотивированная страхом перед разлитой кругом «опасностью», заставляя «окончательно позабыть», что им «предстояло только “годить”», побуждает их искренне «производить все те акты, с которыми сопрягается безопасное плавание по житейскому морю» (50). Так проявляется в романе логика сюжета превращения: героям приходится выбирать, согласно формулировке Рассказчика, не желающего обманывать себя, между «полезными подлостями» и «подлостями глупыми и ненужными» (135). Подобного рода адаптация к окружающей реальности, когда нормализация подростки как способ существования принимается за должное, порождает экзистенциальные ситуации, отмеченные переживаемым героем, не уверенным, что сумеет устоять перед требованием предъявить «образ мыслей» (140), кризисом идентичности, который он пытается преодолеть посредством критического самоанализа.

Важно отметить, имея в виду специфику этого самоанализа, что дело идет об изображенной речи, стилистически оформленной автором, полностью охватывающим своей оценкой самосознание героя, честно признающего утрату «дорогих убеждений» (25) и допускающего горькую для него мысль, высказанную Глузовым, что Иван Тимофеевич их «в полицейские дипломаты прочит» (37). Отражаясь прямо или косвенно в речи и в мыслях Рассказчика, авторская оценка его поведения принимает форму самооценки; так происходит, например, со словом «превратились», в котором слышится наряду с голосом героя, использующим это слово для негативной самохарактеристики, и голос автора. И суть здесь не в психологизации щедринской сатиры, степень которой, забывая

о нормативности сатирического психологизма, порой неоправданно преувеличивают⁶.

Герой действительно не питает каких-либо спасительных иллюзий относительно мотивов собственного поведения, почему и вступает время от времени в конфликт с самим собой, однако готовность «плыть по течению», подтверждаемая привычкой затягивать всякий раз «словесную канитель» (9), побуждает его обычно подобной *канителью* довольствоваться. Реагируя на поступок Глумова, оставившего «друга» ради прелестей Фаинушки, Рассказчик сетует, что теперь он «один должен идти по стезе, кишасей гадюками» (135), что ему предстоит в одиночестве проделать «весь процесс мучительного оподления» (136). Избегая привычных эвфемизмов и называя вещи своими настоящими именами, ранее для него, с учетом обстоятельств, табуированными, он и здесь остается в границах *словесной канители*, не умея и не желая противостоять собственному превращению.

Нелицеприятные самооценки в рассуждениях и утверждениях Рассказчика никак не влияют на его поведение и не организуют его самосознание. Куда важнее для него, например, оценки Ивана Тимофеевича, которым необходимо соответствовать, сигнализируя своими поступками об искреннем желании играть навязанную ему роль, только чтоб не попасть в разряд неблагонамеренных, особенно в условиях, когда никто вокруг «не гнушается низостью» [Строганова 2017: 27]. Правда, необходимость постоянно демонстрировать искомую благонамеренность, подтверждая мнение того же Ивана Тимофеевича, что они с Глумовым раньше «были заблудшие, а теперь полезными гражданами сделались» (122), все же угнетает порой Рассказчика, как будто стесняющегося приобретенной им «в стеснительных обстоятельствах» (137) способности к мимикрии и даже презирующего себя за неизменную готовность соблюдать маскировку. В такие моменты изображение героя, обнаруживая несомненное авторское сочувствие к его моральным терзаниям, видимо отклоняется от свойственной сатире оценочной односторонности⁷.

Между тем Рассказчика, добровольно вступившего «на путь благонамеренности» (143), не оставляют своим вниманием особого рода доброхоты, убеждая его заняться «научными наблюдениями по части основ и краеугольных камней» (145) и собирать сведения о «современном состоянии умов» (146). Чтобы уклониться от со-

⁶ Когда говорят, например, о «гиперболизированном психологизме» в «Современной идиллии», с помощью которого «высвечиваются темные глубины порочного сознания» [Ауэр 2008: 116].

⁷ Как верно было замечено, вообще подход Салтыкова к изображенному человеку не сводится «к сатирическому разоблачительству» [Дмитренко 1998: 70].

бирания «статистики» и не оказаться из-за этого «в списке неблагонамеренных» (149), Рассказчик соглашается с решением Глумова, что «бежать надо» (149), но «для предосторожности» вести «в пути» в качестве «оправдательного документа», если потребуется предъявить, журнал всем «действиям, разговорам и помышлениям» (156). В дороге им является в качестве знаменательного видения шмыгнувшее мимо них и сразу растаявшее в воздухе «гороховое пальто», служащее знаком тайно ведущейся за ними слежки, но «пальто» это, как уверяет Глумов, «не настоящее», только «спектр его», в действительности «внутри оно у нас... в сердцах наших...» (176). Когда же оно, как им почудилось, внезапно материализовалось, то герои вновь устремились в бегство, совершенно не сознавая, что «от спектров», их окружающих и преследующих, «спрятаться некуда» (181).

Развитие сюжета превращения обнаруживает, что такое превращение, характеризуя моральную деградацию героев, захватывает буквально все стороны показанной сатириком современной жизни, отнюдь не похожей на идиллию, если вспомнить ироническое название романа, где «идиллический хронотоп взорван» [Садовская 2003: 9], а традиционные для идиллии темы, образы и мотивы трагестируются и переосмысляются. Безмятежное существование, которое сулит демонстрируемая благонамеренность, наполнено на самом деле разнообразными страхами; простые и естественные чувства сменяются шкурными интересами. Любовная история оборачивается подсудным двоеженством, а старый «друг» оказывается обыкновенным «прохвостом» (136). И если городская жизнь соблазняет и развращает, то деревня, где с удовольствием гонят и ловят «сицилистов» и «изменников» (209), вовсе не выглядит счастливой Аркадией.

Хотя цинизм и становится для Рассказчика нормой поведения, но он все же не утрачивает способности отличать «мир убеждений» от «мира шалопайства», зрелище которого кажется ему «удручающим» (188). В раздумьях о собственных накопившихся «винах», среди которых «участие в подлоге» и «двоеженстве», его и Глумова начинают «томить предчувствия», что «невидимая сила» толкает их «на дно гибели» (245). Предвидимое и страшное Рассказчика *мучительное оподление* оказывается критической точкой процесса превращения, сюжет которого движется к пугающей развязке. Героем овладевает тоска, приступы которой, будучи, что не сразу было им понято, «приступами стыда» [Строганов 2003: 83], недаром все учащаются ближе к финалу.

Видение «горохового пальто», заставившее героев бежать не только от угрожающей им опасности, но и от самих себя, так как «пальто» это было *внутри* них, в их собственных *сердцах*, сменяет-

ся видением Стыда, явившегося сначала Глумову во сне, так что он «не успел даже рассмотреть, каков он из себя» (246). Привидевшись в следующий раз ему же, Стыд «даже сказал что-то»; хотя Глумов не запомнил, что именно, но Рассказчик воспринял новое появление Стыда как «предостережение»; очутившись в «водовороте шкурных демонстраций», герои «сами перестали понимать», куда с такой скоростью «погружались» (264). Наконец, и самому Рассказчику является Стыд, встреча с которым так на него подействовала, вынудив вспомнить события, сопровождавшие процесс превращения, что ему «сделалось невыносимо жутко» (272). Вновь затем погружившись в «лихорадочную деятельность», герои как будто «совсем забыли о Стыде», но он о них «не забыл» (281), заставив почувствовать свое «присутствие» и в окружающей их «обстановке», и в них «самых» (283).

Между тем и Рассказчик, и солидарный с ним в выводах автор в «Заключении», наделенном в романе функцией эпилога, соблюдают предельную осторожность в прогнозировании перспектив возможной победы Стыда, не позволяя строить излишние иллюзии относительно предопределенности и его воздействия, будто захватывающего «далеко», и воспитывающего влияния его изредка прорывающихся призывов, которые «затем все-таки канули в вечность». Потому и сюжет превращения остается принципиально незавершенным, так что самим читателям предстоит *догадываться* о том «выходе», к которому «пришли» герои, пережив «тоску проснувшегося Стыда» (283)⁸.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ауэр А.П. Некоторые особенности поэтики М.Е. Салтыкова-Щедрина // Ауэр А.П. Русская литература XIX века. Традиция и поэтика. Коломна, 2008. С. 113–120.
2. Дмитренко С.Ф. Щедрин: незнакомый мир знакомых книг. М., 1998.
3. Жук А.А. «Современная идиллия» // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. XV–I. М., 1973. С. 300–318.
4. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964.
5. Кривонос В.Ш. «Маска» и «лицо» в «Современной идиллии» (к проблеме характера у М.Е. Салтыкова-Щедрина) // Русская литература 1870–1890 годов. Проблемы характера. Свердловск, 1983. С. 97–111.
6. Садовская Е.Ю. Особенности поэтики романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Воронеж, 2003.
7. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 15–I. М.: Художественная литература, 1973.

⁸ См. об особенностях трактовки Салтыковым Стыда в его творчестве конца 70-х — начала 80-х годов: [Жук 1973: 311–312].

8. Строганов М.В. О сатире Салтыкова и его политической позиции // Щедринский сборник. Вып. 2. Тверь, 2003. С. 77–87.
9. Строганова Е.Н. М.Е. Салтыков-Щедрин и античная литература // Культура и текст. 2015. № 4 (22). С. 14–24.
10. Строганова Е.Н. Роман М.Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия»: Диалог с современниками и предшественниками. М., 2017.

REFERENCES

1. Auer A.P. *Nekotorye osobennosti poetiki M.E. Saltykova-Shchedrina* [Some Features of M.E. Saltykov-Shchedrin's Poetics]. In: Auer A.P. *Russkaya literatura XIX veka. Tradiciya i poetika* [Russian Literature of the 19th Century. Tradition and Poetics]. Kolomna: KSPI Publ., 2008, pp. 113–120. (In Russ.)
2. Dmitrenko S.F. *Shchedrin: neznakomyj mir znakomykh knig* [Shchedrin: the Unfamiliar World of Familiar Books]. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1998. 96 p. (In Russ.)
3. Zhuk A.A. "Sovremennaya idilliya" ["Modern Idyll"]. Saltykov-Shchedrin M.E. *Sobranie sochinenij: v 20 t. T. XV–I* [Collected Works: in 20 vol. Vol. XV–I]. Moscow: *Hudozhestvennaya literatura Publ.*, 1973, pp. 300–318. (In Russ.)
4. Zajonchkovskij P.A. *Krizis samoderzhaviya na rubezhe 1870–1880-h godov* [The Crisis of Autocracy at the Turn of the 1870s and 1880s]. Moscow: Moscow University Publishing House, 1964. 512 p. (In Russ.)
5. Krivonos V.Sh. "Maska i "lico" v "Sovremennoj idillii" (*k probleme haraktera u M.E. Saltykova-Shchedrina*) ["Mask" and "Face" in "Modern Idyll" (on the Problem of Character in M.E. Saltykov-Shchedrin)]. *Russkaya literatura 1870–1890 godov. Problemy haraktera* [Russian literature of the 1870s–1890s. Problems of character]. Sverdlovsk: Ural State University Publishing House, 1983, pp. 97–111. (In Russ.)
6. Sadovskaya E.Yu. *Osobennosti poetiki romana M.E. Saltykova-Shchedrina "Sovremennaya idilliya"* [Features of the Poetics of M.E. Saltykov-Shchedrin's Novel "Modern Idyll"]. Ph.D. thesis. Voronezh, 2003. 17 p. (In Russ.)
7. Saltykov-Shchedrin M.E. *Sobranie sochinenij v 20 t. T. XV–I* [Collected Works: in 20 vol. Vol. XV–I]. Moscow: *Hudozhestvennaya literatura Publ.*, 1973. 383 p. (In Russ.)
8. Stroganov M.V. *O satire Saltykova i ego politicheskoy pozicii* [About Saltykov's Satire and his Political Position]. *Shchedrinskij sbornik. Issue 2. Tver: Tver State University Publ.; Golden Letter Publ.*, 2003, pp. 77–87. (In Russ.)
9. Stroganova E.N. *M.E. Saltykov-Shchedrin i antichnaya literatura* [Saltykov-Shchedrin and Ancient Literature]. *Kul'tura i tekst*. 2015. № 4 (22), pp. 14–24. (In Russ.)
10. Stroganova E.N. *Roman M.E. Saltykova-Shchedrina "Sovremennaya idilliya": Dialog s sovremennikami i predshestvennikami* [Saltykov-Shchedrin's Novel "Modern Idyll": Dialogue with Contemporaries and Predecessors]. Moscow: FLINTA Publ.: Science Publ., 2017. 200 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 26.03.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Отредактирована 01.08.2026

Received 26.03.2026

Accepted 16.06.2026

Revised 01.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Владислав Шлаевич Кривонос — д.ф.н., профессор, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета; vkrivonos@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Vladislav Sh. Krivonos — Prof. Dr., Department of Literature, Journalism and Teaching Methods, Faculty of Philology, Samara State University of Social Sciences and Education; vkrivonos@gmail.com

ВЕТХОЗАВЕТНЫЕ ПРООБРАЗЫ В БОРИСОГЛЕБЕСКОЙ АГИОГРАФИИ: ИОСИФ, ВЕНИАМИН, ДАВИД

А.М. Ранчин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; aranchin@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена анализу сравнений Бориса и Глеба в Сказании о Борисе и Глебе и в Чтении Нестора с библейскими лицами — младшими сыновьями праотца Иакова Иосифом и Вениамином, а также явного уподобления Нестором Глеба юному Давиду — победителю Голиафа и аналогичного скрытого сравнения в Сказании о Борисе и Глебе. В обоих житиях Бориса и Глеба с помощью таких сопоставлений выражен мотив благословения младших сыновей — но не как наследников власти, а как избранных святых и победителей диавола. Сопоставление агиографами Бориса с Иосифом, а Глеба с Давидом основывается не только на сходстве, но и на глубоко осознанном различии. В житиях содержится пример новозаветного, христианского понимания победы как духовного одоления, духовного торжества, противопоставленный ветхозаветному пониманию ее как одоления физического (обретению Иосифом власти над братьями и поражению, которое Давид нанес Голиафу). При этом автор Сказания предпочитает неявные аллюзии на ветхозаветные претексты, а Нестор сам интерпретирует библейские параллели, эксплицирует все их смыслы. Таким образом, перед нами две разные поэтики отсылок к Библии.

Ключевые слова: Сказание о Борисе и Глебе; Чтение о Борисе Глебе Нестора; реминисценции из Библии; историософия; аллюзии; антитезы; интерпретация торжества над диаволом

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-10

Для цитирования: Ранчин А.М. Ветхозаветные прообразы в борисоглебской агиографии: Иосиф, Вениамин, Давид // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 123–136.

OLD TESTAMENT PROTOTYPES IN BORISOGLEBIAN HAGIOGRAPHY: JOSEPH, BENJAMIN, DAVID

Andrey M. Ranchin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; aranchin@mail.ru

Abstract: The article analyzes the comparisons of Boris and Gleb in the Tale of Boris and Gleb and in the Reading of Nestor with biblical figures—the younger sons

of the patriarch Jacob, Joseph and Benjamin—as well as Nestor’s explicit likening of Gleb to the young David, the slayer of Goliath, and a similar implicit comparison in the Tale of Boris and Gleb. In both lives of Boris and Gleb, such comparisons express the motif of blessing the younger sons—not as heirs to power, but as chosen saints and conquerors of the devil. The hagiographers’ comparison of Boris with Joseph, and Gleb with David, is based not only on similarities but also on a deeply conscious difference. The Lives of the Saints contain an example of the New Testament, Christian understanding of victory as a spiritual triumph, contrasted with the Old Testament understanding of victory as a physical victory (Joseph’s acquisition of power over his brothers and David’s defeat of Goliath). The author of the Lives of the Saints prefers implicit allusions to Old Testament pretexts, while Nestor himself interprets the biblical parallels, explicating all their meanings. Thus, we have two different poetics of biblical references.

Keywords: the Tale of Boris and Gleb; Reading about Boris and Gleb by Nestor; reminiscences from the Bible; historiosophy; allusions; antitheses; interpretation of the triumph over the devil

For citation: Ranchin A.M. (2026) Old Testament Prototypes in Borisoglebian Hagiography: Joseph, Benjamin, David. *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 123–136.

Прямое или аллюзивное упоминание большинства лиц из Священного Писания как прообразов князей-страстотерпцев и их антагониста Святополка неизменно привлекало внимание исследователей Сказания и Чтения о Борисе и Глебе, двух главных памятников борисоглебского цикла: с этой точки зрения проанализированы соотносительность Бориса и Глеба с Авелем, а их губителя с Каином¹, Глеба с вифлеемскими младенцами², обоих братьев с Христом³. Однако уподобление Бориса и Глеба и в Сказании, и в Несторовом Чтении Иосифу и Вениамину и сравнение Нестором князя-отрока с Давидом не стали предметом столь же пристального внимания — по-видимому, поскольку были сочтены достаточно прозрачными и тривиальными. Между тем это едва ли так.

Обратимся к тексту Сказания. Борис, вспоминающий о младшем брате и сомневающийся из-за угрозы своей жизни, исходящей от

¹ См. прежде всего [Успенский 2000].

² См. [Темчин 2012]. Ряд ключевых положений исследователя, впрочем, я не принять не могу; ср. [Ранчин 2017: 165–166]. Контраргументы С.Ю. Темчина [Темчин 2020] должны стать предметом рассмотрения в отдельной статье.

³ См. [Топоров 1995: 415–440, 490–507; Griffin 2014: 126–142; Griffin 2019: 188–228; Гриффин 2020]. Ш. Гриффин соотносит описание убийства Бориса не собственно с евангельской историей Христа, а с христологической семантикой литургии.

Святополка⁴, что сможет увидеть его, говорит «въ сѣрдѣци своемъ»: «То понѣ узрю ли си лице брата моего мнѣшааго Глѣба, яко же Иосифъ Вениамина?» [Библиотека литературы Древней Руси 1997: 330]. На первый взгляд это уподобление призвано прежде всего подчеркнуть любовь старшего брата к младшему; библейский Иосиф так же сильно был привязан к младшему брату Вениамину (Быт. 43: 29–30, 34). Иосиф, проданный братьями в Египет, был разлучен с Вениамином. Борис, отправленный отцом в поход на печенегов, разлучен с Глебом. Сопоставление включает в себе не только сходство, но и контраст, подчеркивая трагизм ситуации, представленной в Сказании: в отличие от Иосифа Борису не пришлось встретиться с братом. Кроме того, уподобление Бориса и Глеба младшим сыновьям Иакова призвано акцентировать родство Бориса и Глеба не только по отцу, но и по матери: они сыновья одного отца и одной матери (некоей «болгарыни», как ее именует летопись под 6488 (980) годом [Повесть временных лет 1950: 57] и, вслед за ней, Сказание [Библиотека литературы Древней Руси 1997: 328]), подобно Иосифу и Вениамину — сыновьям Иакова от Рахили (Быт. 35: 24). Однако не менее существенно, что это уподобление предполагает параллель между отцом мучеников князем Владимиром Святославичем и отцом Иосифа и Вениамина Иаковом. В Сказании о Борисе и Глебе о Владимире и его сыновьях говорится так: «сѣ убо Володимиръ имѣаше сыновѣ 12 не отъ единая жены, нѣ отъ раснѣ матерѣ ихъ. Въ нихъ же бѣаше старѣй Вышеславъ, а по немъ Изяславъ, 3 — Святоплѣкъ, иже и убийство се зѣлое изъобрѣтъ. Сего мати прежде бѣ чѣрницею, грѣкыни сущи, и поялъ ю бѣ Яроплѣкъ, братъ Володимиръ, и ростригъ ю красоты дѣля лица ея. И зача отъ нея сего Святоплѣка оканѣнааго, Володимиръ же поганѣй еще, убивъ Яроплѣка и поятъ жену его непраздну сущю. Отъ нея же родися сий оканѣный Святоплѣкъ, и бысть отъ дѣвою *отѣцю* и брату сущю. Тѣмъже и не любляше его Володимиръ, аky не отъ себе ему сущю. А отъ Рогнѣди 4 сыны имѣаше: Изяслава, и Мѣстислава, и Ярослава, и Всеволода, а отъ иноя Святослава и Мѣстислава, а отъ бѣлгарынѣ Бориса и Глѣба» [Библиотека литературы Древней Руси 1997: 328]⁵. Двенадцать сыновей Владимира соотносятся с двенадцатью сыновьями

⁴ Выше во внутреннем монологе старшего брата упоминается такое намерение Святополка: «тѣ, мнѣю, о суетии мирскихъ поучается и о биении моемъ *помышляеть*» [Библиотека литературы Древней Руси 1997: 330]. Курсивом выделена конъектура подготовившего текст к печати Л.А. Дмитриева. В рукописи Успенского сборника, по которой он издал текст Сказания, вместо *помышляеть* читается *помышаетъ* [Успенский сборник 1971: 44, л. 9в].

⁵ Курсивом выделена конъектура публикатора Л.А. Дмитриева. В списке Успенского сборника, по которому напечатан текст: *цю* под титлом; см. [Успенский сборник 1971, 43, л. 8в].

Иакова. Число 12 — одно из библейских сакральных чисел: «В Писании оно занимает особое место. Столько сыновей было у Иакова, столько же — и у Измаила. Количесвом “колен Израилевых” определялось число камней, поставленных Моисеем у жертвенника перед Синаем, а также количество драгоценных камней, украшавших ризу первосвященника. Именно столько апостолов было избрано Христом. 12 ворот (по числу колен Израилевых) было и в стене небесного Иерусалима, явленного Иоанну Богослову, причем основания этой стены были украшены 12 драгоценными камнями... Так что указание, будто у Владимира было также 12 сыновей (или детей), уже само по себе с большой вероятностью может расцениваться как “сигнал” о связи этих перечней с библейскими текстами» [Данилевский 1993: 83]. Владимир, отец сыновей, возведенных на княжение во всех политически значимых центрах Руси, как Иаков — отец родоначальников колен Израиля; он, как прародитель всех последующих русских князей, также подобен ветхозаветному праотцу. Учитывая, что у Владимира было много жен, реальное число его сыновей, вероятно, было бóльшим, не укладывалось в библейскую парадигму.

Процитированное известие восходит к двум сообщениям Повести временных лет или одного из более ранних сводов. Одно из них — сообщение под 6488 (980) годом, где, как и в Сказании о Борисе и Глебе, упомянуты матери Владимировичей. Сравним с летописным текстом: «Бѣ же Володимеръ побѣженъ похотью женскою, и быша ему водимыя: Рогѣнѣдъ, юже посади на Лыбеди, иде же ныне стоить сельце Предѣславино, от нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дчери; от грекинѣ — Святополка; от чехинѣ — Вышеслава; а от другоѣ — Святослава и Мьстислава; а от болгарыни — Бориса и Глѣба» [Повесть временных лет 1950: 56–57] (здесь и далее цитируется текст по Лаврентьевскому списку). В этом перечне, однако, упомянуты не двенадцать, а десять сыновей Владимира. Хотя ряд исследователей склонны трактовать этот список как своего рода подражание перечню двенадцати сыновей Иакова⁶, это едва ли правомерно: в этом списке перечислены не двенадцать, а десять сыновей крестителя Руси⁷, сыновья праотца были рождены от четырех женщин — двух жен (Лии и Рахили) и двух

⁶ См. [Данилевский 2004: 169–174; Михеев 2009: 60–62].

⁷ Предположение, что в перечне две дочери Владимира соответствуют двум сыновьям Иакова [Михеев 2009: 62], сомнительно: приравнивание сыновей и дочерей для средневекового сознания едва ли возможно. Гипотеза Л. Мюллера, согласно которой перечень 6388 года сохранился в летописи не в своем первоначальном виде [Müller 2004: 33], поддержанная С.М. Михеевым [Михеев 2009: 67–68], не представляется автору этих строк достаточно убедительной.

наложниц (Валлы и Зелфы), сыновья русского князя — от пяти. При этом точное соответствие библейскому перечню и его воспроизведению в хронографической традиции⁸ обнаруживается лишь в случае с Рахилью и «болгарыней»: от обеих были рождены два сына, и они младшие сыновья. Так же число сыновей «от другоѣ» (Святослав и Мстислав) совпадает с количеством сыновей, рожденных Зелфой и Валлой, — двое от одной и двое от другой. Этот летописный перечень княжичей с указанием их матерей должен был прежде всего подчеркнуть одержимость блудной страстью многоженца Владимира, еще язычника.

Число сыновей Владимира в Сказании — двенадцать — восходит к другому летописному перечню, содержащемуся в Повести временных лет под 6496 (988) годом: «Володимеръ же просвъщенъ *самъ* и сынове его, и земля его. Бѣ бо у него сыновѣ 12: Вышеславъ, Изяславъ, Ярославъ, Святополкъ, Всеволодъ, Святославъ, Мъстиславъ, Борисъ, Глѣбъ, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ. И посади Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава Полотѣскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ. Умершю же старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ, Святослава Деревѣхъ, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани» [Повесть временных лет 1950: 83]⁹. К этой же летописной статье восходит и начальная часть перечня сыновей Владимира в Сказании: в летописном фрагменте и в начале перечня из жития первыми упомянуты по принципу старшинства Вышеслав и Изяслав¹⁰, только потом агиограф в противоположность летописцу¹¹ называет не Ярослава, а Святополка, подчеркивая старшинство братоубийцы, которому, как старшему, не сопротивляется Борис. Об их матерях в начальной части житийного текста, как и в Повести

⁸ Ср.: Быт. 35: 23–26, [Летописец Еллинский и Римский 1999: 13, л. 2а–26; Истрин 1920: 92, л. 59а]. Ближе всего летописный перечень к списку, воспроизведенному в Летописце Еллинском и Римском.

⁹ О символической соотнесенности числа сыновей Владимира и сыновей Иакова см. [Петрухин 2000: 178].

¹⁰ На статью 6488 года как на источник начальной части перечня из Сказания указывал А.А. Шахматов; см. [Шахматов 1908: 34–35].

¹¹ Впрочем, первичность варианта перечня в Лаврентьевском списке сомнительна: в списках Ипатьевской летописи третьим назван не Ярослав, а Святополк, Ярослав же, верно названный в Хлебниковском и Погодинском списках и ошибочно Ярополком в Ипатьевском, упомянут четвертым; см. [Полное собрание русских летописей 1908, т. 2: 105]; Радзивилловский и Московско-Академический списки, в целом более близкие к Лаврентьевскому, чем к спискам Ипатьевской группы, тоже помещают Святополка перед Ярославом [Полное собрание русских летописей 1926, т. 1, вып. 1: 121, вариант 3]. В Лаврентьевской летописи если не ошибка переписчика, то отражение установки кого-то из летописцев легитимизировать власть Ярослава как якобы старшего в сравнении со Святополком.

временных лет под 6496 годом, не сообщается. Судя по всему, этот летописный перечень построен по принципу старшинства, о чем свидетельствует прежде всего упоминание первым старшего Вышеслава. Создатель Сказания о Борисе и Глебе, приверженный принципу старшинства как основанию для притязаний на верховную власть¹², тем не менее лишь частично воспроизводит этот список, полностью же — список под 6488 (980) годом.

Почему же автор Сказания, взявший сведения о количестве сыновей Владимира из летописного перечня под 6496 (988) годом и повторивший начало этого списка, продолжил его списком из летописи под 6488 годом? Представляется, что для этого у книжника были две причины. Во-первых, для создателя Сказания были важны упоминания о женах Владимира. Причем значимым были как свидетельство о рождении Святополка «грекиней» — вдовой Ярополка (агиограф в отличие от летописи однозначно называет отцом Святополка не Владимира, а Ярополка¹³, выводя его тем самым за пределы Владимирова рода *праведных*, о котором говорит цитата из Пс. 111: 2 в начале жития). Во-вторых, для автора жития, несомненно, было значимо место Бориса и Глеба в конце перечня — очевидно, в соответствии с принципом старшинства, как младших сыновей Владимира. В списке же Повести временных лет под 6496 (988) годом за Борисом и Глебом следуют Станислав, Позвизд и Судислав, которые, видимо, были моложе Святополковых жертв.

С помощью параллели Борис и Глеб — Иосиф и Вениамин в Сказании выражен мотив избранности князей-страстотерпцев, Божьего благоволения им¹⁴. Таким образом, это уподобление содержит глубокий историософский смысл.

Эта же параллель имеется и в Чтении Нестора, где она развернута парадоксальным и как будто бы абсурдным образом: Святополк «болшими разгнѣвася на блаженаго (Бориса. — А.Р.), мня оканьный, яко то (так! — А.Р.) хоцеть по по (так! — А.Р.) отца своего столъ прияти. Сице бо бѣ при Осифѣ. Бѣ бо, рече, любяй Осифа Яковъ и Веньямина, бяста бо уна тѣломъ. И сего ради братья вельми гнѣвахуся на нею, бо яко Осифъ хоцеть надъ ними царствовати, яко же и бысть. Тако же и зде събысться» [Жития святых мучеников Бориса и Глеба

¹² Борис в Сказании заявляет: «Не буди ми възати руки на брата своего и еще же и на старѣйша мене, егоже быхъ имѣлъ, акы отьца» [Библиотека литературы Древней Руси 1997: 334].

¹³ См. об этом [Михеев 2009: 82, 85–86]. Как замечает исследователь, для автора Сказания было необходимо отметить, что матерью Святополка была расстриженная монахиня. Ср. процитированный выше фрагмент Сказания [Библиотека литературы Древней Руси 1997: 328].

¹⁴ О мотиве избранности Бориса и Глеба как младших сыновей см. [Ранчин 2025].

1916: 7, л. 94г–95а]¹⁵. Кажущаяся абсурдность этого уподобления заключается в том, что в отличие от Иосифа, действительно приобретшего власть над старшими братьями, Борис и Глеб не получили главенства над Святополком, но были убиты им. Более очевидно определенное сходство «второго Каина» со старшими братьями Иосифа¹⁶.

Можно было бы считать этот пассаж примером неудачной риторической стратегии¹⁷, однако в Чтении имеется аналогичный пример, где Глеб сопоставлен с царем и пророком Давидом: «Святому же Глѣбови створено имя Давыдъ. Видиши ли благодать Божию измлада на дѣтищи? Створиша бо, рече, имя ему Давыдъ: како или кымъ образомъ? Не им же ли: онъ бѣ мний въ братьи своеи, тако же и сий святыи. Яко же бо и самъ пророкъ свидѣтельствуеъ, глаголя: “мний бѣ въ братьи моеи и уний въ дому отца моего” и прочее; тако же и сий Давыдъ мний бѣ въ в братьи своеи и унѣи в дому отца своего. И паки: яко же пророкъ Давыдъ изиде противу иноплеменику и погуби и, отъять поношенъе отъ сыновъ Израилевъ; тако же и сий Давыдъ изиде противу супостату дьяволу и погуби и, отъять поношенъе отъ сыновъ Рускихъ» [Жития святых мучеников Бориса и Глеба 1916: 6, л. 94а–94б]. Нестор обыгрывает крестильное имя Глеба Давид (Давыд). Но существенным для агиографа было и то, что Давид был младшим сыном Иессея, как Глеб — младшим или одним из младших сыновей Владимира¹⁸. Под *иноплеменником*, не-

¹⁵ То в приведенной цитате — очевидно, недописанное *той/тои* (ср. чтение других списков: [Жития святых мучеников Бориса и Глеба 1916: 7, прим. 9], а двойное *по* — опечатка в издании или ошибка публикатора Д.И. Абрамовича; ср. фотографическое воспроизведение рукописи Сильвестровского сборника, по которому в цитируемом издании напечатано Чтение (РГАДА ф. 381. Оп. 1. Ед. хр. 53, л. 94г). — URL: http://rgada.info/kueh/1/381_1_53/0096.jpg.

¹⁶ Ср. в этой связи наблюдение, принадлежащее А.А. Шайкину: «...если по отдельности Борис и Глеб выступают как Роман и Давид, то как пара они оказываются Иосифом и Вениамином, а Святополк в этом случае персонифицирует старших братьев последних. Святополк оказывается преступнее библейских персонажей: младшего, Вениамина, братья не преследовали, а Святополк “не то-мо же на блаженнаго Бориса гнѣвашся, но и на блаженнаго Глѣба”» [Шайкин 2019: 365].

¹⁷ Пример такого рода риторической неудачи у Нестора имеется. Это утверждение, что Борис и Глеб «свѣтящся, акы двѣ звѣздѣ свѣтлѣ посредѣ темныхъ» [Жития святых мучеников Бориса и Глеба 1916: 5, л. 92г]. Получается, что «хри-столюбец» Ярослав, которого Нестор изображает как ревностного почитателя святых, тоже отнесен к числу *темных*.

¹⁸ Нестор, не случайно уподобляя его младшему сыну Иакова, пишет: «Бѣ же Глѣб велми дѣтескъ» [Жития святых мучеников Бориса и Глеба 1916: 5, л. 92г]. Его уникальное сообщение, что Глеб по малолетству еще не княжил, а жил при отце, должно свидетельствовать о том же. «Детскость» Глеба акцентирована и автором Сказания; ср. моление отрока, обращенное к убийцам: «Не пожьнете мене отъ жития не съзърѣла, не пожьнѣте класа, не уже съзърѣвъша, нѣ млеко безълобиа

сомненно, подразумевается филистимлянин Голиаф, убитый Давидом камнем, выпущенным из пращи (1 Цар. 17: 23–51). Однако Глеб не победил врагов в физическом смысле, а, напротив, был убит ими. Нестор осмысляет победу Глеба как духовную, как одоление дьявола. Как заметил А.А. Шайкин: «Стремясь найти обоснование крестильного имени Глеба (Давид), Нестор, вопреки очевидности, уподобляет ситуацию “Глеб — Святополк” поединку Давида с Голиафом: “такое же и сии святыи Давыдъ изиде противу супостату дьяволу и погуби ѿ, и отятъ поношение от сыновъ русскихъ” <...>. Нестора не смущает то, что в 6523 (1015) г., по очевидности, Голиаф-Святополк одолел Давида-Глеба: “победу” последнего автор трактует как избавление от “поношения от сыновъ русскихъ”, т.е. победа мыслится в общем и конечном смысле, гибель на земном уровне Нестор оборачивает победой в сфере духовной» [Шайкин 2019: 365]¹⁹.

В свете такой трактовки Нестором победы Глеба и сопоставление Бориса с «воцарившимся» над братьями Иосифом, образующее семантическую пару со сравнением его младшего брата с соперником Голиафа, должно трактоваться как духовное воцарение.

Аналогичный случай интерпретации победы содержится в Сказании о Борисе и Глебе. О посланцах Святополка, отправленных предать отрока смерти, сказано: «И яко быша равны пловуще, начаша скакати зълии они въ лодию его, обнажены меча имуще въ рукахъ своихъ, бльщащася, акы вода» [Библиотека литературы Древней Руси 1997: 340]. Сравнение кажется построенным на визуальном сходстве, однако визуальные сопоставления для древнерусской поэтики нехарактерны²⁰. В действительности это сравнение — аллюзия на текст 1 Цар. 17: 7; в неверном (в сравнении с греческим оригиналом) славянском переводе²¹ о копье Голиафа говорится: «И копие верху руку его, яко вода ищищена блещащес(я)»²². Перед нами

носяща! Не порѣжете лозы не до коньца въздрастьша, а плодъ имуща! Молю вы ся и милъ вы ся дѣю. Убойтеся рекъшааго усты апостольскы: “Не дѣти бывайте умы, зълбюимъ же младенствуйте, а умы съвършени бывайте”. Азъ, братие, и зълбюимъ и въздрастьмъ еще младенствую» [Библиотека литературы Древней Руси 1997: 340].

¹⁹ Лишними в процитированном суждении исследователя являются, впрочем, слова «вопреки очевидности». Перед нами продуманная историософская концепция, не чуждая и составителю Сказания, о чем ниже.

²⁰ См. о характере сравнений в древнерусской словесности [Лихачев 1971: 193–194].

²¹ В греческом тексте копье филистимлянина сравнивается с ткацким станком; см. [Горский и Невоструев 1855: 37].

²² Библейский текст цитируется по Геннадиевской Библии [Горский и Невоструев 1855: 37]. Этот перевод — древний, околомедиевского времени; см. [Алексеев 1999: 198]. На сходство сравнения Сказания и описания копья Голиафа в славянской Библии впервые указал А.С. Демин, однако он счел это совпадение

еще один пример новозаветного, христианского понимания победы как духовного одоления, духовного торжества, противопоставленный ветхозаветному пониманию ее как одоления физического²³. Сопоставление агиографами Бориса с Иосифом, а Глеба с Давидом основывается не только на сходстве, но и на глубоко осознанном различии.

В связи с пониманием победы Бориса и Глеба как духовного торжества показательно упоминание о царственности (о *цесарьском венце*) Бориса в гимнографии. Прочитав суждение из моей более ранней работы: «В случае с Борисом гимнография подчеркивает избранность к мученическому подвигу именно с юных лет: “Разумное житие съвършая, преблажене, цесарьскимъ вѣнцемъ отъ уности украшенъ, пребогатыи Романе” [Жития святых мучеников Бориса и Глеба 1916: 136, л. 112]; “царскимъ вѣнцемъ отъ юности украшенъ” [Жития святых мучеников Бориса и Глеба 1916: 162, л. 76]. А. Поппэ счел метафору *цесарьскимъ вѣнцемъ* свидетельством, “отчетливо намекающим на царственное происхождение Бориса”, т. е. на его рождение в браке Владимира Святославича с византийской царевной Анной [Поппэ 2003: 313]. Однако, хотя версия об Анне как матери страстотерпцев представляется в целом достаточно аргументированной, признать эту интерпретацию выражения из церковных служб невозможно: гимнографы говорят не о рождении, не о происхождении, а о юности Бориса-Романа и помещают метафору *цесарьскимъ вѣнцемъ* в контекст духовных даров святого — *вѣнцы* здесь, несомненно, мученический, подобие венца Иисуса Христа — Царя Небесного» [Ранчин 2025: 221–222].

При сходстве памятников Борисоглебского цикла в трактовке победы братьев как духовного торжества над диаволом семантика соотношенности старшего из святых с Иосифом, а младшего с Вениамином и Давидом в Сказании и Чтении проведена различным образом: в первом памятнике она выражена «прикровенно», неявно: читатель должен сам открыть ее глубокий историософский смысл. Особенно очевидно это в Сказании в случае с параллелью Глеб —

несущественным и, по сути, случайным [Демин 2008: 400]. Подробнее об этом сравнении см. [Ранчин 2017: 187–192].

²³ Приведенный пример опровергает суждение Е. Джиджоры, утверждающего: «христианские имена святых не имеют особого значения для автора Сказания» только на том основании, что имя Бориса *Роман* упомянуто лишь один раз, а имя Глеба *Давид* (*Давыд*) вообще не указано; исследователь на этом основании опрометчиво полагает, что для книжника они лишь «невинно резанные отроки, которые стремились жить и править в своих княжествах», и «прежде всего князья», а не святые мученики [Джиджора 2016: 11]. Последнее утверждение разительно противоречит уже всему смыслу памятника. Знание крестильного имени Глеба читателями/слушателями Сказания, несомненно, было для его автора аксиомой.

Давид, выраженной с помощью трудно опознаваемой и не атрибутированной реминисценции. (Между прочим, крестильное имя юного князя в Сказании не приводится.) Это не единственный пример такого рода аллюзий в Сказании: Глеб в молении, обращенном к посланцам Святополка, называет себя виноградной лозой («Не порѣжете лозы не до коньца въздрастьша, а плодъ имуща!» [Библиотека литературы Древней Руси 1997: 340]), эта метафора восходит к метафоре-символу, посредством которой именуется себя Иисус Христос в Евангелии от Иоанна (15: 1): «Азъ есмь лоза виноградная, и От(е)ць мои дѣлатель ес(ть)» [Библия 1499 года: 349, л. 766]²⁴. Связь между житием страстотерпцев и библейским претекстом и здесь неявная: аллюзия помещена в контекст, отличный от исходного, сохранена лишь одна лексема *лоза*. Как заметил Р. Пиккио: «Слова, заимствованные из Библии и других священных текстов, вписывались в новый контекст, не теряя своих исходных черт. Они могли читаться как отсылки к Писанию и в то же время как составляющие независимого сообщения. <...> Слова его (Глеба. — А.Р.) — искреннее и непосредственное выражение страха перед смертью и юношеской тяги к жизни. Тем не менее они также несут в себе более глубокий смысл своего изначального контекста <...> Читатель, не упустивший смысла, заключенного в отсылке, немедленно улавливает зеркальный эффект удвоенного, хоть и единого сообщения. Глеб как обыкновенный человек не желает умирать, однако произносимые им как избранным мучеником вдохновенные слова оправдывают его смерть. Он знает и подтверждает словами, что смерть ему не страшна, пусть даже нижний уровень высказывания подчеркивает его физическое неприятие смерти. Это не две разные истины, но зеркальные образы одной и той же драматической сцены, где соединяются божественное и человеческое» [Пиккио 2003: 484].

Совсем иначе поступает Нестор: он сам интерпретирует библейские параллели, эксплицирует все их смыслы. Таким образом, перед нами две разные поэтики отсылок к Библии. Соотношение Сказания, Чтения и летописной повести о Борисе и Глебе в Повести временных лет под 6523 (1015) годом является текстологической проблемой²⁵. Можно было бы осторожно предположить, что для автора Сказания Чтение или его источник, содержащий те же фрагменты, что и написанное Нестором житие, был претекстом, знание которого читателем должно было прояснить неявные аллюзии на Писание в Сказании. Однако это не более чем догадка.

²⁴ На эту аллюзию указал Р. Пиккио; см. [Пиккио 2003: 484].

²⁵ Позицию автора настоящей статьи см. [Ранчин 2017: 17–53] (здесь же литература вопроса).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
2. Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т. СПб., 1997. Т. 1: XI — начало XII века.
3. Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе: В 10 т. М., 1992. Т. 7: Господа нашего Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки, Иоанна.
4. Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1859. Отд. 2. Ч. 2. XII.
5. Гриффин Ш. Евхаристический подтекст мученичества князей Бориса и Глеба // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2020. Т. 65. Вып. 2. С. 5–18.
6. Данилевский И.Н. Библия и Повесть временных лет (К проблеме интерпретации библейских текстов) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 78–94.
7. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.
8. Демин А.С. Сравнение «акы вода» в «Сказании о Борисе и Глебе» и жалостливость Владимира Мономаха // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2008. Сб. 13 /Отв. ред. Д.С. Менделеева. С. 397–412.
9. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им /Приготовил к печати Д.И. Абрамович. Пг., 1916. (Памятники древнерусской литературы. Вып. 2).
10. Истрин В.М. Книги временныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. 1: Текст. Пг., 1920.
11. Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1: Текст /Основ. список подг. О.В. Твороговым и С.А. Давыдовой; вступ. ст., археографич. обзор и критич. аппарат изд. подг. О.В. Твороговым.
12. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л., 1971.
13. Михеев С.М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009. (Славяно-германские исследования. Т. 4).
14. Петрухин В.Я. Древняя Русь. Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I: Древняя Русь. С. 13–411.
15. Пиккио Р. Смысловые уровни в древнерусской литературе (пер. с англ. С. Никольского) // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык* /Отв. ред. Н.Н. Запольская, В.В. Калугин; ред. М.М. Сокольская. М., 2003. С. 474–486.
16. Повесть временных лет /Подг. текста, Д.С. Лихачева; пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М., 1950. Т. 1. (Литературные памятники).
17. Полное собрание русских летописей. СПб.; Л.; СПб.; М, 1908–2018– (издание продолжается). Т. 1–46.
18. Поппэ А.В. Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. СПб., 2003. Т. 54 /отв. ред. О.В. Творогов. С. 304–336.
19. Ранчин А.М. Памятники Борисоглебского цикла: текстология, поэтика, религиозно-культурный контекст. М., 2017. 512 с.
20. Ранчин А.М. Семантика оппозиции *старшинство* — *младшинство* в памятниках Борисоглебского цикла // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2025. Сб. 24 /Гл. ред. О.А. Туфанова, науч. ред. М.В. Каплун. С. 218–231.
21. Темчин С.Ю. «Се несть убийство, но сырорезание»: Агиографический образ Вифлеемских младенцев как концептуальная основа Борисоглебского культа // Именослов. История языка. История культуры /Отв. ред. Ф.Б. Успенский. М., 2012. С. 216–230.

22. Темчин С.Ю. Свв. Борис и Глеб и Вифлеемские младенцы: между языком и литературой // *Dzieci w kulturze duchowej Prawosławia* / Pod red. A.Z. Nowak, M. Kuczyńskiej. Białystok; Kraków, 2020. S. 29–42. (Latopisy Akademii Supraskiej, 11).
23. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1: Начало христианства на Руси.
24. Успенский Б.А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).
25. Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон; под ред. С.И. Коткова. М., 1971.
26. Шайкин А.А. Древнерусская словесность XI–XII вв. М.; СПб., 2019.
27. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
28. Джиджора Е. Хрестильні імена Бориса і Гліба як форма літературної символізації // Святі Борис і Гліб у національній культурі та суспільній думці: Досвід 1000-річної присутності в українській історії. Харків, 2016. С. 5–16.
29. Griffin S.D. Byzantine Liturgy and the Primary Chronicle. A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Doctor of Philosophy in Slavic Languages and Literatures. Los Angeles, 2014.
30. Griffin S. The Liturgical Past in Byzantium and Early Rus'. Cambridge; N. Y., 2019.
31. Müller L. Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb (5) // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Heidelberg, 2004. Bd. 63. Heft 1. S. 23–49.

REFERENCES

1. Alekseev A.A. *Tekstologiya slavyanskoi Biblii* [Textology of the Slavic Bible]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999. 254 p. (In Russ.)
2. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of literature of Ancient Rus'], in 20 vols. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. T. 1. 544 p. (In Russ.)
3. *Bibliya 1499 goda i Bibliya v sinodal'nom perevode* [The Bible of 1499 and the Bible in the Synodal Translation], in V 10 vols. Moscoe, *Muzei Biblii, Izdatel'skii otdel Moskovskoi patriarkhii Publ.*, 1992. T. 7. 398 p. (In Russ.)
4. Gorskii A. V., Nevostruev K. I. *Opisanie slavyanskikh rukopisei Moskovskoi sinodal'noi biblioteki* [Description of Slavic Manuscripts of the Moscow Synodal Library]. Moscow, *Sinodal'naya tipografiya*, 1859. Otd. 2. CH. 2. XII, 690 p. (In Russ.)
5. Griffin Sh. *Evkharisticheskie podtekst muchenichestva knyazei Borisa i Gleba* [The Eucharistic Subtext of the Martyrdom of Princes Boris and Gleb], in: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 2. Istoriya, 2020, t. 65, vyp. 2, pp. 5–18. (In Russ.)
6. Danilevskii I.N. *Bibliya i Povest' vremennykh let* (K probleme interpretatsii bibleiskikh tekstov) [The Bible and the Tale of Bygone Years (On the Problem of Interpretation of Biblical Texts)], in: *Otechestvennaya istoriya*, 1993, no. 1, pp. 78–94.
7. Danilevskii I. N. *Povest' vremennykh let: Germenevticheskie osnovy izucheniya letopisnykh tekstov* [The Tale of Bygone Years: Hermeneutic Foundations for the Study of Chronicle Texts]. Moscow, *Aspekt-Press Publ.*, 2004. 383 p. (In Russ.)
8. Demin A.S. *Sravnenie "aky voda" v "Skazanii o Borise i Glebe" i zhalostlivost' Vladimira Monomakha* [Comparison of "aky voda" in "The Tale of Boris and Gleb" and the Compassion of Vladimir Monomakh], in: *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Moscow, *Znak Publ.*, 2008. Sb. 13, ed. by D.S. Mendeleeva, pp. 397–412. (In Russ.)
9. *Zhitiya svyatykh muchenikov Borisa i Gleba i sluzhby im* [Lives of the Holy Martyrs Boris and Gleb and Services to Them], ed. by D.I. Abramovich. Petrograd, *Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk*, 1916. XXIII+204 p. (In Russ.)

10. Istrin V. M. *Knigy vremenn'nyya i obraznyya Georgiya mnikha. Khronika Georgiya Amartola v slavyano-russkom perevode. Tekst, issledovanie i slovar'* [Books of Time and Images of St. George the Monk. The Chronicle of St. George Hamartolos in Slavic-Russian Translation. Text, Study, and Dictionary]. Petrograd, Rossiiskaya gosudarstvennaya akademicheskaya tipografiya, 1920. T. 1. XVIII+612+III p. (In Russ.)
11. *Letopisets Ellinskii i Rimskii* [The Chronicle of Greece and Rome]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999. T. 1, ed. by O.V. Tvorogov, S.A. Davydova. 530 p. (In Russ.)
12. Likhachev D.S. *Poehtika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. 2nd ed., suppl. Leningrad, Khudozhestvennaya literature Publ., 1971. 415 p. (In Russ.)
13. Mikheev S.M. "Svyatopolkъ sѣde v Kievѣ po ottsl'": Usobitsa 1015–1019 godov v drevnerusskikh i skandinavskikh istochnikakh ["Svyatopolk Seated in Kiev after His Father": The Civil War of 1015–1019 in Old Russian and Scandinavian Sources]. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2009. 292 p. (In Russ.)
14. Petrukhin V. Ya. *Drevnyaya Rus'. Narod. Knyaz'ya. Religiya* [Ancient Rus'. People. Princes. Religion], in: *Iz istorii russkoi kul'tury* [From the History of Russian Culture]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. T. I, pp. 13–411. (In Russ.)
15. Picchio R. *Smyslovye urovni v drevnerusskoi literature* [Levels of Meaning in Old Russian Literature], transl. from English by S. Nikol'skii, in: Picchio R. *Slavia Orthodoxa: Literatura i yazyk* [Slavia Orthodoxa: Literature and Language], ed. by N.N. Zapol'skaya, V.V. Kalugin, M.M. Sokol'skaya. Moscow, Znack Publ., 2003, pp. 474–486. (In Russ.)
16. *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years], text prepared by D.S. Likhachev, transl. by D.S. Likhachev and B.A. Romanov, ed. by V.P. Adrianova-Peretts. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. Vol. 1. 405 p. (In Russ.)
17. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. 2nd ed. St. Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Moscow, Nauka Publ., Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 1908–2018–. T. 1–46. (In Russ.)
18. Poppe A.V. *Zemnaya gibel' i nebesnoe torzhestvo Borisa i Gleba* [The Earthly Death and Heavenly Triumph of Boris and Gleb], in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) RAN* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003. T. 54, ed. by O.V. Tvorogov, p. 304–336. (In Russ.)
19. Ranchin A.M. *Pamyatniki Borisoglebskogo tsikla: tekstologiya, poehtika, religiozno-kul'turnyi kontekst* [Monuments of the Borisoglebian Cycle: Textual Criticism, Poetics, Religious and Cultural Context]. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2017. 512 p. (In Russ.)
20. Ranchin A.M. *Semantika oppozitsii starshinstvo — "mladshinstvo" v pamyatnikakh Borisoglebskogo tsikla* [Semantics of the "Seniority–Juniority" Opposition in Monuments of the Borisoglebian Cycle], in: *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2025. Sbornik 24, ed. by O.A. Tufanova, M.V. Kaplun, pp. 218–231. (In Russ.)
21. Temchin S.Yu. "Se nest' ubiistvo, no syrorezaniE": Agiograficheskii obraz Vifleemskikh mladentsev kak kontseptual'naya osnova Borisoglebskogo kul'ta ["Behold, This Is Not Murder, but Torture": The Hagiographic Image of the Bethlehem Infants as a Conceptual Basis for the Borisoglebian Cult], in: *Imenoslov. Istoriya yazyka. Istoriya kul'tury* [List of Names. History of Language. History of Culture], ed. by F.B. Uspenskii. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2012, pp. 216–230. (In Russ.)

22. Temchin S.Yu. *Svv. Boris i Gleb i Vifleemskie mladentsy: mezhdru yazykom i literaturoi* [Saints Boris and Gleb and the Bethlehem Infants: Between Language and Literature], in: *Dzieci w kulturze duchowej Prawoslawia*, ed. by A.Z. Nowak, M. Kuczyńska. Białystok, Kraków, *Oikomomus Publ.; ScriptumPubl.*, 2020, pp. 29–42. (Latopisy Akademii Supraskiej, 11).
23. Toporov V.N. *Svyatost' i svyaty v russkoi dukhovnoi kul'ture* [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture]. Moscow, *Gnoziz — Shkola "Yazyki russkoi kul'tury"* Publ., 1995. T. 1. 875 p. (In Russ.)
24. Uspenskii B.A. *Boris i Gleb: vospriyatie istorii v Drevnei Rusi* [Boris and Gleb: The Perception of History in Ancient Rus']. Moscow, *Yazyki russkoi kul'tury Publ.*, 2000. 128 p. (In Russ.)
25. *Uspenskii sbornik XII–XIII vv.* [The Uspenskii Collection of the 12th–13th Centuries], ed. by O.A. Knyazevskaya, V.G. Dem'yanov, M.V. Lyapon, S.I. Kotkov. Moscow, *Nauka Publ.*, 1971. 753 p. (In Russ.)
26. Shaikin A.A. *Drevnerusskaya slovesnost' XI–XII vv.* [Old Russian Literature of the 11th–12th Centuries]. Moscow, St. Petersburg, *Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ.*, 2019. 464 p. (In Russ.)
27. Shakhmatov A.A. *Razyskaniya o drevneishikh russkikh letopisnykh svodakh* [Research on the Most Ancient Russian Chronicle Collections]. St. Petersburg, *Tipografiya M.A. Aleksandrova*, 1908. 686 p. (In Russ.)
28. Dzhidzhora E. *Khrestil'ni imena Borisa i Gliba yak forma literaturnoi simvolizatsii* [The Baptismal Names of Boris and Gleb as a Form of Literary Symbolization], in: *Svyati Boris i Glib u natsional'nii kul'turi ta suspil'nii dumtsi: Dosvid 1000-richnoi prisutnosti v ukrains'kii istorii* [Saints Boris and Gleb in National Culture and Public Opinion: The Experience of a 1000-year Presence in Ukrainian History]. Khar'kiv, *Akta Publ.*, 2016, pp. 5–16. (In Ukrainian).
29. Griffin S.D. *Byzantine Liturgy and the Primary Chronicle. A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Doctor of Philosophy in Slavic Languages and Literatures*. Los Angeles, 2014. 159 p.
30. Griffin S. *The Liturgical Past in Byzantium and Early Rus'*. Cambridge; N. Y., 2019. 284 p.
31. Müller L. *Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb* (5), in: *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Heidelberg, 2004. Bd. 63. Heft 1, s. 23–49.

Поступила в редакцию 07.11.2025
 Принята к публикации 16.06.2026
 Отредактирована 01.08.2026

Received 07.11.2026
 Accepted 16.06.2026
 Revised 01.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Андрей Михайлович Ранчин — д.ф.н., профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; aranchin@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey M. Ranchin — Prof. Dr. in Philology, Professor, Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University; aranchin@mail.ru

**ВКЛАД ИСТОРИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ В ФОРМИРОВАНИЕ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БРИТАНЦЕВ
В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX вв.:
Т. УОРТОН, ДЖ. ЭЛЛИС, Ш. ТЕРНЕР, Б. ТОРП**

Н.Н. Германова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия; nata-germanova@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматривается разработка в Великобритании в конце XVIII — начале XIX вв. истории английской литературы как одного из маркеров англосаксонизма — основы этнокультурной идентичности британцев. Для анализа выбраны работы Т. Уортона, Дж. Эллиса, Ш. Тернера, Б. Торпа, рассчитанные на широкую аудиторию. На стыке XVIII и XIX вв. филологи меняли представление соотечественников об исторической глубине и составе национальной словесности. Если значимость древнеанглийских политических и религиозных текстов была очевидна еще с XVI в., то ценность текстов поэтических была не бесспорна, как из-за уже ставшего недоступным языка, так и из-за непонимания принципов аллитерационной поэзии. Свою роль сыграло и характерное для эпохи Просвещения убеждение в «варварстве» непросвещенных древних народов: многие представители британской культурной элиты предпочитали идентифицировать себя с Римом и Грецией как колыбелью европейской цивилизации. Т. Уортон, Дж. Эллис, Ш. Тернер, Б. Торп углубили и расширили для современников сам концепт «английская литература». Т. Уортон и Дж. Эллис сделали первый шаг, охватив поэзию раннего среднеанглийского периода, прорыв к древнеанглийской поэзии был осуществлен историком Ш. Тернером. Антология Б. Торпа, предназначенная для студентов Оксфорда, ограничена древнеанглийским периодом и охватывает как поэтические, так и прозаические тексты. Разработка истории британской литературы в конце XVIII — начале XIX вв. подтверждает мнение социальных конструктивистов о роли элит в конструировании маркеров этнической принадлежности.

Ключевые слова: англосаксонизм; этнокультурная идентичность; история английской литературы; социальный конструктивизм; Т. Уортон; Дж. Эллис; Ш. Тернер; Б. Торп; Дж. Ингрэм

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-11

Для цитирования: Германова Н.Н. Вклад историков литературы в формирование этнокультурной идентичности британцев в конце XVIII — начале XIX вв.: Т. Уортон, Дж. Эллис, Ш. Тернер, Б. Торп // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. №. 5. С. 137–146.

THE CONTRIBUTION OF LITERARY HISTORIANS TO THE FORMATION OF BRITISH ETHNOCULTURAL IDENTITY AT THE END OF THE 18th — THE BEGINNING OF THE 19th CENTURIES: TH. WARTON, G. ELLIS, SH. TURNER, B. THORPE

Natalia N. Guermanova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; nata-germanova@yandex.ru

Abstract: The article highlights the process of constructing the history of English literature in Great Britain at the end of the 18th — the beginning of the 19th centuries as a marker of growing Anglo-Saxonism. The author focusses on the works by Th. Warton, G. Ellis, Sh. Turner and B. Thorpe, designed for a wider audience. In the period under consideration these authors changed their contemporaries' view on the historical depth and content of national literature. While the importance of Anglo-Saxon political and religious texts had been evident since the 16th century, the value of ancient poetry was not indisputable, both because of the imperfect knowledge of the language and the failure to appreciate alliterative verse. The belief in the barbaric state of ancient peoples, typical of the Enlightenment, also played its role. Part of the British intellectual elite preferred to identify themselves with Rome and Greece as the foundation of European civilization. Th. Warton, G. Ellis, Sh. Turner and B. Thorpe widened the concept of English literature in the eyes of their contemporaries. Warton and Ellis made the first step, covering the early Middle English period. The breakthrough to Anglo-Saxon poetry was made by Sh. Turner. B. Thorpe's anthology, designed for Oxford students, covered both poetic and prosaic Anglo-Saxon texts. Constructing the history of English literature at the end of the 18th — the beginning of the 19th centuries supports the social constructivists' view on the role of elites in constructing markers of ethnocultural identity.

Keywords: Anglo-Saxonism; ethnocultural identity; history of English literature; social constructivism; Th. Warton; G. Ellis; Sh. Turner; B. Thorpe; J. Ingram

For citation: Guermanova N.N. (2026) The Contribution of Literary Historians to the Formation of British Ethnocultural Identity at the End of the 18th — the Beginning of the 19th Centuries: Th. Warton, G. Ellis, Sh. Turner, B. Thorpe. *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 137–146.

Введение. Этнокультурную идентичность большей части исконных жителей Британских островов принято называть англосаксонизмом¹. Его суть состоит в убеждении, что истоки британцев — этнические корни, культура, язык, основы политического

¹ У термина «англосаксонизм» есть несколько значений. В соответствии с одним из них, англосаксонизм определяется как идеология превосходства британской нации. Однако в данной статье автор, вслед за многими исследователями интеллектуальной истории британцев, использует слово «англосаксонизм» в другом значении — как осознание британцами своих этнокультурных корней, как основу их этнокультурной идентичности (ср. одно из определений данного слова в слова-

и религиозного устройства — берут начало в донормандском периоде истории Англии. Это отнюдь не самоочевидное утверждение, и оно формировалось постепенно, в результате сознательных усилий политиков, историков, филологов [Wood 2020; Niles 2015]. Камнем преткновения было осмысление последствий нормандского завоевания: можно ли говорить о непрерывной линии развития английской культуры и языка или историю современной Англии следует начинать с XI в.

Нормандское завоевание «расщепило» формирование этнической и культурной идентичности британцев. Германское происхождение большей части жителей Британских островов никогда не вызывало сомнений. Этническая близость британцев и германцев особенно активно подчеркивалась британскими интеллектуалами после восшествия на трон представителя ганноверской династии Георга I (1698). Нарратив о кровном родстве британцев и германцев продолжали развивать историки XIX в., причем германские корни были обнаружены и у самих нормандских завоевателей. В середине XIX в. влиятельный историк Т. Арнольд писал: «Наша английская раса — это германская раса, ибо хотя наши нормандские предки научились говорить на чужом языке, все же по крови, как мы знаем, они были братьями саксонцев, поскольку, как и они, были тевтонской, или германской, породы» [Arnold 1845: 26].

Однако родство по крови не влечет за собой автоматически культурную близость. Для многих британцев XVII–XVIII вв. и даже начала XIX в. было отнюдь не очевидно, является ли англосаксонское культурное наследие предметом национальной гордости, тем более что оно было во многом утрачено. В XVI в. древнеанглийский язык знали в той или иной степени только несколько человек — религиозный деятель Мэтью Паркер и его окружение [Niles 2015; Lucas 2024]. К XVIII в. ситуация несколько изменилась, во многом благодаря деятельности «оксфордских саксонистов» во главе с Дж. Хиксом [Германова 2023], но знакомство с текстами англосаксонского периода для большей части англичан было крайне затруднено. Многие представители британской культурной элиты предпочитали идентифицировать себя с Римом и Грецией как колыбелью европейской цивилизации, а не с культурой воинственных варваров [Германова 2025].

История формирования англосаксонизма демонстрирует процесс сознательного конструирования германской культурной идентичности британцев, подтверждая мнение социальных конструктив-

pe Merriam-Webster: the quality, qualities, traits, or outlook regarded as distinctive of the English or of the people of English descent).

стов о роли элит в формировании маркеров этнической принадлежности. Одним из таких маркеров является национальная литература. На стыке XVIII и XIX вв. менялось представление о границах национальной словесности в ее «горизонтальном» и «вертикальном» измерениях — то есть представление о ее составе и исторической глубине. Начиная с работ антиквариетов XVI–XVII вв. британские авторы акцентировали ценность знания древнеанглийского языка для чтения религиозных и политических трудов; с конца XVIII в. истории и антологии английской литературы начинают открывать британцам древнюю поэзию. Поэтические тексты на древнеанглийском языке и соответствующие исследования публиковались и ранее², но они были рассчитаны в основном на специалистов. В статье речь пойдет о работах, адресованных более широкой аудитории.

В XVIII в. вопрос о том, с какого века началась история английской литературы, решался по-разному. Создателем английской литературы и литературного языка нередко считали поэта XIV в. Дж. Чосера. «Чосер первым научил своих сограждан писать на английском», — писал Т. Уортон [Warton 1774: 344]. Характерно, что Чосера ценили не за самобытность, а как литератора, который благодаря знанию творчества Петрарки и Боккаччо и личному знакомству с Петраркой вписал английскую литературу в круг литературы европейской; через итальянских авторов протягивалась нить к античной культуре [Barrington 2024]. Дж. Свифт полагал, что расцвет английского языка и литературы начался в правление Елизаветы I (XVI в.). С. Джонсон начал «Жизнеописания поэтов» с А. Коули (XVII в.). Включение в историю английской литературы сначала раннего среднеанглийского, а потом древнеанглийского периодов существенно меняло картину развития английской словесности.

Т. Уортон и Дж. Эллис. Первой работой, представившей читателю историческое развитие английской литературы, стала «История английской поэзии, с конца XI до начала XVIII веков» Т. Уортона (1774–1781). Она включала поэтические произведения, как лирические, так и сатирические, средневековые рыцарские романы, жизнеописания святых и драматические произведения. Уортон приводил обширные цитаты из этих произведений, так что его труд отчасти выполнял задачи литературной антологии.

Для целей настоящей статьи наибольший интерес представляет первый том, охватывающий литературные произведения с конца XI века до (включительно) творчества Дж. Чосера. Уортон начинает

² Первая публикация древнеанглийской поэзии была осуществлена в 1655 г. Ф. Юниусом.

свою историю со времен после Нормандского завоевания. В Предисловии он признает, что отсутствие образчиков англосаксонской поэзии может вызвать критику, но указывает, что избранные временные рамки были сознательным выбором: «до нормандского завоевания мы были не сложившимся и неустроенным народом. Этот мощный переворот стер почти все связи с бывшими обитателями нашего острова и произвел кардинальные перемены в нашей политике, конституции, манерах, последствия чего ощущаются до сих пор» [Warton 1774: VI]. Уортон как представитель эпохи Просвещения смотрел на литературное прошлое своей страны снисходительно: «наши размышления на эту тему сопровождаются чувством осознанной гордости, вызванной в большой мере молчаливым осознанием неизмеримой разницы между слабыми усилиями далеких веков и современным прогрессом знаний» [там же: А].

Следующей важной работой, представлявшей английскую литературу в ее историческом развитии, стали «Образцы ранних английских поэтических произведений» Дж. Эллиса — историка, дипломата, члена парламента, друга и корреспондента В. Скотта. Эллис двигался в направлении, намеченном еще в 1765 г. в популярной в свое время антологии «Реликвии древней английской поэзии» Т. Перси. Первое издание увидело свет в 1790 г., оно включало только лирические произведения XVI–XVII вв. Второе издание вышло в 1801 г. За 10 лет, разделявшие эти публикации, Дж. Эллис радикально пересмотрел свой замысел: вместо одного тома читателям предлагалось трехтомное издание, и первым цитируемым произведением стала созданная в X в. «Ода в честь победы Этельстана» (более известная как «Битва при Брунанбурге»).

В предисловии Эллис скромно замечал, что не ставил своей целью превзойти Уортона и рассматривает свою антологию как «полезный указатель к его истории» [Ellis 1801: IX]. Работу Уортона он характеризовал как «весьма ученую и занимательную, хотя и несистематическую» [там же]; последнее замечание относилось к многочисленным отступлениям Уортона от хронологического принципа. Сам Эллис строго придерживался хронологии, положив в основу организации поэтического материала годы правления британских монархов.

Антология Эллиса начинается с рассуждений об истории английского языка; как и Уортон, он задается вопросом, в какой мере на древнеанглийский язык оказал влияние язык «нормандско-французский». С опорой на трактат Адама Смита «Соображения о происхождении и формации языков» Эллис очерчивает движение английского языка от синтетизма к аналитизму (разумеется, не употребляя этих еще не существовавших в его время терминов).

При составлении антологии для Эллиса был важен вопрос о том, чем отличалась в англосаксонский период поэзия от прозы. Не понимая ритмического строя древнеанглийской поэзии, он склонялся к мнению, что главным отличием древней поэзии может служить поэтическая лексика и «величественный» строй предложения, достигаемый инверсией.

Антология поделена на две части. Первая охватывает период с X в. по время правления Генриха VIII (1509–1547). В этой части выбор пал, как поясняет автор, на произведения, содержащие «живописное отображение... национальных манер» [Ellis 1801: VII]. Начиная с XVI в. в основу отбора легли эстетические достоинства произведений: Эллис, по его словам, отобрал «лучшие образцы... правильных и законченных произведений» [Ellis 1801: VIII]. Таким образом, именно XVI в. явился для Эллиса границей, отделявшей древнее искусство от современного. Дж. Чосер при этом попадает в раздел, посвященный старым авторам. Эллис не столь восторженно относился к этому поэту, как Т. Уортон, и привел диаметрально противоположные отзывы о нем. Он подчеркивал, что именно с Чосера началось увлечение латинизмами и витиеватым стилем, можно понять, что он не одобрял эти новшества и выступал против «романизации» стиля английской литературы.

Среди других публикаций Дж. Эллиса успехом пользовалась вышедшая в 1805 г. антология «Образцы ранних английских стихотворных средневековых романов» (*Specimens of Early English Metrical Romances*), высоко оцененная В. Скоттом. В нее вошли произведения с конца XIII в. до середины XIV в. Издание отражало растущий интерес к рыцарской культуре, который вылился в увлечение Средневековьем в эпоху романтизма в Великобритании второй половины XIX в. [Matthews 2015; Niles 2015].

«История англосаксов» Ш. Тернера. В «Истории англосаксов, с раннего периода до нормандского завоевания» (1799–1805) Ш. Тернера англосаксонской литературе впервые отводился особый, причем достаточно обширный раздел в последнем томе его труда (1805). Он выделял сочинения трех жанров: песни и баллады, лирические произведения и нарративные повествования типа средневековых романов. Последний момент особенно примечателен. В отличие от коллег, Ш. Тернер был знаком с текстом «Беовульфа» (очевидно, по рукописи, хранившейся в Британской библиотеке, так как первое, весьма несовершенное издание этой поэмы Г. Торкелина вышло только в 1815 г.) и первым познакомил читателей со своими переводами обширных отрывков из этой поэмы. Это было второе упоминание «Беовульфа» после того, как Х. Уэнли включил его в каталог древних рукописей, составивший второй том «Тезауруса Дж. Хикса».

Ш. Тернер не только приводит сведения о литературе древнейшего периода, но и дает ей эстетическую оценку, впрочем, достаточно невысокую: по его мнению, не следует путать древнюю поэзию с «восхитительными красотами, которые мы теперь называем поэзией» [Turner 1840: 162]. Характерными чертами древней литературы он считает широкое употребление метафор и перифраз. При этом метафоры автор называет «грубыми и несовершенными намеками» на сравнения; перифразы же, хотя и не добавляют ничего к содержанию, служат «излиянию сердца» [Turner 1840: 155]. Как и другие авторы этого периода, Тернер не понимал принципов аллитерационного стихосложения и полагал, что древние пытались усладить слух приятным ритмом, не опираясь ни на какие правила. Причину несовершенства древней поэзии Тернер видел в том, что «истинная поэзия — это детище утонченного разума» [Turner 1840: 162], а древние еще находились в варварском состоянии. Достижения англосаксов Тернер усматривал не в музыкальном или поэтическом творчестве, а в том, что им удалось заложить политические основы общества. Впрочем, древняя культура быстро развивалась, и Беда или Алкуин уже не уступали, по мнению Тернера, любому римскому или греческому автору.

Помимо «Беовульфа», Тернер рассматривает сохранившийся отрывок из поэмы «Юдифь» и произведения, приписываемые Кэдмону. Отдельный раздел отведен литературным сочинениям на латыни.

Дж. Ингрэм и Б. Торн. О том, что собственно поэтические особенности древних произведений, в том числе и «Беовульфа», на этом этапе оставались недооцененными, свидетельствует инаугурационная речь Дж. Ингрэма «О пользе англосаксонской литературы» (1807) [Ingram 1807]. Оксфордский профессор видит две причины изучать литературу англосаксов. Во-первых, знание древнеанглийского языка дает ключ к пониманию древних документов, проливающих свет на формирование английских законов, конституции и религии, корни которых уходят в донормандский период. Это рассуждение остается в рамках подхода, заложенного еще антиквариями.

Вторая причина лингвистическая: Ингрэм отмечает ценность древнеанглийского языка для философии языка, универсальной грамматики, а также «сравнительной анатомии языков мира». Отметим, что слова о сравнительной анатомии языков прозвучали в речи Ингрэма еще до появления программной работы Ф. Шлегеля «О языке и мудрости индийцев» (1808).

Очевидно, что для Ингрэма ядром английской словесности по-прежнему являлась не поэзия, а сочинения политического и религиозного характера. Более широкое понимание границ литературы

отличало Б. Торпа, ученика Расмуса Раска. Его антология древних текстов на десятилетия стала стандартным учебным пособием в Оксфорде. Она представляла читателям разнообразные древнеанглийские сочинения — отрывки из Святого писания, сочинения Эльфрика, переводы короля Альфреда («Об утешении философией» Боэция, «Церковная история английского народа» Беды, «История против язычников» Орозия), «Юдифь», «Историю Аполлония, царя Тира», тексты заговора и завещания и т. д. Порядок подачи текстов определялся постепенным усложнением языка, без разбивки на тематические или жанровые рубрики [Thorpe 1834].

Такой же многосторонней была и дальнейшая работа Б. Торпа — человека, который, по словам современного исследователя, прочитал больше, чем кто бы то ни было, древнеанглийских рукописей «слово за словом и букву за буквой» [Niles 2015: 229]. Его важнейшие труды, рассчитанные уже на специалистов, включают публикацию английских законов (1840), «Англо-саксонской хроники» (1861), издание и перевод «Беовульфа» (1855), публикацию древнеанглийской поэзии (1842), исследование скандинавской мифологии (1851), перевод Старшей Эдды (1866).

Заключение. Еще со времен антиквариев и «Тезауруса» Дж. Хикса нарратив о многовековой истории английского языка, которую не смогло прервать нормандское завоевание, стал одной из «скреп» англосаксонизма. Ценность знания древнеанглийского языка виделась поначалу в том, что оно открывало путь к древнеанглийским религиозным и политическим текстам, составившим, по мнению сторонников англосаксонизма, фундамент британских институтов. Поэтические тексты привлекли внимание филологов несколько позднее (исключением были части «Тезауруса» Хикса, посвященные древней поэзии). В конце XVIII — начале XIX вв. появились работы Т. Уортона, Дж. Эллиса, Ш. Тернера, Б. Торпа, представившие британскому читателю древнюю поэзию. При этом границы английской словесности — ее историческая глубина и охват произведений различных жанров — варьировали у разных авторов. Издания Т. Уортона и Дж. Эллиса охватили только поэзию раннего среднеанглийского периода, прорыв к древнеанглийской поэзии был осуществлен историком Ш. Тернером. Антология Б. Торпа, предназначенная для студентов Оксфорда, ограничена древнеанглийским периодом и охватывает как поэтические, так и прозаические тексты. Невысокая эстетическая оценка англосаксонской поэзии объяснялась непониманием принципов аллитерационного стихосложения и характерным для Просвещения высокомерным отношением к «варварским» древним народам.

Разработка истории британской литературы в конце XVIII — начале XIX вв. стала частью формирования культурной идентичности британцев, подтверждая мнение социальных конструктивистов о роли элит в конструировании маркеров этнической принадлежности. В итоге совместных усилий историков, политиков и лингвистов концепция исторического прошлого Англии, где ключевую роль играют германская «кровь» и англосаксонское культурное наследие, прочно утвердилась в общественном сознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Германова Н.Н.* Дж. Хикс и формирование германистики в Великобритании конца XVII — начала XVIII веков // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2023. № 4. С. 72–81.
2. *Германова Н.Н.* Лингвистика как инструмент формирования этнокультурной идентичности: истоки германистики в Великобритании // Этнопсихоллингвистика. № 1 (20). 2025. С. 7–23.
3. *Arnold Th.* Introductory Lectures on Modern History. Oxford, 1845.
4. *Barrington C.* The impossibility and promise of Chaucerian Medievalism // Medievalism and Reception. Ellie Crookes, Ika Willis (eds.). Cambridge, 2024. P. 24–39.
5. *Ellis G.* Specimens of the early English poets. To which is prefixed an historical sketch of the rise and progress of the English poetry and language. Vol.1. London, 1801.
6. *Ingram J.* An inaugural lecture on the Utility of Anglo-Saxon Literature. Oxford, 1807.
7. *Lucas P.J.* Printing Anglo-Saxon from Parker to Hickes and Wanley: With a Catalogue of Early Printed Books Containing Anglo-Saxon. 1566–1705. Leiden-Boston — Köln, 2024.
8. *Matthews D.* Medievalism: A Critical History, Cambridge, 2015.
9. *Niles J.D.* The Idea of the Anglo-Saxon England 1066–1901: Remembering, Forgetting, Deciphering, and Renewing the Past. Oxford, 2015.
10. *Thorpe B.* Analecta anglo-saxonica: a selection in prose and verse from Anglo-Saxon authors of various ages, with a glossary: designed chiefly as a first book for students. London, 1834.
11. *Turner Sh.* The History of the Anglo-Saxons from the Earliest Period to the Norman Conquest. Vol 3. Paris, 1840.
12. *Warton Th.* The History of English Poetry: From the Close of the Eleventh to the Commencement of the Eighteenth Century. Vol. I. London, 1774.
13. *Wood D.M.F.* Anglo-Saxonism and the Idea of Englishness in Eighteenth-Century Britain, 2020.

REFERENCES

1. *Guermanova N.N.* Dzh. Khiks i formirovanie germanistiki v Velikobritanii kontsa XVII – nachala XVIII vekovx [G. Hickes and the development Germanic studies in Great Britain at the end of the 17th and the beginning of the 18th centuries]. *Lomonosov Philology Journal*, 2023, no. 4, pp. 72–81. (In Russ.)
2. *Guermanova N.N.* Lingvistika kak instrument formirovaniya ehtnokul'turnoi identichnosti: istoki germanistiki v Velikobritanii [Linguistics as an instrument for constructing ethno-cultural identity in Great Britain]. *Ehtnopsikholingvistika*, no. 1(20). 2025, pp. 7–23. (In Russ.)

3. Arnold Th. *Introductory Lectures on Modern History*. Oxford: B. Fellowes, 1845, 316 p.
4. Barrington C. *The impossibility and promise of Chaucerian Medievalism*. Medievalism and Reception. Ellie Crookes, Ika Willis (eds). Cambridge: Boydell & Brewer, 2024, pp. 24-39.
5. Ellis G. *Specimens of the early English poets. To which is prefixed an historical sketch of the rise and progress of the English poetry and language*. Vol.1. London: Bulmer and Co, 1801, 406 p.
6. Ingram J. *An inaugural lecture on the Utility of Anglo-Saxon Literature*. Oxford: University press, 1807, 112 p.
7. Lucas P.J. *Printing Anglo-Saxon from Parker to Hickes and Wanley: With a Catalogue of Early Printed Books Containing Anglo-Saxon.1566–1705*. Leiden-Boston-Koln: BRIL, 2024, 736 p.
8. Niles J.D. *The Idea of the Anglo-Saxon England 1066–1901: Remembering, Forgetting, Deciphering, and Renewing the Past*. Oxford: Wiley Blackwell, 2015, 448 p.
9. Matthews D. *Medievalism: A Critical History*. Cambridge: D.S.Brewer, 2015, 211 p.
10. Thorpe B. *Analecta anglo-saxonica: a selection in prose and verse from Anglo-Saxon authors of various ages, with a glossary: designed chiefly as a first book for students*. London: John and Arthur Arch, 1834, 268 p.
11. Turner Sh. *The History of the Anglo-Saxons from the Earliest Period to the Norman Conquest*. Vol 3. Paris: Baudry's European library, 1840, 418 p.
12. Warton Th. *The History of English Poetry: From the Close of the Eleventh to the Commencement of the Eighteenth Century*. Vol. I. London: Dodsley, 1774, 468 p.
13. Wood D.M.F. *Anglo-Saxonism and the Idea of Englishness in Eighteenth-Century Britain*. Woodbridge: Boydell Press, 2020, 237 p.

Поступила в редакцию 25.03.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Отредактирована 01.08.2026

Received 25.03.2026

Accepted 16.06.2026

Revised 01.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Наталья Николаевна Германова — д.ф.н., доцент, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета; nata-germanova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia N. Guermanova — Prof. Dr., General and Comparative Linguistics Department, Moscow State Linguistic University; nata-germanova@yandex.ru

«СО СТОЛАМИ СИНИМИ, КАК ОТТЕНОК ИНДИГО»: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОНИРИЧЕСКОГО ПЕЙЗАЖА В СРЕДНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЕ «ЖЕМЧУЖИНА»

А.Л. Королева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; red.coral.reef@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена анализу пейзажа из видения героя среднеанглийской поэмы «Жемчужина». Данный пейзаж включает множество интересных особенностей, таких как серебряные листья деревьев, дно реки, устланное драгоценностями, и пр. Отмечается, что если некоторые из этих элементов можно связать с другими эпизодами поэмы или с существующими традициями, то синие стволы деревьев являются неожиданной деталью. В статье предпринимается попытка ответить на вопрос, чем мотивирован выбор такого образа. С этой целью анализируется употребление лексем, использованных для описания цвета стволов, а именно, “ynde” (индиго) и “blwe” (синий/голубой). Проведенный анализ позволяет сделать некоторые предположения. Во-первых, употребление лексемы “ynde”, которая в среднеанглийском могла означать как индиго, так и Индию, по всей видимости, должно было вызывать ассоциацию с заглавным образом поэмы — жемчужиной, так как индийские жемчужины считались наиболее ценными. Данная мысль подтверждается тем, что Восток в поэме упоминается в связи с драгоценностью несколько раз, в том числе — в той же строфе, в которой описываются деревья. Лексема “ynde” также употребляется непосредственно перед описанием жемчужных ворот Небесного Иерусалима, что усиливает ассоциативную связь с жемчужиной — героиней поэмы. С другой стороны, у средневекового читателя синий цвет должен был вызывать ассоциацию с Девой Марией. На важность этой связи в контексте поэмы, в частности, могут косвенно указывать случаи употребления лексемы “blwe”. В статье делается вывод, что синий цвет деревьев, вероятно, должен был подчеркивать ассоциацию между жемчужиной и Девой Марией, а также на образном уровне отражать проблематику поэмы.

Ключевые слова: средневековая литература; аллегорическая поэзия; «Жемчужина»; видение; пейзаж; синий цвет

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-12

Для цитирования: Королева А.Л. «Со стволами синими, как оттенок индиго»: о некоторых особенностях онирического пейзажа в среднеанглийской поэме «Жемчужина» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 147–155.

“WITH THE TRUNKS AS BLUE AS THE COLOR OF INDIGO”: ON SOME FEATURES OF THE VISION LANDSCAPE IN THE MIDDLE ENGLISH POEM “PEARL”

Alla L. Koroleva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; red.coral.reef@mail.ru

Abstract: The article analyzes the vision landscape from the Middle English poem “Pearl”. The vision landscape is an interesting research material, since it has a number of unusual features, such as trees with silver leaves, and a river, whose bottom is covered with precious gems. Some of the said features can be either connected to other episodes of the poem or attributed to existing traditions. However, the most unusual part of the landscape is its trees with blue trunks. The article attempts to find the motivation behind this choice. In order to do so, two lexemes have been analyzed that were used in the description: “ynde” and “blwe”. The assumption has been made that the use of the word “ynde” could be motivated by the association with the Pearl herself, since “ynde” could mean both the color indigo and India, and it was believed that the best pearls came from there. The association with the Pearl is reinforced, when the word occurs for the second time in the description of Jerusalem, before the mentioning of its gates made of pearls. At the same time, the blue color had a strong connection to Virgin Mary, and this link is supported by the contexts, in which the word “blwe” is used. It has been concluded that the color blue in the landscape was supposed to underline the connection between Pearl and Virgin Mary and reflect some of the important ideas of the poem.

Keywords: mediaeval literature; allegorical poetry; “Pearl”; vision; landscape; color blue

For citation: Koroleva A.L. (2026) “With the Trunks as Blue as the Color of Indigo”: On Some Features of the Vision Landscape in the Middle English Poem “Pearl”. *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 147–155.

Среднеанглийская поэма «Жемчужина» представляет собой интереснейший пример позднесредневековой аллегорической литературы. Анонимный автор от первого лица описывает утрату — потерю драгоценной жемчужины, за которой следует видение и встреча с «жемчужиной» в облике прекрасной девушки. И хотя поэма подвергалась разным интерпретациям, часть из которых идут вразрез с общепринятым взглядом [Hillman 1961: 82–83], а споры о ней ведутся уже больше века [Osgood 1906: xxviii–xxxvii; Schofield

1909: 82–83; Bishop 1968: 15], большинство исследователей согласны, что «жемчужина» — умершая в детстве дочь повествователя. На это намекают слова о том, что она была дорога ему «больше, чем тетя или племянница» (“Ho watz me nerre þen aunte or nece” [Pearl 1921: 22]), а также упоминание, что она умерла, не дожив до двух лет. Теперь девушка несет утешение скорбящему герою, рассказывая ему о своей загробной жизни среди других невинных душ.

Перед глазами повествователя проходят поочередно три пространства. Отправной точкой пути служит прекрасный сад, сочетающий черты *locus amoenus* и реминисценции из «Романа о Розе» [Pearl 1921: 119] с образом места скорби, утраты драгоценной жемчужины. Но когда герой засыпает, кажется, что пейзаж «удваивается» — дух рассказчика оказывается перенесен из прекрасного сада на берег реки. При этом разницу между двумя пространствами сложно не заметить — на смену вполне «реалистичному» пейзажу приходит потусторонний образ пространства с холмами из горного хрусталя, рекой с дном, устланным драгоценными камнями, и деревьями со стволами цвета индиго. Именно здесь герой встречает деву-жемчужину; здесь же разворачивается разговор между ними, занимающий центральное положение в поэме. Наконец, видение героя венчает Небесный Иерусалим, описание которого напрямую отсылает к тексту Апокалипсиса. Не в силах справиться со своими чувствами, рассказчик пытается перепрыгнуть поток, отделяющий его от небесного города и от девы-жемчужины, но такой дерзостный порыв заканчивается возвращением к началу — пробуждением в саду.

О символике и особенностях этих пространств написано немало. Так, статья Дж. Финлейсона «“Жемчужина”: пейзаж и видение» задает важный вектор соотнесения пространств и их описаний с состоянием и восприятием повествователя, этапами его духовного пути. Сменяющиеся образы показывают переход от природного к небесному, смысл которого рассказчик не может осознать в момент видения, что, в частности, соотносится с эмоционально отстраненным и скупым в художественном плане описанием Иерусалима [Finlayson 1974]. В похожем ключе предлагает трактовать пространственный мир поэмы и Э. Петрофф, отмечая, в частности, отсутствие в первом, «земном» пейзаже типичного для *locus amoenus* образа воды, что в символическом смысле соотносится с состоянием уныния, в котором находится рассказчик [Petroff 1981: 186]. Анализ образа Небесного Иерусалима представлен в статьях Р. Филд «Небесный Иерусалим в поэме “Жемчужина”» и С. Стэнбери «Тело и город в поэме “Жемчужина”». Как и Финлейсон, Р. Филд отмечает меньшую художественную выразительность в описании Иерусалима, но со-

относит ее с намеренным приемом ретардации; в статье также рассматривается ряд образов, связанных с описанием Иерусалима, скажем, подробному анализу подвергается описание раны Агнца [Field 1986]. В свою очередь, С. Стэнбери демонстрирует, как на образном уровне дева-жемчужина соотносится с Иерусалимом [Stanbury 1994].

Наше внимание, однако, особенно привлек второй, онирический пейзаж, хотя, как станет ясно далее, его анализ потребует обращения и к другим пространствам поэмы. Онирический пейзаж сразу выделяется своей необычностью, особенно по сравнению с предыдущим. Упоминание драгоценных камней, в том числе жемчуга, несомненно, встраивается в ряд ассоциаций вокруг заглавного образа поэмы. Однако можно предположить, что значение данного пространства и отдельных элементов этим не исчерпывается.

Первый вопрос, который возникает при чтении описания пейзажа, — почему он выглядит именно так? Если первый пейзаж отсылает к традиционному *locus amoenus* и саду из «Романа о Розе», то что должен означать более непривычный онирический пейзаж?

Во-первых, не будем забывать, что если первый пейзаж находился в пространстве земном, то второй представляет собой место, куда во сне переносится дух повествователя. Его необычные свойства связаны с традициями изображения потустороннего мира. Как показывает анализ корпуса видений, приведенный Жаком Ле Гоффом в книге «Средневековый мир воображаемого», необыкновенная, сказочная роскошь часто является атрибутом потусторонних пространств, в которые попадают переживающие опыт видений [Ле Гофф 2001: 143–144]. Впрочем, изобилие драгоценностей, «включенных» в пейзаж, отнюдь не является исключительно характеристикой пространств, предстающих в видениях, но и пространств иного мира в целом — скажем, герой среднеанглийского лэ «Сэр Орфео» видит замок из золота и драгоценных камней, который окружает стена из хрусталя. Интересные замечания и параллели изучаемому пейзажу приводит П.М. Кин в книге «Жемчужина: интерпретация». Исследовательница вполне обоснованно считает, что герой поэмы находится на подступах к Земному Раю — о чем свидетельствуют, в том числе, его собственные слова: «Forþu I þoȝt þat Paradyse // Watȝ þer o[u]er gayn þo bonkeȝ brade» [Pearl 1921: 14] — «Я подумал, что наверняка Рай лежит за этими широкими берегами». Она также проводит параллель с подобными путешествиями, во многих из них также фигурируют пейзажи, включающие драгоценные камни и металлы, — мы видим это в романах об Александре, и в «Путешествиях сэра Джона Мандевилля», и даже — здесь, разумеется, речь

уже о типологическом сходстве — в эпосе о Гильгамеше [Keen 1967: 98–99].

Таким образом, онирический пейзаж «Жемчужины» не является абсолютно уникальным — он связан с традиционными представлениями о потустороннем мире. Присмотримся, однако, повнимательнее к некоторым его элементам.

Драгоценные камни, помимо своей функции элемента потустороннего пейзажа, несомненно предвосхищают описание Иерусалима — достаточно сказать, что практически все упомянутые камни (за исключением горного хрусталя) фигурируют в обоих эпизодах. Так, берилл, изумруд и сапфир составляют основания города, а жемчужины служат воротами. Таким образом, в изображении Земного Рая уже проступает обещание Рая Небесного. История человечества умещается в перемещении — даже не героя, поскольку путь в Иерусалим для него закрыт, — но его взгляда.

Кроме камней в тексте упоминаются драгоценные металлы, но, что любопытно, они не составляют части пейзажа — с ними сравниваются те или иные его элементы (“As bornyst syluer þe lef onsydeð” [Pearl 1921: 84] — «похожие на полированное серебро, покачивались листья»; “As fyldor fyn her b[o]nkes brent” [Pearl 1921: 10] — «как полосы чистого золота, сияли берега»). Очевидно, эти образы призваны усилить ощущение нездешней красоты пейзажа, то впечатление, которое он производит на повествователя. Впрочем, упоминание золота может быть еще одним «предвосхищением» Иерусалима с его золотыми улицами.

Наконец, обратим внимание на еще одну крайне любопытную подробность: о деревьях говорится, что они были «со стволами синими, как оттенок индиго / индийский оттенок» — “Of bolleð as blwe as ble of ynde” [Pearl 1921: 8]. Пожалуй, перед нами самый загадочный элемент, поскольку он, как кажется, не связан ни с какой традицией, не усиливает ощущение богатства или красоты, в основном передающееся в эпизоде через образы сияния и света: сверкающие камни, «по сравнению с которыми солнце кажется блеклым» (“þe sunne bemeð bot blo & blynde // In respecte of þat adubbement” [Pearl 1921: 84]), блеск золота, серебра и стекла, с которыми сравниваются те или иные элементы пейзажа, огонь, с которым сравнивается окрас птиц (“Fowleð <...> // Of flaumbande hweð” [Pearl 1921: 10] — «Птицы <...> // Огненных оттенков»). Синие стволы не только вызывают удивление с точки зрения здравого смысла, но и выпадают из этого ряда образов сияния и света.

Для того, чтобы попытаться ответить на вопрос об истоках и значении этого образа, присмотримся внимательнее к лексемам, употребленным для описания цвета. Слово “ynde” могло означать

в среднеанглийском как цвет индиго, так и Индию — хотя под этим словом, как правило, подразумевали обширную территорию, включающую часть Китая [Middle English Dictionary 2000–2018]. Упоминание Индии в контексте поэмы сразу вызывает одну важную ассоциацию, а именно — ассоциацию с потерянной жемчужиной. Восточный жемчуг, в частности «индийский», считался наиболее ценным; образ восточных жемчужин возникает уже в третьей строке поэмы, а также — в той же строфе, где говорится о синих стволах. «Индийский синий», таким образом, оказывается связан с жемчужиной через ассоциацию с Востоком.

При этом слово “*ynde*” возникает в поэме всего два раза — в описании деревьев и в описании оснований Иерусалима. Так, о последнем основании города говорится, что оно сделано из «аметиста [цвета] фиолетового, смешанного с индиго» (“*Pe amatyst purple wyth ynde blente*” [Pearl 1921: 86]). В этом эпизоде также можно проследить определенную связь с жемчужиной — последнее основание города ведет к его стенам, а также, в конечном счете — к воротам, сделанным из жемчуга. Таким образом, цвет индиго снова оказывается связан с жемчугом, и на основании таких смысловых связей можно сказать, что он является в поэме еще одним (после белого) цветом девы-жемчужины.

К позднему Средневековью синий цвет стал не только восприниматься многими авторами как «самый прекрасный и благородный», но и обрел важную ассоциацию: синий стал цветом Девы Марии [Пастуро 2017: 48]. В этом контексте представляется интересным обратить внимание на употребление в поэме второго и более привычного для английского языка названия цвета — “*blwe*”. Кроме приведенной выше цитаты, эта лексема встречается в тексте дважды. Один раз это происходит практически в прямой связи с Девой Марией — повествователь изумленно спрашивает, не стала ли дева-жемчужина «королевой синих небес» (“*quene of heueneȝ blwe*” [Pearl 1921: 38]), ведь он всегда знал, что никто не может сравниться с Богородицей, которую «называют арабским фениксом» — “*We calle hyr Fenyx of Arraby*” [Pearl 1921: 38] (запомним это замечание). Еще один раз синий цвет возникает в первом пейзаже, где говорится, что цветы, увиденные повествователем, были белыми, красными и синими. Такой выбор цвета в контексте написанного выше кажется неслучайным: сочетание синего и красного также связано на символическом уровне с Девой Марией, в то время как белый — цвет самой жемчужины. Сравнение Девы Марии с фениксом тоже весьма интересно: дело в том, что средневековые ученые считали, что этимологически слово «феникс» означает «единственный, единый» [Исидор Севильский 2021: 311]. В то же время одним из слов для

обозначения жемчужины (в частности, скатного жемчуга) было *unio* — единая, единственная, поскольку существовало представление, что в ракушке может быть только одна жемчужина [Марбод Реннский 2000: 53].

Хотя мы не претендуем на то, чтобы однозначно утверждать, будто жемчужина, кроме всего прочего, является аллегорией Девы Марии, образная система поэмы выстраивает связь между ними, подготавливая почву для рассуждения о сложных соотношениях между «Королевой Куртуазии», как называют Марию в поэме, и «маленькой королевой»-жемчужиной, или невинной душой вообще: синий цвет отсылает к Деве Марии, при этом использование слова “*ynde*” невольно вызывает ассоциацию с самой жемчужиной через связь с Востоком.

Таким образом, онирический пейзаж в поэме не только создает у читателя ощущение нереальности и особенной, нездешней красоты, но и подготавливает явление Иерусалима, а также и самой девы-жемчужины. И драгоценные камни и металлы, и деревья с синими стволами встраиваются в сложную систему образов, концентрирующуюся вокруг жемчужины и ее различных атрибутов и характеристик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валафрид Страбон. Садик. Вандальберт Прюмский. О названиях, знаках зодиака, культурах и климатических свойствах двенадцати месяцев. *Марбод Реннский*. Лапидарий /Изд. подготовил Ю.Ф. Шульц. М., 2000.
2. Исидор Севильский. Этимологии. Книга XII: О животных /Пер. и ком. А. Гараджа // Платоновские исследования. 2021. № 15.2. С. 241–330.
3. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого /Пер. с фр., общ. ред. С.К. Цатуровой. М., 2001.
4. Пастуро М. Синий. История цвета /Пер. с фр. Н. Кулиш. М, 2017.
5. Bishop I. Pearl in its Setting: a Critical Study of the Structure and Meaning of the Middle English Poem. Oxford, 1986.
6. Field R. The Heavenly Jerusalem in Pearl // The Modern Language Review. 1986. Vol. 81, no. 1. P. 7–17.
7. Finlayson J. “Pearl”: Landscape and Vision // Studies in Philology. 1974. Vol. 71, no. 3. P. 314–343.
8. Kean P. M. The Pearl: An Interpretation. London, 1967.
9. Middle English Dictionary /Ed. Robert E. Lewis, et al. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1952–2001. Online edition in Middle English Compendium /Ed. Frances McSparran, et al. Ann Arbor, 2000–2018. [Online]. URL: <https://clck.ru/3SHcME> (accessed: 25.02.2026).
10. Pearl, an English Poem of the XIVth century /Ed. with modern rendering, together with Boccaccio's Olympia by Sir I. Pearl. London, 1921.
11. Petroff E. Landscape in “Pearl”: The Transformation of Nature // The Chaucer Review. 1981. Vol. 16, no. 2. P. 181–193.
12. Schofield W.H. Symbolism, Allegory, and Autobiography in the Pearl // PMLA. 1909. Vol. 24, no. 4. P. 585–675.

13. Stanbury S. The Body and the City in Pearl // *Representations*. 1994. no.48. P. 30-47.
14. The Pearl, a Middle English Poem /Ed. by Charles G. Osgood, Jr. Boston; London, 1906.
15. The pearl: Mediaeval text /With a literal transl. and interpretation by sister Mary Vincent Hillmann. Convent Station (New Jersey), 1961.

REFERENCES

1. Walafrid Strabon. Sadik [Garden]. Wandalbert of Prüm. O nazvaniyah, znakah zodiaka, kul'turah i klimaticheskikh svoystvah dvenadcati mesyacev [On the names, signs, times of planting, and qualities of weather of the twelve months]. Marbodius of Rennes. Lapidarij [Lapidary] /Ed. by Yu. F. Shul'c. Moscow, *Nauka Publ.*, 2000. 170 p. (In Russ.).
2. Isidore of Seville. Etimologii. Kniga XII: O zhivotnyh [Etymologies. Book XII: on animals] /Transl. and commentaries by A. Garadzha. Platonovskie issledovaniya [Platonic Investigations], 2021, no. 15.2. P. 241–330. (In Russ.).
3. Le Goff J. Srednevekovyy mir voobrazhaemogo [Medieval Imaginary] /Transl. from French and edited by S.K. Caturovoj. Moscow, *Izd. gruppa Progress Publ.*, 2001. 440 p. (In Russ.).
4. Pastoureau M. Sinij. Istoriya cveta [Blue. The History of a Color] /Transl. from French by N. Kulish. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2017. 144 p. (In Russ.).
5. Bishop I. Pearl in its Setting: a Critical Study of the Structure and Meaning of the Middle English Poem. Oxford, *Basil Blackwell*, 1986. 151 p.
6. Field R. The Heavenly Jerusalem in Pearl. *The Modern Language Review*, 1986, vol 81, no. 1, pp. 7–17.
7. Finlayson J. "Pearl": Landscape and Vision. *Studies in Philology*, 1974, vol. 71, no. 3, pp. 314–343.
8. Kean P. M. The Pearl: An Interpretation. London, *Routledge & Paul*, 1967. 246 p.
9. Middle English Dictionary /Ed. Robert E. Lewis, et al. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1952–2001. Online edition in Middle English Compendium /Ed. Frances McSparran, et al. Ann Arbor, *University of Michigan Library*, 2000–2018. [Online]. URL: <https://clck.ru/3SHcME> (accessed: 25.02.2026).
10. Pearl, an English Poem of the XIVth century /Ed. with modern rendering, together with Boccaccio's Olympia by Sir I. Pearl. London, *Humphrey Milford, Oxford U.P.*, 1921. 285 p.
11. Petroff E. Landscape in "Pearl": The Transformation of Nature. *The Chaucer Review*, 1981, vol. 16, no. 2, pp. 181–193.
12. Schofield W.H. Symbolism, Allegory, and Autobiography in the Pearl. *PMLA*, 1909, vol. 24, no. 4, pp. 585–675.
13. Stanbury S. The Body and the City in Pearl. *Representations*, 1994, no. 48, pp. 30–47.
14. The Pearl, a Middle English Poem /Ed. by Charles G. Osgood, Jr., Boston, London, *D.C. Heath and Co.*, 1906. 202 p.
15. The pearl: Mediaeval text. With a literal transl. and interpretation by sister Mary Vincent Hillmann, Convent Station (New Jersey), *College of Saint Elizabeth press*, 1961, 175 p.

Поступила в редакцию 10.03.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Отредактирована 01.08.2026

Received 10.03.2026

Accepted 16.06.2026

Revised 01.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Алла Львовна Королева — аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
red.coral.reef@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alla L. Koroleva — PhD student, Department of History of Foreign Literatures, Lomonosov Moscow State University; red.coral.reef@mail.ru

БОРИС ПИЛЬНЯК И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ РОМАН: О ПРЕДЕЛАХ СТИЛИЗАЦИИ ЖАНРА

Г.С. Прохоров

*Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна, Россия;
hoshea.prokhorov@gmail.com*

Аннотация: Производственная тематика пронизывает творчество Бориса Пильняка, однако системное сопоставление произведений этого автора с развившимся в раннем СССР жанром производственного романа до сих пор не осуществлено. Цель настоящей статьи — рассмотреть принципы поэтики романа «Созревание плодов» (1936) на фоне жанровых паттернов производственного романа. Мы показываем, что роман Пильняка фундаментально отличается от образцов жанра в плане идеологии, хотя сопоставим с ними в принципах сюжетосложения, отборе ситуаций, коллизий и событий, изображении героев. Прежде всего в «Созревании плодов» отсутствует отношение нарратора и других персонажей к герою-пролетарию как к носителю образцовых точек зрения и ценностей, которые можно лишь принять и разделить. Наоборот, герой-пролетарий изображен зачастую в ироническом свете. Он предстает человеком хорошим, но лишенным культуры, к получению которой совершенно не стремится. Его кругозор обрублен верностью идеологии. В своем романе Пильняк усвершенствование человека и общества связывает не с Революцией и борьбой за радикальное обновление, а с независимым течением потока истории и жизни. Пильняк заимствует из производственного романа отдельные узнаваемые элементы, которые вводит в «Созревание плодов». В результате художественного эксперимента рождается стилизация, в которой фундаментальные грани установлены в рамках модернистской парадигмы. Взаимодействие с влиятельным советским жанром оказывается продуктивным, но кроме того, оно подчеркивает справедливость мысли М.М. Бахтина, что центром любого жанра служит тема, а не формальные характеристики.

Ключевые слова: Борис Пильняк; «Созревание плодов»; производственный роман; стилизация жанра; промышленный прогресс vs преобразование человека; тема и идеология

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-13

Для цитирования: Прохоров Г.С. Борис Пильняк и производственный роман: о пределах стилизации жанра // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 156–165.

BORIS PILNYAK AND THE SOVIET INDUSTRIAL NOVEL: ON LIMITS OF STYLIZATION OF A GENRE

George S. Prokhorov

State University of Social Studies and the Humanities, Kolomna, Russia;
hoshea.prokhorov@gmail.com

Abstract: The works of Boris Pilnyak (1894–1938), a prominent figure in early Soviet literature, showcase a diverse array of industrial themes. However, the relationship between his novels and the conventions of the Soviet industrial novel has not been thoroughly examined. This article analyzes *A Fruit Ripening* (1936) to compare its poetics with the defining characteristics of the genre. While the narrative and character ensemble align *A Fruit Ripening* with industrial novels, the ideological stance of Pilnyak's work diverges significantly from typical representations. Neither the narrator nor the other characters of the novel regard Yakov Lukich Sinitsyn, a worker, as a bearer of *higher* values and perspectives which must be universally accepted. In fact, the portrayal of the worker often carries an ironic undertone. Furthermore, Pilnyak does not associate social or personal progress with the Revolution and the struggle for radical transformation; rather, he sees a brighter future coming independently just from a stream of history and life. Pilnyak creates his *A Fruit Ripening* as a stylization of an industrial novel, thus, he incorporates recognizable elements from the genre while being ideologically and thematically rooted in a modernist framework. This stylization underscores Mikhail Bakhtin's vision that the essence of any genre lies in its thematic issues and ideological underpinnings, rather than merely in its formal characteristics.

Keywords: Boris Pilnyak; *A Fruit Ripening*; industrial novel; stylization of a genre; industrial vs. human progress; ideology and the genre

For citation: Prokhorov G.S. (2026) Boris Pilnyak and the Soviet Industrial Novel: On Limits of Genre Stylization. *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 156–165.

После революции 1917 г. в России развивается жанр производственного романа. Его «внутренняя мера» (Н.Д. Тамарченко) включает особого героя — преобразователя действительности [Гаганова 2020б: 23–24; Гаганова 2020а: 31; Никонова 2020: 45], общую сюжетную ситуацию — советский человек ударным трудом и научными знаниями порождает «рукотворное чудо» [Гаганова 2020а: 30]. В 1920–1930-е гг. жанр обладает массовостью [см. Земскова 2016: 231–233].

Промышленная тематика характерна для произведений Бориса Пильняка. «Машины и волки», «Волга впадает в Каспийское море», «Мясо» (последний, созданный в соавторстве с А.Р. Беляевым роман) содержат образы заводов и фабрик, где обитает обновленный Революцией человек. Аналогичная топка произывает путевые очер-

ки — «Корни японского солнца» или «Таджикистан — седьмая советская» [Пильняк 2004: 18, ср.: 98–100; Пильняк 1931: 59]. Советская власть пришла в Таджикистан, и там, где все подчинялось религиозным нормам, вдруг появляется современная промышленность. Она трансформирует регион: экономически — разработка полезных ископаемых дает импульс для развития народного хозяйства; политически — на авансцену выходят не связанные с локальной аристократией люди; социально — промышленная трансформация вытесняет тысячелетние традиции [ср. Мироненко 2017: 15–18].

Парадокс: Пильняк не назывался среди авторов производственных романов, хотя тема *Пильняк и Революция* широко дебатировалась прижизненной критикой [Гофман 1928: 7; Горбачев 1928: 67–70] и в целом Пильняк рассматривался как советский писатель [Троцкий 2023: 47], причем видное место Пильняка среди литераторов 1920–1930-х гг. не оспаривалось. Как автора производственных романов Пильняка начнут обсуждать лишь в 2000-х гг. [Халва 2011: 44; Трофимов 2007: 154–155], впрочем, без анализа степени соответствия его произведений жанру. Насколько романы Пильняка соответствуют модели?

Роман «Созревание плодов» (1936) открывается повествованием о производстве газеты. Процесс, потенциально творческий, описан как технологический: «За окном на тесном дворе зисы разгружались рулонами свежей бумаги и грузились газетными тюками. Свежая бумага привозилась с вокзалов, газетные тюки шли на вокзалы — семь вагонов бумаги и полторы тысячи килограммов типографской краски в дневном выпуске газеты» [Пильняк 1994: 39]. Многочисленные «бумага привозилась» и «тюки шли» подчеркивают механизированную сущность производства, в центре которого — труд рабочих: «...у ротационнок работали рабочие-металлисты так же, как они работали б около фрезеров и штамповальных машин в любом холодном цехе машиностроительного завода, — в стереотипном цехе работали литейщики, как они работали б в любом горячем цехе металлургического завода» [Пильняк 1994: 41–42]. Издательство — разновидность завода. Оно состоит из цехов, их назначение — выпуск конечной продукции [Пильняк 1994: 40].

Ротационные машины и прочие станки создают материальный носитель издания. А как же корреспонденты, редакторы, корректоры, порождающие смыслы и тексты? Редакция — просто еще один цех. Автор не отделяет творчество журналистов от труда технических сотрудников. «Номер на завтра принимал свои формы. Отделы получали свои количества строчек и темы. Подвалы извлекались из запаса. Сотрудники расходились по кабинетам приводить темы и строчки в порядок. Иные садились писать. Иные диктовали. Иные

рылись в письменных столах. Телеграф и телефон продолжали приносить события Японии, Америки, Днепропетровска, острова Колгуева, съезда геологов в Мурманске...» [Пильняк 1994: 43]. Журналисты работают так же мерно, планоно, как и рабочие типографских цехов. Труд журналистов так же продиктован внешней необходимостью, ограничениями — нормами выработки, сроками. Как рабочий обрабатывает и трансформирует материю, так и журналист — идеологию и жизнь страны. Рабочий использует станки и всевозможные машины, журналист — телеграф, телефон, перо, чернила. Издательство, как его рисует в «Созревании плодов» Пильняк, органически объединяет журналиста и технического сотрудника. Оба в равной мере вложились в общее дело; вышедшая в свет газета — производная их совместных усилий. Ни у кого нет права на конечный продукт. Роман не просто демонстрирует равенство физического и интеллектуального труда в коллективном деле, он констатирует процесс формирования коллективной собственности, о которой некогда писал еще Прудон: «В силу того что человеческий труд неизбежно является результатом коллективной силы, всякая собственность, и по той же причине, должна быть коллективной и нераздельной; иными словами, труд уничтожает собственность» [Прудон 1998: 200]. (Идея о нераздельно коллективной собственности, порожденной коллективной природой труда рабочих, быть может, единственное из высказанного Прудоном, что не вызывало отторжения ни у Маркса, ни у Ленина.)

Заводской характер предоставляет газете стандартное для любого индустриального производства преимущество — максимальное масштабирование итоговой продукции, так что «...в тысяче километров от Москвы, в одинаковой мере на Востоке иль Западе, на Севере иль Юго-Востоке, двое сидели в полуметровом расстоянии от лошадиного хвоста. <...>. Предколхоза открыл газету. <...> Его глаза сделались и веселыми и испуганными одновременно, никак не утомленными.

— О нас! — о нас написано?! — сказал он и испуганно и радостно» [Пильняк 1994: 44].

Став заводом, газета обрела способность достичь любого уголка мира, пронизать его новостным потоком, оказать влияние.

В описании жизни издательства Пильняк предстает вполне советским автором: мысль об индустриализированном, промышленном литературном труде витала в воздухе: «вся безымянная газетная масса, от рабкора до центрального передовика — это коллективный Толстой наших дней» [Третьяков 2000: 33].

Пильняка и канонические образцы жанра производственного романа различает идеология — разница в понимании природы

Революции, рабочего движения, смысла и назначения индустриального мира [ср. Троцкий 2023: 70]. Пильняк не воплощает ведущую и направляющую роль рабочего, не принимает мировоззрение пролетариата как обязательную для всех и каждого камертонную ноту ля.

Главный герой «Созревания плодов» — журналист газеты «Известия» Сергей Иванович Арбеков — едет в Иваново-Вознесенские земли, где собирается провести отпуск с семьей и собрать впечатления к будущему роману. Регион интересует его как родина первого Совета [Пильняк 1994: 309–310, ср. 262–265], впрочем, он желает «видеть всю область» [Пильняк 1994: 248], в том числе и монастыри, затерявшиеся в лесах «старейших русских Володимирско-Суздальских земель» [Пильняк 1994: 248]. Арбеков едет наблюдать за напластованием отживающего старого и рождающегося нового, за совершающимся преобразованием мира. Вместе с Арбековым путешествуют Яков Андреевич Сеницын и Павел Павлович Калашников. Первый — рабочий, автомобилист, истинный пролетарий. Второй — реставратор, для которого еще не кончилась древняя Русь. Примечательны отношения внутри трио. Арбекова и Сеницына связывает дружба. Привлекает Сеницын и как возвращенный Революцией человек [Пильняк 1994: 260]. Однако точка зрения Сеницына не предстает для Арбекова последней истиной. Образ пронизан иронией: «Яков Андреевич подержал в руках череп [Андрея Боголюбского], взвешивая его, положил на место и молвил, обращаясь к Арбекову: “А как вы думаете, Сергей Иванович, мы бы с одним нашим автомобилем — завоевали бы все боголюбское царство? — я бы взялся”» [Пильняк 1994: 254–255]. Энтузиазм и решительность заметны и похвальны. Сценография же отсылает к известному эпизоду «Гамлета», чего лишь Яков Андреевич не ощущает, поскольку безразличен к древностям и невежественен, а кругозор ограничен верностью рабочему классу и коммунистической идеологии. Что не ведет к коммунизму, то и ценности для героя не представляет: «Заедем в Углич, обследуем, как его там затапливают» [Пильняк 1994: 452], — он предлагает Арбекову в финале. Яков Андреевич не замечает узости своего кругозора. Уверенный в собственной эталонности, он постоянно «задирает» менее идеологически выдержанных героев, например реставратора Калашникова. В отличие от Сеницына, реставратор Калашников не близок Арбекову в человеческом плане. Указания на анахроничность и чуждаковатость пронизывают этот образ: «Он заговорил языком семнадцатого века. Было совершенно ясно — знаток, человек призвания, — Алеша, что ли, Карамазов? — и это в тридцать пятом году...» [Пильняк 1994: 251]. Однако Арбеков и Калашников сближены мировоззрением — чувством

истории как непрерывного и всеобъединяющего потока: «В туманах растворялась поэзия. Туманы — русалочьи косы — напоминали о русском дохристианском фольклоре. <...>. Костры сказывали о владимирских преданиях. Павел Павлович узревал за кострами, в костровом дыме, русалок, о чем и говорил. У одного из костров оставались охладить машину и поест. *И слушали историю царя Ивана*» [Пильняк 1994: 252–253]. Машина предстает обществом в миниатюре, а писатель Арбеков еще по пути в Иваново-Вознесенские земли окружен в лице Синицына и Калашникова прошлым и будущим. Впрочем, ход сюжета скорее развенчивает справедливость взгляда на мир в духе «оси истории» К. Ясперса.

Палех — сюжетный центр романа [Трофимов 2007: 155]; локус, в котором не замещаются, а сливаются древность и современность, работники физического труда и художники. Вопреки ожиданию, Арбеков обнаруживает не умирающий маленький и косный провинциальный городок, а сообщество, успешно входящее в советскую реальность. В голодном и холодном 1922 г. обитатели, действительно, «...затруднялись решить, что лучше — искусство или валянье валенок» [Пильняк 1994: 121], только валяние валенок, как открывается Арбекову, — отнюдь не отказ от искусства. Артельщики не разделяют искусство и ремесло, понимая под искусством мастерство, добытое упорным трудом и приносящее окружающим пользу [Пильняк 1994: 121, ср.: 157]. Искони артель богомазов жила поиском и выражением прекрасного в жизни, а не пропагандой религиозности или службой господствующим классам. На протяжении веков понимание прекрасного было связано с религией. Революция отказалась от такого понимания красоты и прервала исторически сложившуюся направленность артели. Однако Революция не отменила потребность людей в красоте. Эта продолжающаяся потребность связывает эпоху после и до Революции: «Неужели мы, со своими кисточками и красками, не можем быть полезными для трудовой власти?» — и послереволюционный Палех осваивает новую, более созвучную эпохе продукцию, которая в то же время продолжает ремесло и традиции артели: «Заслуженный деятель искусства Котухин написал заседание сельсовета экспозициями тайной вечери...» [Пильняк 1994: 318]. В Палехе Арбеков осознает, что советская власть и первый большевистский совет родились из народного духа; что самые передовые московские «ноу-хау» (то же промышленное газетное издательство) продолжают традиционную русскую артель [ср. Пильняк 1994: 252–253].

Советский производственный роман сплавляет романтические и реалистические установки, изображает предельный по напряжению и героизму порыв героев к светлому будущему, к высокой, но

посюсторонней цели [Добренко 1992: 24–26]. Вопреки модели, Пильняк не выражает взаимосвязь технического, политического и общественного прогресса. В «Созревании плодов» мы скорее видим, как меняются детали общественной жизни, но в целом человек и община пребывают неизменными. Революция у Пильняка — не решительный бой во имя будущего, а течение истории, реконфигурация заостренных форм. Росписи Палеха и газета «Известия», советская журналистика и традиционная иконопись предстают явлениями одного порядка, ибо они результат труда рабочего — рабочего древности и современности. Фокусировка отделяет Пильняка от жанровых установок производственного романа. Отделяет и тон, который в романе «Созревание плодов» отчетливо пасторален. (Неслучайно общее восприятие критиками 1920–1930-х гг. Пильняка как «мужиковствующего» писателя: [Троцкий 2023: 72; Воронский 1928: 408]). В результате производственный роман Пильняка изображает Революцию весьма «еретически». Она, конечно, дверь в «золотой век», но через возвращение к естественному, искаженному «петровским периодом» потоку истории (о напластовании в романе сцен из разных времен — см.: [Трофимов 2007: 158–161]). По мысли А.К. Воронского, Революция ценна для Пильняка, ибо «[п]ришибленный, веками увечимый раб с Октябрем встал в рост, человеком, и отсюда его гордость, его национальное сознание, его патриотизм...» [Воронский 1928: 416]. В то время как для идеологов раннего СССР «...пролетарская революция может быть технически и культурно завершена и оправдана только через электрификацию, а не через возвращение к лучине, через материалистическую философию действенного оптимизма, а никак не через лесные суеверия и застойный фатализм» [Троцкий 2023: 72].

Промышленная тематика занимает прочное место в художественном мире Пильняка. Равным образом его произведения локализованы в постреволюционном мире, причем принадлежность к данной эпохе значима для автора. Однако производственные романы Пильняка — стилизации советского жанра. В них присутствуют наиболее узнаваемые элементы производственного романа, но не реализована его идеология. Стилизация Пильняка скорее продолжает свойственную модернизму увлеченность технологиями и экспериментом. Собственно, Пильняк и продельывает эксперимент: он берет популярный и продуктивный жанр, который получает обработку в сторону от канонических требований [ср. Магомедова 2018: 121–125]. Сюжетных параллелей и набора героев явно недостаточно для образования производственного романа, что заставляет вспомнить мысль М.М. Бахтина о первичной тематичности жанра. Кроме того, идеологическое отличие стилизаций Пильняка от норм жанра при-

вело к резко негативным оценкам советских литературных критиков, увидевших в романах Пильняка искажающую реальность диверсию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронский А.К. Литературные портреты: в 2 т. Т. 1. М., 1928.
2. Гаганова А.А. Лейтмотив канонического текста советского производственного романа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020а. Т. 13. № 6. С. 29–36.
3. Гаганова А.А. Типология образа героя производственного романа 1920–1970-х гг. на материале русской литературы советского периода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020б. Т. 13. № 2. С. 18–24.
4. Горбачев Г. Творческие пути Пильняка // Борис Пильняк. Статьи и материалы. Л., 1928. С. 45–74.
5. Гофман В. Место Пильняка // Борис Пильняк. Статьи и материалы. Л., 1928. С. 5–44.
6. Добренко Е. «Правда жизни» как формула реальности // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 4–26.
7. Земскова Д.Д. Советский производственный роман: Эволюция и художественные особенности жанра: Дисс. ... к. филол. н. М., 2016.
8. Магомедова Д.М. Переписывание сюжета о «новых людях» в русской прозе конца XIX — начала XX в.: (В.В. Вересаев и З.Н. Гиппиус) // Новый филологический вестник. 2018. № 2(45). С. 118–127.
9. Мироненко С.Н. Очерк попутчика: Борис Пильняк, факты и мифы советизирующегося Таджикистана // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 1 (37). С. 13–19.
10. Никонова Т.А. «Производственный» роман 1930-х годов в поисках «новой» художественности // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. 2020. № 3. С. 44–48.
11. Пильняк Б.А. Корни японского солнца. М., 2004.
12. Пильняк Б.А. Созревание плодов // Пильняк Б.А. Сочинения: в 3 т. Т. 2. М., 1994. С. 242–452.
13. Пильняк Б.А. Таджикистан — седьмая советская. Очерки: материалы к роману. Л., 1931.
14. Прудон П.Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти; Бедность как экономический принцип; Порнократия, или Женщины в настоящее время. М., 1998.
15. Третьяков С. Новый Лев Толстой // Литература факта: первый сборник материалов работников ЛЕФа. М., 2000. С. 29–33.
16. Трофимов И.В. Палех в романе Б. Пильняка «Созревание плодов» // Б.А. Пильняк. Исследования и материалы. Вып. 5. Коломна, 2007. С. 154–163.
17. Троцкий Л.Д. Литература и Революция. М., 2023.
18. Халва Х. Адам и Ева в башенном саду: Повторение или обещание // Б.А. Пильняк. Исследования и материалы. Вып. 6. Коломна, 2011. С. 40–47.

REFERENCES

1. Voronskii A.K. *Literaturnye portrety: v 2 t.* [Literary portrayals: in 2 vols]. Vol. 1, Moscow, *Federatsiya Publ.*, 1928, 471 p. (In Russ.)

2. Gaganova A.A. Leitmotiv kanonicheskogo teksta sovetskogo proizvodstvennogo romana [Canonical text leitmotif of the Soviet industrial novel]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2020, vol. 13, № 6, p. 29–36. (In Russ.)
3. Gaganova A.A. Tipologiya obraza geroya proizvodstvennogo romana 1920–1970-kh gg. na materiale russkoi literatury sovetskogo perioda [Typology of protagonists' images in the industrial novel of the 1920–1970s based on the material of the Russian literature of the Soviet period]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2020, vol. 13, № 2, p. 18–24. (In Russ.)
4. Gorbachev G. Tvorcheskii puti Pil'nyaka [Boris Pilnyak's progress]. *Boris Pil'nyak. Stat'i i materialy* [Boris Pilnyak. Research and sources]. Leningrad, *Academia Publ.*, 1928, p. 45–74. (In Russ.)
5. Gofman V. Mesto Pil'nyaka [Pilnyak in the Russian literature]. *Boris Pil'nyak. Stat'i i materialy* [Boris Pilnyak. Research and sources]. Leningrad, *Academia Publ.*, 1928, p. 5–44. (In Russ.)
6. Dobrenko E. «Pravda zhizni» kak formula real'nosti [«Truth of life» as a set form of the reality]. *Voprosy literatury*, 1992, № 1, p. 4–26. (In Russ.)
7. Zemskova D.D. *Sovetskii proizvodstvennyi roman: Evolyutsiya i khudozhestvennye osobennosti zhanra: Diss. ... k. filol. n* [The Soviet industrial novel: Development and poetics of the genre. PhD Thesis]. Moscow, *MSU Publ.*, 2016, 247 p. (In Russ.)
8. Magomedova D.M. Perepisyvanie syuzheta o «novykh lyudyakh» v russkoi proze kontsa XIX — nachala XX v.: (V.V. Veresaev i Z.N. Gippius) [Rewriting of the plot about the «New People» in Russian literature at the turn of the 20th century (V.V. Veresayev and Z.N. Gippius)]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2018, № 2(45), p. 118–127. (In Russ.)
9. Mironenko S.N. Ocherk poputchika: Boris Pil'nyak, fakty i mify sovietiziruyushchegosya Tadjikistana [A co-traveler's essay: Boris Pilnyak, facts & myths of sovietizing Tajikistan]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, № 1(37), p. 13–19. (In Russ.)
10. Nikonova T.A. «Proizvodstvennyi» roman 1930-kh godov v poiskakh «novoi» khudozhestvennosti [«Production» novel of the 1930s in search of «new» artistry]. *Vestnik VGU. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*, 2020, № 3, p. 44–48. (In Russ.)
11. Pil'nyak B.A. *Korni yaponskogo solntsa* [The roots of the Japanese sun]. Moscow, *Tri kvadrata Publ.*, 2004, 330 p. (In Russ.)
12. Pil'nyak B.A. Sozrevanie plodov [A Fruit Ripening]. Pil'nyak B.A. *Sochineniya: v 3 t.* [Works in 3 vols]. Vol. 2, Moscow, *Lada M Publ.*, 1994, p. 242–452. (In Russ.)
13. Pil'nyak B.A. *Tadjikistan — sed'maya sovetskaya. Ocherki: materialy k romanu* [Tajikistan, the Seventh Soviet Republic. Sketches to the novel]. Leningrad, *Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade Publ.*, 1931, 120 p. (In Russ.)
14. Proudhon P.J. *Chto takoe sobstvennost'? ili Issledovanie o printsipe prava i vlasti; Bednost' kak ekonomicheskii printsip; Pornokratiya, ili Zhenshchiny v nastoyashchee vremya* [What Is Property? Or an inquiry into the principle of right and might; Poverty as an economic principle; The Pornocracy or the women in modern times]. Moscow, *Respublika Publ.*, 1998, 367 p. (In Russ.)
15. Tret'yakov S. *Novyi Lev Tolstoy* []. *Literatura fakta: pervyi sbornik materialov rabotnikov LEFa* [The literature of fact: First collection of articles of the LEF workers]. Moscow, *Zakharov Publ.*, 2000, p. 29–33. (In Russ.)
16. Trofimov I.V. Palekh v romane B. Pil'nyaka «Sozrevanie plodov» [Palekh in Boris Pilnyak's novel *A Fruit Ripening*]. *B.A. Pil'nyak. Issledovaniya i materialy* [Boris Pilnyak: Research and sources], vol. 5. Kolomna, *MGOSGI Publ.*, 2007, p. 154–163. (In Russ.)

17. Trotsky L.D. *Literatura i Revolyutsiya* [Literature and revolution]. Moscow, AST Publ., 2023. 512 p. (In Russ.)
18. Khalva H. Adam i Eva v bashennom sadu: Povtorenie ili obeshchanie [Adam and Eve in garden packed with building cranes: Repetition or renewal]. *B.A. Pil'nyak. Issledovaniya i materialy* [Boris Pilnyak: Research and sources]. Vol. 6, Kolomna, MGOSGI Publ., 2011, p. 40–47. (In Russ.)

Поступила в редакцию 17.08.2025

Принята к публикации 16.06.2026

Отредактирована 01.08.2026

Received 17.08.2025

Accepted 16.06.2026

Revised 01.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Георгий Сергеевич Прохоров — д.ф.н., доцент, профессор кафедры русского языка и литературы филологического факультета Государственного социально-гуманитарного университета; hoshea.prokhorov@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

George S. Prokhorov — Prof. Dr., Department of Russian Language and Literatures, State University of Social Studies and Humanities; hoshea.prokhorov@gmail.com

СУДОПРОИЗВОДСТВО И ЛИТЕРАТУРА: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В ПРОЗЕ Л.Н.АНДРЕЕВА

Ли Мэнья

*Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай;
125159203@qq.com*

Аннотация: Статья посвящена изучению корреляции между внелитературной юридической практикой Леонида Андреева и особенностями его художественного метода. Цель работы — выявить степень влияния профессионального опыта писателя на стилистику, проблематику и аксиологические ориентиры его прозы. В основе методологии исследования лежит биографический метод в сочетании с компаративным и структурно-смысловым анализом текста. Особое внимание уделяется рассмотрению газетных очерков Андреева в рубрике «Из зала суда» и их сопоставлению с его художественными произведениями.

В статье последовательно анализируется структура взаимодействия «человек — закон» в творчестве автора. Автор приходит к выводу, что работа в суде в качестве помощника присяжного поверенного сформировала устойчивый «гуманистический фундамент» в мировоззрении Андреева. Это выразилось в устойчивой повествовательной позиции «защитника», которую писатель занимает по отношению к своим персонажам перед лицом рока, социума или обстоятельств. Кроме того, в статье демонстрируется, как особенности судебного красноречия и адвокатской риторики трансформировались в специфический стиль андреевской прозы, отмеченный повышенной экспрессивностью и драматизмом. В работе подробно рассматривается, каким образом синтаксическое нагнетание, лексические повторы и градация, характерные для адвокатской речи, становятся инструментами художественного воздействия на читателя. Для выявления типологических связей в работе проводится сопоставительный анализ произведений Андреева с текстами Достоевского и Набокова, также затрагивающими судебно-юридическую проблематику. Особое внимание уделяется тому, как каждый из авторов решает вопросы вины, справедливости и беззащитности человека перед законом. В результате исследования доказывается, что юридическая карьера стала не просто фактом биографии, а ключевым структурообразующим элементом поэтики Леонида Андреева, определившим его тематические пристрастия и повествовательные стратегии.

Ключевые слова: литература; Леонид Андреев; гуманизм; смертная казнь; юриспруденция; суд; адвокат; Набоков; Достоевский

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-14

Для цитирования: Ли Мэнья. Судопроизводство и литература: юриспруденция в прозе Л.Н. Андреева // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 166–173.

LAW AND LITERATURE: LEGAL PRACTICE IN LITERARY WORKS OF L.N. ANDREEV

Li Mengya

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China; 125159203@qq.com

Abstract. This article examines the connections between Leonid Andreev's professional legal career and his literary work. The writer received a formal legal education and gained practical experience as a court correspondent for the newspaper *Courier*, where he authored the column "From the Courtroom" and published fiction. He also participated in legal proceedings as an assistant sworn attorney, gaining direct experience with courtroom practice. His involvement in legal activities significantly influenced his prose, affecting both his stylistic approach — through the incorporation of rhetorical strategies characteristic of legal advocacy — and his philosophical outlook, as he often assumed the role of a "defender" of individuals standing before the metaphorical "court" of society. This legal background helped shape the humanistic foundation of his worldview.

The article employs biographical, comparative, and structural-semantic analysis to examine the "man versus law" dynamic in Andreev's work. The study traces how Andreev transformed his courtroom observations into literary plots, drawing direct parallels between his newspaper reports and subsequent fiction. Special attention is paid to the syntactic features of his prose, including emotional intensification, lexical repetitions, and gradation, which originate from legal rhetoric. It also offers a comparative analysis of Andreev's texts with those of Fyodor Dostoevsky and Vladimir Nabokov that address similar legal and judicial themes, revealing how each writer approaches questions of guilt, justice, and human vulnerability before the law. The findings demonstrate that Andreev's legal career was not merely a biographical detail but a fundamental structuring element of his poetics, shaping his narrative perspective, ethical concerns, and literary style. His experience as a legal professional provided both thematic material and a distinctive rhetorical framework that permeates his fictional writing.

Keywords: literature; Leonid Andreev; humanism; capital punishment; law; court; lawyer; Nabokov; Dostoevsky

For citation: Li Mengya (2026). Law and Literature: Legal Practice in Literary Works of L.N. Andreev. *Lomonosov Philology Journal*, no 5, pp. 166–173.

В современной научной критике популярен подход к изучению художественных текстов по внелитературной профессиональной сфере писателя. Например, можно анализировать тексты Чехова с медицинской точки зрения, прозу Платонова как прозу рабочего,

прозу Набокова — ученого-энтомолога. Внелитературные занятия автора влияют на его художественный стиль и вопросы, которые он ставит. Отличный пример такого влияния — проза Леонида Андреева. В письме от 1915 года Андреев пишет: «Юридической практики я не имею и уже 16 лет занимаюсь литературой <...> Однако и в труде моем я не отхожу от тех начал и вопросов, которые связаны с моей принадлежностью к сословию, являющемуся одним из проводников в русскую жизнь начал справедливости и права» [Андреев 2014: 589].

Андреев получил квалифицированное юридическое образование в Московском университете. Его путь к диплому был сложным. После окончания гимназии он поступил в Петербургский университет на юридический факультет, но был отчислен за неуплату. Затем он поступил на второй курс Московского университета, окончил обучение в 1897 г. и получил диплом в начале 1898 г. Перед ним были три карьерных пути: судейский, прокурорский и адвокатский, и он выбрал адвокатуру. Чтобы стать присяжным поверенным, начинающему юристу нужно было быть помощником в течение пяти лет. Андреев вступил в должность гораздо раньше, чем сдал выпускные экзамены: «...наступило то, о чем так много мечталось... я помощник присяжного поверенного» (цит. по: [Скороход 2013: 107]). Работа помощника стала основой его газетной и литературной деятельности. Сначала Андреев писал судебные отчеты для «Московского вестника» от имени П.Н. Малянтовича. Затем в 1897 г. Андреева пригласили в «Курьер» как судебного репортера, в результате чего его газетная деятельность расширилась. «Бывать в суде, слушать дела и писать отчеты», — так он описывал начало своей работы (цит. по: [Скороход 2013: 104]).

В конечном счете Андреев опубликовал более двухсот фельетонов в рубриках «Впечатления» и «Москва. Мелочи жизни» под псевдонимом James Lynch или Л-ев. Фельетоны описывали судебные заседания, в которых он участвовал как помощник присяжного поверенного. По словам современника, корреспонденции были написаны «хорошим литературным языком» и освобождены от «шаблонного вступления»: повествование «начиналось прямо с обвинительного акта, изложенного в виде рассказа» [Андреев 2014: 581]. Как пишет А.В. Леденев, «сотрудничество с литературно-политической газетой “Курьер”, продлившееся пять лет (с 1898 по 1902 г.), стало для Андреева не только творческой платформой для оттачивания писательского мастерства, но и плодотворным источником жизненного опыта и ресурсом для непосредственных наблюдений» [Леденев 2022].

Влияние юридической практики на Андреева проявилось по-разному. Юридическая служба дала материал для осмысления судебных процессов, которые легли в основу газетных отчетов. Л.А. Иезуитова убедительно доказывает, что некоторые сюжеты писатель развивает из написанных ранее судебных отчетов, переработав более десяти своих репортажей [Иезуитова 1967: Прилож. I]. Пьеса «Каинова печать (Не убий)» является художественной разработкой очерков: «Дело княгини Енгальчевой», «Убийство», «Убийство из ревности», которые отличаются от пьесы только «переменой фамилий и имен героев» [Андреев 2014: 608]. Писатель удостоверяет, что темой для рассказа «Защита» послужила его «судейская жизнь» [Андреев 2007: 725]. Такие же параллели обнаруживаются в рассказах «Христиане» (по следам газетной вырезки «Редкий случай») и «В Сабурове», сохранившем фабульную основу из очерка «Подсудимый крестьянин Степан Михеев» [Андреев 2014: 612]. Судебное заседание — основа этих текстов. Они описывают бюрократическую процедуру с участием прокуроров, судей, присяжных, публики, обвиняемых, адвокатов. Однако судебная процедура часто «сбоит», что позволяет писателю перейти к религиозно-философским обобщениям, как в «Христианах», где есть критика церковного христианства и судебной системы.

Судебный процесс — удобная метафора для философского замысла. Писатель интересовался криминальными сюжетами с идейно-философской основой. В рассказе «Мысль» рассмотрена проблема «идейного убийства». Судебный процесс над героем — рамка для сюжета: рассказ начинается и заканчивается судом. По сути, проводится суд над европейской рациональностью. Образ суда позволяет задать вопросы морально-правового порядка: о вине, справедливости, существовании гуманистического закона. Поэтому тексты Андреева приобретают экзистенциалистский оттенок. В «Рассказе о семи повешенных» описан суд над террористами и двумя крестьянами, приговоренными к смерти. Завязкой повести является приговор, написанный языком судебного протокола: «За две недели перед тем, как судили террористов, тот же военно-окружной суд... судил и приговорил к смертной казни через повешение Ивана Янсона, крестьянина» [Андреев 2013: 56]. Протокольный язык выполняет специфическую семантическую функцию.

Язык судебной документации исключает оценочную лексику и субъективность. У Андреева он символизирует «бесчеловечность» постановлений. Судебный язык представляет приговор объективным и тотальным, не подлежащим обжалованию. Тотальность судебного высказывания критикуется писателем, например, в «Защите». «Несправедливость» и «тотальность» суда в прозе Андреева

выходят за рамки законодательства, становясь онтологическими свойствами мира. Мир — это тотальная судебная система, где невозможно обжаловать приговор. Суд приобретает аллегорический смысл, олицетворяет беспощадный рок. В прозе Андреева «осужден» каждый: персонаж может быть осужден на смерть, несчастье, горе, вынужден подчиняться слепой «мировой воле», которая «осуждает» и виновных, и невиновных.

Влияние юридической профессии на писательский стиль охватывает многих авторов. Принадлежность к этой профессии имела различное воздействие на каждого. В текстах Набокова юриспруденция определяет его нравственные убеждения, унаследованные от отца — конституционного демократа и деда — бывшего министра юстиции, работавших над законодательством о смертной казни.

Самая явная параллель между текстами Набокова и Андреева — тексты против смертных казней. «Рассказ о семи повешенных» и «Приглашение на казнь» — гуманистический протест против судебных порядков. Оба автора считали, что казнь не может быть осуществлением правосудия. Набоков заявлял, что «написал на эту тему целую книгу», подразумевая «Приглашение на казнь» [Бойд 2010: 47]. Андреев писал американскому переводчику, что стремился «указать на ужас и недопустимость смертной казни — при всяких условиях» [Андреев 2013: 602]. В первых отзывах о повести отмечалось «дыхание судебной хроники» [Андреев 2013: 622]. Андрееву этот отзыв не казался комплиментарным, так как представлял повесть как злободневный памфлет, лишенный философского замысла. Оба произведения развивали экзистенциальные темы.

Важная черта обоих произведений — беззащитность человека перед законом. В текстах Андреева эта черта значима из-за его желания стать адвокатом. Иногда роль защитника берет повествователь. В «Защите» из-за плохой подготовки речи героя невинная женщина получает строгий приговор. Исход зависит от риторических способностей защитника. Когда человек «осуждается» высшим «судом», «защитой» занимается автор, возмущенный несправедливостью мира. Автор одновременно функционирует как «защитник» и «прокурор».

Средства художественного воздействия у Андреева имеют черты адвокатского красноречия. В.В. Виноградов отметил, что центральным свойством речи присяжных поверенных была «интонация эмоционального нагнетания», связанная с «лексическими повторениями... сцеплениями синонимов» [Виноградов 1971: 131]. Эти черты характерны для Андреева, особенно в текстах, где нужно внушить ужас. Автор использует градацию, сравнительные конструкции, наращивая пафос. Такое «синтаксическое нагнетание»

характерно для многих текстов (см. «Красный смех»), доходя до тавтологии, как в «Покое»: «Умирал важный, старый сановник... Умирать ему было трудно: в Бога он не верил, зачем умирает — не понимал, и ужасался ужасом безумным» [Андреев 1994: 7].

На фоне других авторов формируется портрет Андреева как писателя-юриста. Он ближе всего к Достоевскому — от него получен интерес к преступлениям и немотивированным поступкам. Андреев усиливает юридический смысл сюжетов, помещая их в судопроизводственную рамку. В «Мысли», развивающей идею о бессилии разума, действие происходит в суде: «Одиннадцатого декабря 1900 года доктор медицины Антон Игнатьевич Керженцев совершил убийство...» [Андреев 2007: 382].

Андреев и Достоевский интересовались одними «проклятыми вопросами». Их интерес к судопроизводству связан со стремлением к морально-философским размышлениям. Достоевский интересуется осмыслением «вины», так как оно открывает перспективу познания раскаяния, греха, сострадания. В ситуации «смерти Бога» эти явления получают экзистенциальную трактовку. Андреев ближе к этой позиции. Для него отсутствие Бога было высшей трагедией. В «Ангелочке» утрата религиозных иллюзий — главная тема, адресат полемики — Достоевский и его «Мальчик у Христа на елке». В мире Андреева прежние смыслы исчезают. Андреев писал Горькому, что книга — «обвинительный акт», в котором человек отрицается, употребляя судопроизводственную терминологию.

Итак, можно признать, что юридическое образование определило характер религиозных, экзистенциальных и морально-правовых вопросов в произведениях Андреева. Работа судебного корреспондента и помощника присяжного поверенного также ей способствовала. Работа корреспондента привела к тому, что действие часто происходит в судебных учреждениях. Работа помощника сформировала гуманистическую позицию. Стилистическая экспрессивность связана с нравственными задачами привлечения внимания к человеческому горю, чтобы, как в «Защите», «свечи потухли бы от ужаса, и сами стены содрогнулись бы от жалости и горя» [Андреев 2007: 85].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Л.Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т.1. М., 1990.
2. Андреев Л.Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т.2. М., 1990.
3. Андреев Л.Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т.4. М., 1994.
4. Андреев Л.Н. Полное собрание сочинений: в 23 т. Т.1. М., 2007.
5. Андреев Л.Н. Полное собрание сочинений: в 23 т. Т.6. М., 2013.
6. Андреев Л.Н. Полное собрание сочинений: в 23 т. Т.13. М., 2014.
7. Антология Самиздата. Т. 2. 1966–1973 годы. М., 2005.

8. Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы: биография /Перевод с англ. Г. Лапиной. СПб., 2010.
9. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.
10. Иезуитова Л.А. Творчество Леонида Андреева (1892–1904): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1967.
11. Демидова С.А. Человек бунтующий: экзистенциальная концепция бунта у Леонида Андреева и Альбера Камю // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. Т. 43. Вып. 1. С. 118–123.
12. Леденёв А.В. Образные и стиливые черты судопроизводственного мышления в прозе Леонида Андреева // Русский язык в школе, 2022. Т. 83. №2. С. 77–87.
13. Литературное наследство. Вып. 72. Горький и Леонид Андреев: неизданная переписка. М., 1965.
14. Скороход Н. Леонид Андреев. М., 2013.

REFERENCES

1. Andreev L.N. *Sobranie sochinenij: v 6 t.* [Collected Works in Six Volumes]. Vol. 1. Moscow: *Hudozhestvennaja literatura*, 1990.
2. Andreev L.N. *Sobranie sochinenij: v 6 t.* [Collected Works in Six Volumes]. Vol. 2. Moscow: *Hudozhestvennaja literatura*, 1990.
3. Andreev L.N. *Sobranie sochinenij: v 6 t* [Complete Collected Works in Six Volumes]. T. 6. Moscow: *Hudozhestvennaja literatura*, 1994.
4. Andreev L.N. *Polnoe sobranie sochinenij: v 23 t* [Complete Collected Works in 23 Vol.]. Vol. 1. Moscow: *Nauka*, 2007.
5. Andreev L.N. *Polnoe sobranie sochinenij: v 23 t* [Complete Collected Works in 23 Vol.]. Vol. 6. Moscow: *Nauka*, 2013.
6. Andreev L.N. *Polnoe sobranie sochinenij: v 23 t* [Complete Collected Works in 23 Vol.]. Vol. 13. Moscow: *Nauka*, 2014.
7. Boyd B. *Vladimir Nabokov. Russkie gody: biografija* [Vladimir Nabokov. Russian Years. Biography] /Transl. by G. Lapina. Saint-Petersburg, *Simpozium*, 2010.
8. Vinogradov V.V. *O teorii hudozhestvennoj rechi* [On the Theory of Artistic Speech]. Moscow, 1971.
9. Iezuitova L.A. *Tvorchestvo Leonida Andreeva (1892–1904)* [The Works of Leonid Andreev 1892–1904]. Ph. D. Thesis. Leningrad, 1967.
10. Demidova S.A. *Chelovek buntujushhij: jekzistencial'naja koncepcija bunta u Leonida Andreeva i Al'bera Kamju* [The Rebellious Man: The Existential Concept of Rebellion of Leonid Andreyev and Albert Camus]. *Gumanitarnye issledovanija v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East]. 2018. № 43. Pp. 118–123.
11. Ledenjov A.V. *Obraznye i stilevyje cherty sudoproizvodstvennogo myshlenija v proze Leonida Andreeva* [Figurative and Stylistic Features of Judicial Thinking in Leonid Andreev's Prose]. *Russkij yazyk v shkole* [Russian Language at School]. 2022. № 83. P. 77–87.
12. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Issue 72. Gor'kij i Leonid Andreev: *neizdannaja perepiska* [Gorky and Leonid Andreev. Unpublished Correspondence]. Moscow, 1965.
13. Skorohod N. *Leonid Andreev*. Moscow: *Molodaja gvardija*, 2013. 430 pp.

Поступила в редакцию 18.02.2025

Принята к публикации 16.06.2026

Отредактирована 01.08.2026

Received 18.02.2025

Accepted 16.06.2026

Revised 01.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Ли Мэнъя — преподаватель ЦРЯ МГУ-ППИ в Шэньчжэне; аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова; 125159203@qq.com

ABOUT THE AUTHOR

Li Mengya — Lecturer of SMBU RLC; PhD student, Department of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Processes, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; 125159203@qq.com

ФРОНТОВЫЕ ОЧЕРКИ А.П. ГАЙДАРА: ПРОБЛЕМАТИКА И ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

О.С. Октябрьская

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия; svyatolga@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется важная проблема жанровой принадлежности очерковой литературы на примере пяти очерковых заметок-зарисовок А.П. Гайдара, написанных в августе-октябре 1941 г. Фронтовые очерки писателя рассмотрены как органичная часть его литературного наследия — они сочетают сильную художественную составляющую, продолжающую традицию гайдаровских повестей 1930-х годов, и яркое публицистическое начало, которое способствовало апелляции к острым социально-нравственным проблемам, актуализированным самой исторической обстановкой и личностной оценкой происходящего военным корреспондентом. Анализ проблематики конкретных эпизодов позволил выявить жанровую составляющую очерков. Обнаруживается роль авторского начала, придающего повествованию острую злободневность. Рассмотрены авторские поучения как важная часть очерков Гайдара, представавшего мудрым и опытным наставником молодежи, стремившегося оградить подростков от фронтового опыта, но настаивающего на важности тыловой деятельности. В статье выявлены социокультурные и нравственные факторы появления очерков и их роль и место в литературном процессе XX в.

Ключевые слова: проблемный очерк; событийный очерк; фронтовые зарисовки; А.П. Гайдар; мотив наставничества; военный очерк

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-15

Для цитирования: Октябрьская О.С. Фронтовые очерки А.П. Гайдара: проблематика и жанровое своеобразие // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 174–183.

A.P. GAIDAR'S FRONTLINE ESSAYS: PROBLEMS AND GENRE CHARACTERISTICS

Olga S. Oktyabrskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; svyatolga@yandex.ru

Abstract: The article examines the important issue of genre classification in essay literature using the example of five essay notes-sketches by A.P. Gaidar, written in August–October 1941. The writer's frontline essays are considered an or-

ganic part of his literary legacy, combining not only a strong artistic component, continuing the tradition of Gaidar's stories of the 1930s, but also a vivid journalistic element, which contributed to an appeal to pressing social and moral issues, actualized by the historical situation itself and the personal assessment of the events by the war correspondent. An analysis of the problematic of specific episodes made it possible to identify the genre component of the essays, organically combining the features of a problematic, event-based, portrait essay, etc. The role of the author's approach is revealed, giving the narrative the acute topicality of Gaidar's war notes and, at the same time, the current relevance of the problems raised in them. The author's teachings and instructions are considered as an important didactic component of Gaidar's essays, who in these works appears as a wise and experienced mentor of youth, who sought to protect teenagers from frontline experience, but insisted on the importance of their activities in the rear. The article reveals the sociocultural and moral factors of the emergence of essays and their role and place in the literary process of the 20th century.

Keywords: problematic essay; event essay; frontline sketches; A.P. Gaidar; mentoring motif; military essay

For citation: Oktyabrskaya O.S. (2026) A.P. Gaidar's Frontline Essays: Problems and Genre Characteristics. *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 174–183.

Фронтowych очерков Аркадия Петровича Гайдара о Великой Отечественной войне сохранилось пять: «У переправы» (8 августа 1941 г.), «Мост» (20 августа 1941 г.), «Война и дети» (21 августа 1941 г.), «У переднего края» (17 сентября 1941 г.), «Ракеты и гранаты» (4 октября 1941 г.) — писатель был убит 26 октября 1941 года, воевал он с августа по октябрь. В этих произведениях органично сочетаются художнический взгляд детского писателя, точность и внимание к детализации профессионального военного, насущность и острота поставленных проблем военного корреспондента. По жанру данные записки более всего тяготеют к **проблемному очерку**, который органично сочетает художественную составляющую с точной фактографией, выходит на актуальные проблемы, волнующие читательскую публику. Именно эти факторы в качестве жанрообразующих выделяли Б.В. Стрельцов, Л.Е. Кройчик, А.А. Тertyчный и др. При этом у Гайдара в его фронтowych очерках-заметках сохраняется и портретная точность в изображении того или иного персонажа, и общие зарисовки обстановки, конкретного места, времени года, и впечатляющий событийный ряд, что вполне соответствует важным чертам **событийного очерка**, а также **очерка-зарисовки**, которые выделяет М.С. Черепанов, или **зарисовки-этюда**, который анализирует Г.В. Колосов. Ориентируется Гайдар и на личностный принцип в своих заметках, выделяя конкретные и очень яркие особенности психологии своих героев, принадлежащих разным возрастным

группам, социальным слоям и психологическим типам (кадровый военный, шахтер, крестьянин-колхозник, ребенок, молоденький солдат и т. д.). Именно на личностный принцип очерковой литературы как на важную жанровую особенность обратили внимание В.Я. Канторович, Г.В. Колосов, К.А. Панцеров и др.

В центре каждого из фронтовых очерков Гайдара — конкретная насущная проблема, характерная для начала войны: организация разведки, охрана моста, отражение атаки врага и т. д. Особую роль для писателя играет тема ребенка на войне, что выделено в отдельный очерк «Дети и война». К этой проблеме Гайдар подходил и ранее, в повести «Тимур и его команда» (1940) и киносценарии «Клятва Тимура» (1941), написанном уже после начала Великой Отечественной войны. Эти произведения не просто содержат предупреждение об опасности бегства на фронт ребенка/подростка, но и актуализируют ту конкретную помощь, которую не только могут, но и должны оказывать дети взрослым в тылу, а не на фронте. Так Гайдар пытался уберечь детей, рвущихся на фронт сражаться с врагом, от гибели и направить их кипучую деятельность и подростковый максимализм в мирное русло. По справедливому утверждению М.А. Литовской, «писатель, очевидно, хотел дать подросткам то знание, которого был в их возрасте лишен сам, отчего перенесенные им уроки оказались столь тяжелыми. Для этого было необходимо создать у юного читателя ясную картину мира, где он живет, исключаящую недомолвки и разночтения. Очертить для него круг приоритетов, не подлежащих сомнению. Задать матрицы поведения, помогающие уверенно действовать в этом мире» [Литовская 2006: 33]. Прямо об этом говорит и сам писатель в статье «Берись за оружие, комсомольское племя!», в которой он, умудренный военным, жизненным и родительским опытом, утверждает ценность жизни каждого человека и призывает подростков не бежать на фронт неподготовленными, а учиться и постепенно готовиться к военному делу, чтобы только в нужный момент вступить в боевые действия, сохранив по возможности собственную жизнь и оказав действенную помощь старшим: «В умелых руках, при горячем, преданном Родине сердце это сила грозная и страшная. Без умения, без сноровки твое горячее сердце вспыхнет на поле боя, как яркая сигнальная ракета, выпущенная без цели и смысла, и тотчас же погаснет, ничего не показав, истраченная зря...» [Гайдар 2025: 14]. Сходные идеи пытается отразить Гайдар во фронтовых очерках 1941 года, которые явились результатом наблюдений над конкретными ситуациями, философских размышлений о природе происходящего и выстраивания перспектив будущего и обобщения прошлого и настоящего военного опыта.

Прямое обращение автора к читателям, характерное для очерковой литературы, содержащее эмоциональные утверждения писателя об остроте переживаний детьми событий военного времени, призывы ко взрослым уберечь детей от гибели, но дать им возможность самореализоваться в посильном труде, сопрягаются в очерке «Война и дети» с конкретным эпизодом войны в значимой мизансцене: ребенок, ставший случайным свидетелем разговора «фашистских командиров», не смог донести до своих сути этого диалога из-за плохого знания немецкого языка. Детский писатель, ставший военным очеркистом, заканчивает очерк авторской сентенцией и обращением уже к подросткам о значимости даже случайной и незначительной помощи взрослым: «Пройдут годы. Вы станете взрослыми. И тогда в хороший час отдыха после большой мирной работы вы будете с радостью вспоминать о том, что когда-то, в грозные дни для Родины, вы не болтались под ногами, не сидели сложа руки, а чем могли помогали своей стране в ее тяжелой и очень важной борьбе с человеко-ненавистным фашизмом» [Гайдар 2025: 323]. Используя разные средства и приемы очеркового повествования, соединяя их с конкретной тематикой каждого из очерков и выявляя определенную, характерную для определенной зарисовки проблему, писатель фактически проводит аналитическое исследование того или иного явления и представляет читателю свой вариант решения той или иной стратегической или сугубо практической задачи.

Действие в каждом из представленных очерков происходит в августе — октябре 1941 года, что соответствует времени авторскому — тогда сам Гайдар служил сначала фронтовым корреспондентом газеты «Комсомольская правда», а после сражался с фашистами в составе партизанского отряда. Однако если фронтовые очерки требуют максимальной сосредоточенности на происходящих сиюминутных важных событиях, то творческая писательская натура позволяет делать широкие художественно-философские обобщения, выходить на вечные вопросы, апеллировать к будущему даже в рамках беглых фронтовых очерков-зарисовок.

В каждом из этих очерков присутствует весьма непростое сочетание пространственно-временных координат, художественное расширение хронотопа за счет обращения к вечным вопросам бытия, вневременной символике, выходу на общечеловеческую проблематику. Во всех фронтовых очерках время действия символично и характерно — уходящее лето и наступающая осень. Гайдар использует писательскую оптику для создания фоновой картины: пыль дорог, созревшие камыши, растущие на берегу реки, поздняя смородина, неубранные поля, несобранные ягоды и т. д.

Предметная, пейзажная и бытовая детализация помогает не просто передать фронтовую атмосферу, а показать сопротивление привыкших к мирной жизни людей реалиям войны: довоенная трехрублевая бумажка, которой хотели расплатиться солдаты с детворой, принесшей им ягоды, за стакан смородины, ревущий колхозный скот, комсомольский билет босоногого мальчишки, жаждущего доказать военным, что он свой, и т. д. При этом маркеры военных будней создают парадоксальное соединение отголосков прежней довоенной жизни, деструктивных действий противника, результатов налетов, обстрелов, разрушений, что помогает ощутить трагизм войны благодаря актуализации тех же художественных средств: детализации, перечислению значимых явлений: «Пыль походных колонн, песок, разметанный взрывами снарядов, пепел сожженных немцами хат густым налетом покрывали шершавые листья кукурузы и спелые несобранные вишни» [Гайдар 2025: 306]. Фактографический взгляд на происходящее усилен философскими размышлениями о войне, смерти, природе фашизма. Оксюморонное сочетание последствий взрывов немецких снарядов с картинами сельской мирной жизни усиливает мотив разрушения — уничтоженными оказываются не просто деревня, отдельные дома, а сам уклад мирного существования, направленный на естественный ход жизни, взаимодействие человека и природы и т. д. Одна небольшая фактурная, пейзажная или предметная деталь создает картину природы, быта, жизни человека в гармоничном мире созидания. Все это соседствует с результатом воздействия вражеской артиллерии, танковой или бомбовой атаки, что актуализирует естественный протест человеческой натуры против алогичных, деструктивных обстоятельств войны. При этом писателю важно усилить эмоциональное воздействие на читателя посредством апелляции к изображению происходящего через призму архетипических символов: боевые действия разворачиваются на картофельном поле, по несобранной пшенице, гречихе ползут бойцы. Представленная через призму взгляда простого человека, крестьянина, дорожащего урожаем, своим трудом, картина событий являет собой приговор тем, кто разрушил всё это.

Усиливает соответствующее впечатление подчеркнутая детализация, к примеру, описание награбленного фашистами, покусившимися на самые интимные вещи: «...наши захватили в плен трех немцев, а в сумках у них был обнаружен грабленный материал: четыре колоды игральных карт, трусы для обоего пола, полотенца, кофты, какао и кружевные пододеяльники» [Гайдар 2025: 312]. Мир домашнего уюта, тепла, переданный через универсальную символику, связанную с естественными человеческими потребностями

в еде, одежде, сне, оказывается оскверненным действиями врага, разрушающего всё на своем пути: «Хата. Сброшены на пол подушки, перины. Здесь они спали. Стол. На столе тарелки, ложки, опрокинутая крынка молока. Здесь они жрали. Настежь открытый сундук, скомканное белье. Вышитое петушками полотенце. Детский валенок. Здесь они грабили. Над сундуком в полстены жирным углем начерчен паучий фашистский знак» [Гайдар 2025: 308]. Короткие предложения, упоминание отдельных знаковых предметов, особенно принадлежащих ребенку, лаконичные авторские выводы усиливают общее впечатление от происходящего. Очеркист подчеркивает мардерство и хищнический характер действий врага, противопоставляя привычное, домашнее и интимное противоестественному.

Писатель не только акцентирует внимание на бытовых зарисовках, собственных эмоциональных комментариях, заметках о прифронтовой жизни, но ставит в центр повествования собственно батальные сцены, эпизоды, характеризующие фронтовую жизнь, особенности военных действий. Повествование такого рода отличается точностью детализации, обилием значимых подробностей, реалистичностью изображения, актуализацией обращения к визуальной стороне того или иного явления с помощью апелляции к звуку, запаху, внешнему виду, а также особой оптикой — повествование ведет не столько писатель, сколько кадровый военный, и понимающий особенности возложенных на бойцов задач и своеобразие фронтовой обстановки, и предлагающий тактические решения некоторых проблем. Повествователю, обладающему военным, корреспондентским, жизненным опытом, противостоят те, кто по необходимости становится фронтовиком — большинство бойцов, — бывшие шахтеры, крестьяне, рабочие, высокопрофессиональные каждый в своей области, но не искушенные в военном деле. Именно поэтому помимо зарисовок и прямого повествования автор обращается к поучению и подробному комментарию, а также рассуждениям о «военной тайне». К примеру, в очерке «У переднего края» изображен пример относительно безопасного выхода из осажденного города, при этом показано оригинальное и неожиданное решение. Актуализирует писатель также необходимость конкретных и вполне очевидных действий — от наблюдения за врагом и рытья окопов до охраны и защиты значимого стратегического объекта — моста через реку. При этом убедительно представлены важные тактические решения обороны и трудный личный опыт конкретного бойца. Такое обобщение характерно именно для писателя, подчиняющего изображение отдельного объекта или явления задаче создания единой и цельной картины мира.

Писательский талант, военный опыт и корреспондентский навык помогают Гайдару делать обобщения о важности человеческого фактора — простой шахтер, не искушенный в военном деле, способен выполнить конкретную боевую задачу под руководством кадрового военного, обретая опыт в новой для себя сфере деятельности. Но при этом выросший в «бескрайних степях Туркмении» [Гайдар 2025: 313] красноармеец Бекетов, который «леса <...> никогда не видел и ориентировался в нем плохо» [Гайдар 2025: 313–314], не способен реализовать свои способности в разведке, а на самом рискованном участке обороны, на обстреливаемом мосту, смог проявить терпение, ловкость, мужество и стойкость: «...он гордо стоит на самом опасном посту. Тридцать метров над водой! На самой середине моста. На той самой точке, куда с воем и ревом вот уже три недели ожесточенно, но неудачно бьют бомбами фашистские самолеты» [Гайдар 2025: 314].

Автор как опытный кадровый военный точен и аккуратен в деталях — писатель четко ранжирует с помощью градации последствия «огневого шквала» врага: от опрокинутого бака с водой до ранения в плечо «лучшего батарейного наводчика» [Гайдар 2025: 325]. Подача материала и художественные приемы, воспроизведение докладов военных и того, как сводится информация в руках командира, напоминают более раннее произведение Гайдара о Тимуре, но если деятельность тимуровцев протекает в сугубо мирных условиях, то во фронтовых заметках ситуация принципиально иная. За внешне сухими фактами и подчеркнуто будничной информацией, отраженной в докладах бойцов, скрывается трагедия всего отряда, оставшегося в результате атаки врага без питьевой воды, связи, лучшего наводчика.

Однако писатель не только показывает драматизм ситуации, но и обращается к курьезам, чтобы показать, как уменьшить накал фронтовой обстановки: последней, а значит, самой акцентной точкой мизансцены становится потеря одним из бойцов сапога, который тот подвесил на веревку для просушки. Зрелищная деталь, усиленная метаниями босого на одну ногу красноармейца, неловкостью движений героя, необходимостью объяснения со старшиной и т. д., не только восстанавливает трагикомическую картину событий, но и вызывает эмоциональную разрядку как у героев, так и у читателя, на чьих глазах подвешенный сапог «разорвало в клочья и унесло, должно быть, за тучу» [Гайдар 2025: 325]. Сходный прием ослабления трагизма происходящего использует автор, описывая звук, издаваемый вражескими минами: «Мины... О них уже много писали. Писали, что они режут, воют, гудят, похрапывают. Нет! Звук на полете у мины тонок и мелодично-печален. Взрыв сух и резок. А визг

разлетающихся осколков похож на мяуканье кошки, которой внезапно тяжелым сапогом наступили на хвост» [Гайдар 2025: 325]. Сравнение разлетающихся минных осколков с кошачьим визгом не уменьшает общего драматического накала, более того, вызывает конкретную эмоционально-слуховую реакцию читателя, аккумулирующую в себе и боль животного, и резкий пронизывающий неприятный звук, не оставляющий равнодушным никого, но само сравнение помогает уловить в незнакомом и страшном привычное и узнаваемое.

Главной задачей писателя и опытного военного, получившего профессиональное образование и прошедшего школу Гражданской войны, становится передача бесценного фронтового опыта, свидетельств о происходящем, предупреждение менее подготовленных бойцов о своеобразии нынешних боевых действий. Гайдару также важно указать ошибки молодых бойцов, поэтому в очерке «Ракеты и гранаты» писатель акцентирует внимание на торопливости неопытных разведчиков, которая может привести не только к провалу боевой задачи, но и к гибели, что для Гайдара оказывается самым драматичным на войне. В связи с этим актуализированы длительные поиски разведчиками повода для исправления ошибки, совершенной одним из новичков. Напряжение повествованию придают как описание самой ситуации, так и авторские разъяснения ее своеобразия: разведчик раньше времени выдернул чеку гранаты и долгое время вынужден был держать боек гранаты зажатой в ладони скобой, что в условиях разведки и опасности обнаружения группы врагом практически невыполнимо. Развязкой становится определение цели и метание гранаты в нее, что вызывает облегчение у самого бойца, всей разведгруппы и уничтожение цели противника. Показывая напряженность ситуации, автор использует приемы, более характерные для беллетристики: несовпадение времени авторского и времени героев, которое растягивается, апелляция к звуковому ряду, где каждый оттенок звука получает свое объяснение и занимает определенное место в общей звуковой палитре: «Опять одна, другая, долгие минуты. Вдруг красной змейкой, показывая направление, вспыхивает брошенная сержантом ракета <...> Раздается гром, потом вой, затем оглушительный треск моторов сливается с треском немецких автоматов» [Гайдар 2025: 333].

Стиль очерков-заметок существенно меняется по сравнению с художественными произведениями писателя. Если для подростковой повести или детского рассказа Гайдара характерны особые стиливые интонации, показывающие прочную связь взрослого и детско-подросткового типов сознания, как обозначает это явление Литовская, «стилевой инфантилизм», который определяется как

«способ организации формы, имитирующий (или реконструирующий) взгляд на мир ребенка или подростка, то есть другого по отношению к взрослому» [Литовская 2006: 31], то фронтовые заметки 1941 года существенно меняют стилистику повествования — отголоски детских реплик, своеобразие авторской речи, игры словом и т. д. сменяет строгая и ясная интонация взрослого и мудрого повествователя, который предельно конкретно выражает свои мысли, четко расставляет акценты и лаконичен и однозначен в обозначении перспектив происходящего. В самом начале войны он не сомневается в грядущем торжестве справедливости и, обращаясь к раненому герою, прямо и лаконично утверждает будущую личную и общественную победу над фашизмом: «Ты будешь здоров, ты еще увидишь гибель врага, славу своего народа и свою славу» [Гайдар 2025: 310].

Таким образом, в пяти фронтовых очерках Гайдар, используя возможности проблемного очерка, событийного очерка, очерка-зарисовки, показал особенности ведения боевых действий во время Великой Отечественной войны, на дидактическом уровне обобщил ошибки бойцов и командиров в первый период войны, дал наставление подрастающему поколению, рвущемуся на фронт, на художественно-философском уровне осмыслил происходящее и показал суть и природу войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайдар А.П. «Берись за оружие, комсомольское племя!» // Гайдар А. Берись за оружие! М., 2025. С. 13-16.
2. Канторович В.Я. Заметки писателя о современном очерке. М., 1962.
3. Колосов Г.В. Поэтика очерка: учебно-методическое пособие к спецкурсу «Проблемы советского очерка». М., 1977.
4. Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста: Учебник для студ. вузов по спец. «Журналистика» /Ред.-сост. С.Г. Корконосенко. СПб., 2000.
5. Литовская М.А. Стилизованный инфантилизм А. Гайдара // Филологический класс, 2006, № 16. С. 30-35.
6. Панцеров К.А. Путевой очерк: эволюция и художественно-публицистические особенности жанра. Автореферат дисс... канд. филол. наук. СПб., 2004.
7. Стрельцов Б.В. Основы публицистики. Жанры. Минск, 1990.
8. Тertychnyy A.A. Очерк // Тertychnyy A.A. Жанры периодической печати. М., 2006. С. 249–268.
9. Черпахов М.С. Работа над очерком. М., 1966.

REFERENCES

1. Gaidar A. P. «Beris' za oruzhiye komsomol'skoye plemya!» [“Take up arms, Komsomol tribe!”]. In: Gaydar Arkadiy Beris' za oruzhiye! [Take up arms!]. Moscow; Publishing House AST; Editorial Office KPD, 2025, pp. 13–16. (In Russ.)
2. Kantorovich V.YA. *Zametki pisatelya o sovremennom ocherke*. [Notes of a writer on the modern essay]. Moscow; Soviet writer. 1962. 371 p. (In Russ.)

3. Kolosov G.V. *Poetika ocherka: uchebno-metodicheskoye posobiye k spetskursu «Problemy sovetskogo ocherka»*. [Poetics of the essay: a teaching aid for the special course "Problems of the Soviet essay"]. Moscow; Publishing house of Moscow University. 1977. 78 p. (In Russ.)
4. Kroychik L.Ye. *Sistema zhurnalistskikh zhanrov* [The system of journalistic genres]. In: *Osnovy tvorcheskoy deyatel'nosti zhurnalista: Uchebnik dlya stud. vuzov po spets. «Zhurnalistika»* [Fundamentals of the creative activity of a journalist: Textbook for students of higher education institutions in the specialty "Journalism"]. Ed. and compiled by S.G. Korkonosenko. St. Petersburg: Knowledge, 2000. 272 p. (In Russ.)
5. Litovskaya M.A. *Stilevoy infantilizm A. Gaydara* [Stylistic infantilism of A. Gaidar]. *Filologicheskii klass*, 2006, № 16. pp. 30-35. (In Russ.)
6. Pantserev K.A. *Putevoy ocherk: evolyutsiya i khudozhestvenno-publitsisticheskiye osobennosti zhanra*. [Travel essay: evolution and artistic and journalistic features of the genre]. Abstract for the degree of Candidate in Philology. St. Petersburg, 2004. 21 p. (In Russ.)
7. Strel'tsov B.V. *Osnovy publitsistiki. Zhanry*. [Fundamentals of journalism. Genres]. Minsk: University, 1990. 239 p. (In Russ.)
8. Tertychny A.A. *Ocherk* [Essay]. In: Tertychny A.A. *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of periodical press]. Moscow; Aspekt Press, 2006. pp. 249–268.
9. Cherepakhov M.S. *Rabota nad ocherkom* [Work on the essay]. Moscow; Publishing house of Moscow University. 1966. 95 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 06.02.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Отредактирована 01.08.2026

Received 06.02.2026

Accepted 16.06.2026

Revised 01.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Ольга Святославовна Октябрьская — д.ф.н., доцент, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; svyatolga@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga S. Oktyabrskaya — Prof. Dr., Prof. of the Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; svyatolga@yandex.ru

«ЗАГАДОЧНОСТЬ ОБЛАКА». ОПЫТ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ПОЭЗИИ КОНСТАНТЫ ИЛЬДЕФОНСА ГАЛЧИНСКОГО

Т.А. Пирусская

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; tapirus@inbox.ru

Аннотация: В статье анализируются переводы трех стихотворений польского поэта К.И. Галчинского (1905–1953), выполненные автором в рамках мастерской по художественному переводу с польского Creative Writing School. Участникам мастерской были предложены на выбор тексты, ранее не переведшиеся на русский язык. Высказываются общие соображения о трудностях перевода польской поэзии на русский язык, а также задачах, с которыми сталкивается переводчик, работающий над текстами Галчинского. С точки зрения художественного перевода рассматриваются стихотворения *W radio mają rację* («По радио правы»), *Szczecin* («Щецин») и *Satyra na bożą krowkę* («Сатира на божью коровку»), особенности их формы и интонации. Статья призвана внести практический вклад в проблематику перевода на русский язык польской поэзии в целом и поэзии К.И. Галчинского в частности.

Ключевые слова: К.И. Галчинский; польская поэзия; поэтический перевод; трудности перевода; ирония

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-16

Для цитирования: Пирусская Т.А. «Загадочность облака». Опыт перевода на русский язык поэзии Константы Ильдефонса Галчинского // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 184–192.

“AS ENIGMATIC AS A CLOUD.” THE DIFFICULTIES OF TRANSLATING KONSTANTY ILDEFONS GAŁCZYŃSKI’S POETRY INTO RUSSIAN

Tatiana A. Pirusskaya

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; tapirus@inbox.ru

Abstract: The article analyzes the translations of three poems by the Polish poet Konstanty Ildefons Gałczyński (1905–1953), made by the author of the article in the framework of the workshop on literary translation from Polish organized by Creative Writing School (Moscow). The workshop participants were offered to choose from

the texts that had not previously been translated into Russian. General considerations are expressed about the difficulties of translating Polish poetry into Russian, as well as the challenges faced by a translator working on Gałczyński's texts. The poems in question, *W radio mają rację*, *Szczecin* and *Satyra na bożą krówkę*, the peculiarities of their rhythmical form and intonation are considered from the point of view of literary translation. The article aims to make a practical contribution to the discussion on translating Polish poetry into Russian in general and K.I. Gałczyński's poetry in particular.

Keywords: Gałczyński; Polish poetry; poetic translation; difficulties of translation; irony

For citation: Pirusskaya T.A. (2026) "As Enigmatic as a Cloud." The Difficulties of Translating Konstanty Ildefons Gałczyński's Poetry into Russian. *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 184–192.

О трудностях стихотворного перевода написано много, причем при переводе с одного славянского языка на другой трудности не уходят, ведь, не говоря уже о том, что, как заметил однажды Бродский, «другой язык, будь он трижды славянский, это прежде всего другая психология» [Гордин 1997: 66], это еще и другой фонологический строй. Особенности передачи ритма, размера, рифмы неоднократно становились предметом дискуссии среди теоретиков и практиков поэтического перевода. Если одни полагают, что необходимо в точности воспроизводить размер подлинника, чтобы сохранить, по выражению М.Л. Гаспарова, «семантический ореол метра» [Гаспаров 2012], т. е. коннотации, присущие стихотворному размеру в данной культуре, то другие стараются подыскать «размер с такими же функциями в литературной традиции переводчика», руководствуясь тем, что Г.А. Шенгели назвал «принципом функционального подобия» [Азов 2013: 90–91].

При переводе польской поэзии трудности такого рода вызваны и собственно языковыми различиями. В польском языке, как известно, ударение в большинстве случаев падает на предпоследний слог, что обуславливает специфику звучания польского стиха. Конечно, эту проблему можно решить с помощью односложных слов, но, как писал Юлиан Тувим, характеризуя свой опыт перевода на польский язык «Руслана и Людмилы»: «Ограниченное количество односложных слов в польском языке плюс постоянство польского ударения (на втором слоге от конца) — сущее наказание для переводчика. Тот, кто стремится верно передать ритм оригинала (а к этому надо стремиться всегда), как правило, сталкивается с невероятными затруднениями, и лишь с помощью головоломных вывертов, хитрых приемов, вольтов и выкрутасов удается довести постройку четверостишия до конца» [Тувим 2024]. Но если при необходимости

строго соблюдения размер переводчик почти неизбежно сталкивается с трудностями передачи польского силлабического стиха русской силлаботоникой и вопросом о частичной замене женских рифм мужскими (мужские рифмы, естественно, тоже присутствуют в польской поэзии, когда строка заканчивается односложным словом, но все же менее характерны для нее, чем для русского стиха), то при более свободной ритмике открывается больше возможностей сохранить звучание оригинала и вместе с тем сделать его естественным для русскоязычного читателя. Как отмечает, говоря о трудностях перевода современной польской поэзии, Е.В. Зими́на, задача переводчика — «сохранить ритм, интонацию и графику оригинала так, чтобы, оставаясь польскими, они не звучали или не выглядели чужеродно на русском языке», и при этом адекватно передать смысл текста-источника [Зими́на 2016: 213].

Настоящая статья написана в жанре своеобразного включенного наблюдения и представляет собой попытку автора отразить собственные переводческие решения. В статье мы рассмотрим переводы на русский язык трех стихотворений Константы Ильдефонса Галчинского (1905–1953), выполненные автором статьи в рамках курса Creative Writing School по художественному переводу с польского языка. Все три стихотворения, разные по ритмическому строю и интонации, ранее на русский язык не переводились, почему, собственно, и были (наряду с другими текстами польского поэта) предложены участникам семинара для работы. Переводчиком были выбраны стихотворения *W radio mają rację* («По радио правы»), *Szczecin* («Щецин») и *Satyra na bożą krówkę* («Сатира на божью коровку»), тексты которых вместе с переводами приводятся ниже.

Галчинский — поэт чрезвычайно самобытный в плане как ритма, так и интонации. Сочетание в его стихах лиризма и иронии способно сбить читателя (и переводчика!) с толку. В предисловии к сборнику стихов Галчинского Давид Самойлов заметил: «В Галчинском загадочность облака. Нельзя предвидеть, какие очертания примет его стих» [Самойлов 1967: 3]. Этой непредсказуемости интонации зачастую сопутствует такая же ритмическая свобода: многие стихи Галчинского звучат разговорно, перед нами словно размышление вслух, немного сбивчивое, ничем не скованное. Тот же Самойлов писал: «Ставили в тупик его [Галчинского] стихи. Что они? Юмор? Сатира? Философская или любовная лирика? Может быть, они небрежны? А может быть, это та предельная естественность формы, где не чувствуются усилия стиля?» [там же: 4]. И избранная Галчинским форма в самом деле «предельно естественна»: его герой как будто в задумчивости рассуждает сам с собой или приглашает к разговору читателя.

Здесь необходимо сделать важную оговорку. Лирическому герою Галчинского свойственно примерять разные, порой откровенно шутовские, маски, и Игорь Белов неслучайно сравнивает его с персонажем Зоценко, добавляя, впрочем: «...Но мы-то понимаем, что Зоценко — трагический писатель» [Белов 2024]. Галчинский, по собственному признанию, мечтавший стать фокусником [Самойлов 1967: 7] и известный своими мистификациями (в том числе тем, что на заседании студенческого литературного общества он выступил с обстоятельным рефератом о несуществующем английском поэте XV века), перенес эту склонность к маскараду и в поэзию. В его герое порой много нелепого, смехотворного, мещанского, но за этими чертами таятся грусть и нежность, и переводчику здесь необходимо выдержать баланс: не затушевать иронию, но и не допустить того, чтобы фарс поглотил лирические интонации, пусть даже едва уловимые.

Перейдем теперь собственно к анализу стихотворений и их переводов.

W radio mają rację

„Dla cie-e-e-bie, ukocha-a-a-na!”
serenada —
mówi speaker
i boli go ząb.

A jednak dla ciebie, ukochana:
i ten dom,
i wieczór,
i klomb...

Chciałem zamknąć radiu, chciałem uciec...
serenada! Och, lodu na głowę!
Lecz wplątała mnie nuta po nucie
serenada w sprawy życiowe.

I znów dobry jestem, bo... właściwie
o co chodzi? O życie, o trud —
więc — pokorny — znowu się nie dziwię,
że są słowa takie do nut;
że jest w życiu nieśmiertelny banał.
O, banale, w szale z ciebie kpiłem!
„To dla ciebie, dla ciebie, ukochana”.

W radio mają rację. A mówiłem...

По радио правы

«Для тебя-я-я, люби-и-имая!»
серенада, —
говорит диктор
(зубы, что ли, у него болят).

А все же для тебя, любимая,
и этот дом,
и вечер,
и сад...

Мне бы выключить радио и наутек...
Серенада! Ох, к голове полотенце бы!
Только нота за нотой влетался поток
серенады в дела житейские.

Вот уж я и растаял — в сущности, ведь
речь о чем? Чтобы жить и работать.
Так и стоит ли удивляться впредь,
что такие слова к таким нотам.
О банальность жизни неистребимая!
Чем смеяться, смирюсь виновато.
«Для тебя, для тебя, любимая».

По радио правы. А я-то...

Из рассматриваемых текстов это соединение лирического и комично-бытового особенно заметно в стихотворении *W radio mają rację*, начинающемся явной издевкой: герой нарочито растягивает

слова, передразнивая диктора, который, как ему кажется, завывает так, будто страдает от зубной боли. Но уже в следующей строфе интонация резко меняется — герой, призадумавшись, признает банальную правоту незатейливой серенады, а затем рефлексиирует на этот счет: ему и неловко от собственной сентиментальности и «неистребимой банальности жизни», и в то же время он видит в них содержание жизни, которое так же нелепо отрицать, пусть оно и принимает формы звучащей по радио незамысловатой песенки или лозунга (к которому очень близко сочетание «O życie, o trud», переведенное как «Чтобы жить и работать»). Насколько свободна ритмика этого стихотворения, видно даже по его графическому облику и разной длине строк, и здесь, по словам Игоря Белова, для переводчика главное — не «приглаживать» Галчинского [Белов 2024], не уничтожить его разговорные интонации. Отметим, что здесь мужские рифмы присутствуют и в оригинале; само чередование женских и мужских рифм в переводе воспроизведено не один в один, но общий ритм удалось сохранить без особых смысловых потерь: вместо опять же работающей на комический эффект «клумбы» (как реалии более бытовой, ассоциируемой с уютом) появляется более возвышенно-романтический «сад», другие же замены («лед» в оригинале и «полотенце» в переводе) не влияют ни на смысл, ни на интонацию. Наибольшую трудность представляла при переводе строка «O, banale, w szale z siebie krąłem!». Галчинский повторяет слово *banale* дважды, чего не может себе позволить переводчик, учитывая, что русское «банальность» длиннее и гораздо хуже укладывается в ритм, так что это восклицание пришлось объединить с предыдущей строкой и иными средствами передать мысль героя, укоряющего себя в «безумии», которое побудило его обличать «банальность жизни». Впрочем, при этом отчасти удалось передать внутреннюю рифму (*banale — szale*) созвучием начальных согласных («смеяться — смирюсь»). Само это стихотворение — яркий пример присущего Галчинскому синтеза и переплетения разных интонаций. Примечательна и его кольцевая композиция: те же слова, которые герой в самом начале повторяет с насмешкой, копируя неумеренную высокопарность диктора, в конце он сам проносит прочувствованно, хотя как будто и оправдываясь (и в том, что он сам впадает в эту банальность, и в том, что смел ее отрицать, — в этой двойственности весь Галчинский).

Satyra na bożą krówkę

Po cholerę toto żyje?
Trudno powiedzieć, czy ma szyję,
a bez szyi komu się przyda?

Сатира на божную коровку

На черта существует вот это?
То ли есть шея, то ли нету,
а без шеи кому оно нужно?

Pachnie toto jak dno beczki,
jakieś nożki, jakieś kropeczki —
ohyda.

Człowiek zajęty niesłuchanie,
a toto proszę, lezie po ścianie
i rozprasza uwagę człowieka;

bo człowiek chciałby się skoncentrować,
a ot, bożą krówkę obserwować
musi, a czas ucieka.

A secundo, szanowne panie,
jakim prawem w zimie na ścianie?!
Co innego latem, gdy kwitnie ogórek!

Bo latem to co innego:
każdy owad może tentego
i w ogóle.

Więc upraszam entomologów,
czyli badaczy owadzych nogów,
by się na tę sprawę rzucili z szaleń.

I właśnie dlatego w Szczecinie,
gdzie mi czas pracowicie płynie,
satyrę na bożą krówkę napisałem.

Пахнет от него, как от затхлой бочки,
какие-то ножки, какие-то точки —
ужас.

Человек весь в делах и заботах,
а тут по стене ползет чего-то,
внимания, понимаешь ли, ждет;

человеку бы сосредоточиться,
но нет, разглядывай божью коровку,
даже если не хочется,
а время идет.

Минуточку, господа любезные,
по какому праву она зимой сюда залезла?!
Иное дело летом, когда на грядках левкой!

Летом ведь совсем другое дело,
каждая букашка летает смело —
ну и все такое.

А потому попрошу энтомологов,
занятых изучением букашечьих ног,
на сей предмет свою обратить споровку.

Вот для чего я в Щецине, значит,
рабочее время даром трачу,
зато написал сатиру на божью коровку.

Второе стихотворение, *Satyra na bożą krówkę* («Сатира на божью коровку»), звучит еще более «по-зощенковски», и разглядеть в нем лирическое начало труднее. Перед нами, по сути, стихотворение «ни о чем»: все внимание героя поглощено случайно замеченной им на стене божьей коровкой и комичными рассуждениями о том, как она могла сюда попасть и зачем существует на свете. Сама речь героя очень неуклюжа, пересыпана местоимениями (*toto, jakieś*), и неловко, будто от нехватки слов, оборванными фразами. Еще более усиливает комизм риторическое обращение к несуществующим собеседникам (*szanowne panie*), в финале принимающим облик неких ученых энтомологов, к которым герой спешит обратиться за разъяснением поразившего его загадочного явления, отвлекающего его, как мы узнаём, от работы, — причем, что опять же очень характерно для Галчинского, последняя строфа как будто дает право поставить знак равенства между комически негодующим на несвоевременное появление божьей коровки героем и автором стихотворения, написавшим эту «сатиру» и действительно одно время жившим в Щецине. В этом стихотворении все несоразмерно-комично, на-

чина уже с его жанрового определения: сатира — обличительный жанр, но «обличает» герой крошечное насекомое, отвлекшее его от работы. При этом, как ни парадоксально, вопреки видимому (и явно преувеличенному) отвращению, с которым он разлядывает божью коровку, герой как будто любит ее, и за его зощенковскими интонациями проступает совершенно иное, трепетное отношение к мельчайшим явлениям бытия. Можно даже сказать, что они для него как раз тот «сор», из которого растут стихи, но эта чересчур возвышенная для лирического героя Галчинского мысль замаскирована неуклюжим многословием и нарочитым комизмом ситуации.

В этом стихотворении, что характерно для польской поэзии, все рифмы женские. И хотя, как справедливо замечает Игорь Белов, «стихотворение, целиком построенное на женских рифмах, для русского... уха звучит вяло и оставляет ощущение недосказанности» [Белов 2020], в данном случае эта недосказанность, незаконченность мысли как раз уместна, поэтому в переводе особенности рифмы почти полностью сохранены, равно как и сама схема рифмовки (*ааб ввб*), за исключением четвертой строфы, где ради сохранения смысла и рифмы появилась дополнительная строка. Больше всего затруднений вызвал цветущий в оригинале «огурец», который пришлось заменить на садовый цветок, чтобы не потерять милых сердцу героя бытовых деталей (вспомним «клумбу» из предыдущего стихотворения). Для усиления речевой характеристики героя переводчик пошел еще на одну вольность — рифму с нарочито неправильным ударением («энтомо^ологов — но^огов»), оправданную в данном случае, на мой взгляд, другими шероховатостями в речи героя, а главное, общей интонацией стихотворения, рассчитанной на комический эффект.

Szczecin

Tutaj mój port, tu słońce mam na czole
i dom, i sad, i kota — nie do wiary!
Natalia na werandzie. Kira w szkole.
A babci wchodzą sny pod okulary.

Nad klombem ptaka cień przefrunął modry.
Grzmi w rękopisie moim eposęja.
Dobrze mi tu. I wieje wiatr od Odry,
odurzający i zwycięski jak nadzieja.

Щецин

Здесь моя гавань, солнце лижет щеки,
дом, кот, веранда — кто бы мог подумать!
В саду Наталья. Кира на уроке.
А к бабушке крадутся сны бесшумно.

Над клумбой птичья тень порхнет, синяя.
В тетради эпопеи гул мятежный.
Здесь хорошо. И с Одры ветер веет,
пьянящий и победный, как надежда.

Третье стихотворение, о котором пойдет речь, *Szczecin* («Щецин»), заметно выделяется в этом ряду и на фоне многих стихотворений Галчинского в целом. В нем отсутствует характерное для его поэзии ироническое передергивание: примечательно, что те же детали быта, которые в других текстах выдают мещанский характер героя и при-

дают его монологам комический оттенок, здесь перечислены без тени насмешки, любовно. «Дом», «сад», «кот», «клумба» не снижают общего тона стихотворения, а предстают как части окружающего поэта целостного гармоничного мира, каждая деталь которого ценна и каждой из которых он любит. Природа, быт, семья и радость творчества складываются в идиллию, о которой лирический герой говорит очень просто: *Dobrze mi tu* — «[мне] здесь хорошо». Обращает на себя внимание и то, что стихотворение написано более строгим размером, чуть сбивающимся только в последней строке; он сохранен и в переводе. Главная потеря в русском тексте — яркий образ из первой строфы: *babci wchodzą sny pod okulary* — его пришлось передать более обобщенно. В остальном же изменения и перестановки минимальны.

Анализ трех стихотворений Галчинского и трудностей, сопряженных с их переводом на русский язык, показывает, что главная проблема в данном случае заключается, во-первых, в сохранении ритмики: ритм в поэзии Галчинского зачастую неровный и прихотливый, и его нельзя ни сглаживать, передавая более «правильными» размерами, ни нарушать. Во-вторых, важно передать характерное для поэта уникальное сочетание лиризма и иронии, не умаляя ни того, ни другого, уловить его подчас почти неуловимые интонации, не принимать на веру и не воспринимать буквально каждое слово лирического героя и быть готовым к тому, что стих Галчинского в любой момент может принять самые неожиданные очертания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азов А.Г. Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М., 2013. 304 с.
2. Белов И. Перевести Галчинского // Пашня. Сентябрь 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://cws.media/konstanty-ildefons-galchinskij-perevody-masterskoj-hudozhestvennyj-perevod-s-polskogo-yazyka/> (дата обращения: 31.07.2026).
3. Белов И. Трудности перевода. Как я переводил польскую поэзию и учился искусству быть другим // Culture.pl. 29.09.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://culture.pl/ru/article/trudnosti-perevoda-kak-ya-perevodil-polskuu-poeziyu-i-uchilsya-iskusstvu-byt-drugim> (дата обращения: 01.08.2026).
4. Гаспаров М.Л. Метр и смысл. М., 2012. 416 с.
5. Гордин Я. Трагедийность мировосприятия // Полухина В. Бродский глазами современников. Сб-к интервью. СПб.: Журнал «Звезда», 1997. С. 55–73.
6. Зими́на Е.В. Особенности перевода современной польской поэзии // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. № 5. С. 211–213.
7. Самойлов Д. Константы Ильдефонс Галчинский // Константы Ильдефонс Галчинский. Стихи. Пер. с польского. М.: Издательство «Художественная литература», 1967. С. 3–24.
8. Тувим Ю. Четверостишие в работе / Пер. А. Эппеля // Польская литература. Журнал Польского института литературы. 03.01.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://polskayaliteratura.pl/chitalniy-zal/statya/chetverostishie-v-rabote> (дата обращения: 26.08.2026).

REFERENCES

1. Azov A.G. *Poverzhennyye bukvallysty: Iz istorii khudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920–1960-e gody* [Defeated Literalists: From the History of Literary Translation in the USSR in the 1920s and 1960s]. Moscow, HSE Publ., 2013. 304 p. (In Russ.)
2. Belov I. Perevesti Galchinskogo [To Translate Gałczyński]. *Pashnya*. September 2024 [Electronic Source]. URL: <https://cws.media/konstanty-ildefons-galchinskij-perevody-masterskoj-hudozhestvennyj-perevod-s-polskogo-yazyka/> (accessed: 31.07.2026). (In Russ.)
3. Belov I. Trudnosti perevoda. Kak ya perevodil pol'skuyu poe'ziyu i uchilsya iskusstvu by't' drugim [Translation Difficulties. How I Translated Polish Poetry and Learned the Art of Being Someone Else]. *Culture.pl*. 29.09.2020 [Electronic Source]. URL: <https://culture.pl/ru/article/trudnosti-perevoda-kak-ya-perevodil-polskuyu-poeziyu-i-uchilsya-iskusstvu-byt-drugim> (accessed: 01.08.2026). (In Russ.)
4. Gasparov M.L. *Metri i smysl* [Meter and Meaning]. Moscow, Fortuna EL Publ., 2012. 416 p. (In Russ.)
5. Gordin Ya. Tragedijnost' mirovospriyatiya [Tragic Worldview]. Polukhina V. *Brodskij glazami sovremennikov* [Brodsky in the Eyes of His Contemporaries]. Collection of interviews. St. Petersburg, Zhurnal "Zvezda" Publ., 1997, pp. 55–73. (In Russ.)
6. Samojlov D. Konstanty' Il'defons Galchinskij [Konstanty Ildefons Gałczyński]. *Konstanty' Il'defons Galchinskij. Stikhi. Perevod s pol'skogo* [Konstanty Ildefons Gałczyński. Poems. Translated from Polish]. Moscow, Izdatel'stvo "Khudozhestvennaya literatura", 1967, pp. 3–24. (In Russ.)
7. Tuvim Yu. Chetverostishie v rabote [The Quatrain in Progress], trans. by A. Eppel. *Pol'skaya literatura. Zhurnal Polskogo instituta literatury* [Polish Literature. Journal of the Polish Institute of Literature]. URL: <https://polskayaliteratura.pl/chitalniy-zal/statya/chetverostishie-v-rabote> (accessed: 26.08.2026). (In Russ.)
8. Zimina E.V. Osobennosti perevoda sovremennoj pol'skoj poe'zii [Specifics of translating Contemporary Polish Poetry]. *Vestnik of Kostroma State University*, 2016, no. 5, pp. 211–213. (In Russ.)

Поступила в редакцию 01.08.2026

Отредактирована 15.09.2026

Принята к публикации 26.08.2026

Received 01.08.2026

Revised 15.09.2026

Accepted 26.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Татьяна Александровна Пирусская — к.ф.н., старший научный сотрудник отдела научной эдиции ИМЛИ РАН; tapirus@inbox.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana A. Pirusskaya — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; tapirus@inbox.ru

«ФЛАГ НА ЗАРЕ» РОБЕРТА СТОУНА И КОНТЕКСТЫ ЛИРИКИ ЭМИЛИ ДИКИНСОН: ПОЭТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРОЗАИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Н.В. Киреева

*Благовещенский государственный педагогический университет,
Благовещенск, Россия; stonerk@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена исследованию влияния поэзии Эмили Дикинсон на роман Роберта Стоуна «Флаг на заре» (1981), признанный одним из самых значительных политических романов своего времени, сочетающих социальную проблематику с экзистенциальной глубиной. В отличие от многочисленных работ о влиянии «затворницы из Амхерста» на поэтов XX века, обращение к прозе Стоуна остается малоизученным, хотя цитата из Дикинсон в заглавии романа задает философский и лирический регистр повествования. Центральным объектом исследования выступают ключевые мотивы Дикинсон: жертвенность, сомнение как неотъемлемая часть веры, добровольная изоляция, внутренняя независимость и служение ближнему. Эти мотивы органично воплощены в духовной эволюции монахини Джастин Финни на фоне революции в вымышленном Текане. Стоун вписывает сомнения героини в контекст политического насилия, заставляя искать ответы на вопросы веры в ситуации нравственного выбора. В статье проанализирована трансформация метафор («флаг», «заря», «порог», «душа») в прозаическом образном ряде Стоуна и рассмотрено, каким образом интонации поэтессы — напряженное ожидание, экзистенциальная тревога, единство веры и неверия — преломляются в романном повествовании. Особое внимание уделяется финальной сцене, где героиня цитирует Дикинсон, а также семантике «флага на заре» как символа духовного выбора и перехода. Исследование доказывает, что Стоун не сводит диалог с Дикинсон к цитате, но выстраивает внутреннюю логику романа на основе образно-мотивной системы поэтессы и адаптирует ее темы к травматическому опыту новейшей истории.

Ключевые слова: Роберт Стоун; Эмили Дикинсон; «Флаг на заре»; интертекстуальность; поэтические метафоры; жертвенность; сомнение; вера; изоляция; духовная драма

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-17

Для цитирования: Киреева Н.В. «Флаг на заре» Роберта Стоуна и контексты лирики Эмили Дикинсон: поэтические мотивы в прозаическом тексте // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 193–201.

ROBERT STONE'S *A FLAG FOR SUNRISE* AND THE CONTEXTS OF EMILY DICKINSON'S POETRY: POETIC MOTIFS IN PROSE

Nataliia V. Kireeva

*Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia;
stonerk@mail.ru*

Abstract: The article examines the influence of Emily Dickinson's poetry on Robert Stone's novel *A Flag for Sunrise* (1981), which is regarded as one of the most significant political novels of its time, combining social concerns with existential depth. Unlike numerous studies on Dickinson's impact on twentieth-century poets, her reception in Stone's prose remains underexplored, even though a quotation from Dickinson in the novel's title sets a philosophical and lyrical tone. The central focus is on Dickinson's key motifs — self-sacrifice, doubt as an integral part of faith, voluntary isolation, inner independence, and service to others. These motifs are organically embodied in the spiritual evolution of Sister Justin Finney, Stone's heroine, against the backdrop of revolution in Tecan — the fictional Central American country. Stone frames the heroine's doubts within the context of political violence, compelling her to seek answers to questions of faith in a situation of moral choice. The article analyses the transformation of metaphors ('flag', 'dawn', 'threshold', 'soul') into Stone's prose imagery and examines how the poet's intonations — tense expectation, existential anxiety, and the unity of belief and unbelief — are refracted in the novel's narrative. Special attention is paid to the final scene, where the heroine quotes Dickinson, and to the semantics of the 'flag at dawn' as a symbol of spiritual choice and transition. The study demonstrates that Stone does not reduce his dialogue with Dickinson to mere citation but constructs the novel's internal logic on the basis of the poet's figurative-motivic system, adapting her themes of faith, solitude, and sacrifice to the traumatic experience of recent history.

Keywords: Robert Stone; Emily Dickinson; *A Flag for Sunrise*; intertextuality; poetic metaphors; self-sacrifice; doubt; faith; isolation; spiritual drama

For citation: Kireeva N.V. (2026) Robert Stone's *A Flag for Sunrise* and the Contexts of Emily Dickinson's Poetry: Poetic Motifs in Prose. *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 193–201.

Одним из устойчивых направлений в современном дикинсоноведении является исследование влияния творчества Эмили Дикинсон (1830–1886) на последующую литературную традицию. Среди работ, посвященных данной проблеме, заметнее всего те, что рассматривают восприятие поэтессы в творчестве американских поэтов XX века. Так, Марианн Мур, Элизабет Бишоп и Сильвия Плат в разной степени соотносили собственный поэтический опыт с наследием «затворницы из Амхерста» [Habegger 2001: 746–748; Vendler 2010: 112–115; Pollak 2016: 203–210]. То же можно сказать и о ряде поэтов,

ближайших к нам во времени, таких как Джори Грэм, Чарльз Райт и Сьюзен Хау [Gardner 2006: 57–63]. Значительно реже изучается влияние поэтессы на художественную прозу второй половины XX — начала XXI века.

Тем заметнее прямая интертекстуальная связь с Дикинсон, обнаруживаемая в творчестве американского романиста Роберта Стоуна (1937–2015) — одного из значительных прозаиков последней трети XX века, принадлежащего к поколению Дж. Апдайка, Дж. Гарднера, Т. Моррисон и Т. Пинчона. Пятикратный номинант и обладатель Национальной книжной премии за роман «Псы войны» (1974), который журнал *Time* включил в список 100 лучших англоязычных романов, Стоун известен «культурной изощренностью» прозы, буквально сотканной из аллюзий. И тем интереснее, что в романе «Флаг на заре» (*A Flag for Sunrise*, 1981) он обращается не к прозаическим текстам, а к поэзии Дикинсон: автор выносит строку из ее стихотворения в заглавие [Киреева 2002: 102], а в кульминационной сцене главная героиня, монахиня Джастин Финни, воспроизводит строки Дикинсон [Стоун 1986, 2: 164]. Эта аллюзия не ограничивается лишь символическим жестом: ключевым звеном, связывающим роман Стоуна с поэтической традицией Дикинсон, выступает обращение к экзистенциальной проблематике, глубоко укорененной в ее лирике. В настоящей статье предпринимается попытка проследить конкретные мотивы, которые переходят из поэзии Дикинсон в прозу Стоуна, становясь структурообразующими элементами образа главной героини.

Экзистенциальная проблематика, созвучная ключевым мотивам поэзии Дикинсон, занимает в романе «Флаг на заре» центральное место. Стоун помещает своих героев в экстремальные условия революционных потрясений, чтобы выявить их глубинные духовные искания. Как отмечает Б. Харрисон, писатель исследует экзистенциальный страх — «страх смерти, страх пустоты внутри, страх бессмысленности жизни, страх несостоятельности в обезбоженной вселенной», прячущийся под политическими лозунгами и подталкивающий героев к насилию [Harrison 2011: 15]. Все основные персонажи романа — антрополог-интеллектуал, монахиня, священник, наемник — становятся искателями веры. Исследователи отмечают, что «Флаг на заре» является «одним из самых значимых политических романов своего периода» и одновременно романом глубоко религиозным: все главные герои — это своего рода паломники, ищущие смысл [Киреева 2002; Harrison 2011; Breinig 2016]. Каждый пытается заполнить внутреннюю пустоту: сестра Джастин стремится к жертвенной вере, ученый Френк Холливел цинично отказывается от «иллюзий», священник отец Эган не теряет надежды найти

«осколок света» во тьме, а психопат-контрабандист Пабло Табор пускается в путь саморазрушения. Отсылки к поэзии Дикинсон оправданы тем, что она во многом сосредоточена на внутреннем духовном опыте, на сомнениях и надеждах души, находящейся на пороге между земным и трансцендентным. Характерна метафора порога или двери: положение «у двери» чрезвычайно типично для лирической героини Дикинсон, символизируя границу между внутренним миром и внешней реальностью, одновременно преграду и приглашение переступить ее [Венедиктова 2007: 405]. В одном стихотворении странница заглядывает в чужой дом через распахнутую дверь и с болью ощущает свое изгнание; в другом — замирает перед закрытой дверью прошлого, страхась открыть ее. Сама поэтесса писала, что «Душа должна открытой быть — /На случай, если Бог /Заглянет — чтобы Он войти, /Когда захочет, мог» [Дикинсон 2007: 81], хотя душа не уверена, желает ли она прихода Бога. Эта деталь отражает двойственность религиозного чувства Дикинсон — одновременное стремление к божественному присутствию и страх перед ним. Таким образом, и Стоун, и Дикинсон размещают душу на пороге веры, разве что герои Стоуна ищут Бога в гуще истории, а дикинсоновская душа — в домашнем уединении.

На этом фоне особенно значим образ сестры Джастин Фини — героини Стоуна, в чьей судьбе явственно проступают мотивы, характерные для поэзии Дикинсон. Прямая интертекстуальная связь очевидна: заглавие *A Flag for Sunrise* взято из строки стихотворения Дикинсон “A Wife — at Daybreak I shall be”. В кульминации романа сестра Джастин вслух произносит строки Дикинсон: “A Wife — at Daybreak I shall be — /Sunrise — hast thou a flag for me?” [Dickinson 1961: 110], хотя в тексте романа источник цитаты не указан¹. Этот поэтический образ «флага на заре» становится символическим ключом к внутреннему миру Джастин и задает тон интерпретации ее духовного пути. Лирическая героиня Дикинсон на пороге судьбоносного утра обращает вопрос к восходящему солнцу: «Есть ли у тебя флаг для меня?», предчувствуя переход в новое состояние — состояние невесты, вступающей в новый жизненный союз. Сестра Джастин — монахиня, «невеста Христова» — тоже стоит на пороге решающего выбора, переживая кризис веры и пытаясь понять, чему посвятить свою жизнь. В кульминационный момент, перед лицом гибели, Джастин вновь обращается к метафоре невесты и флага, цитируя строки Дикинсон, желая выразить свое стремление к высшей цели. Утренняя заря с «флагом» становится символом духов-

¹ «Коль стану твоей на рассвете женой — // Поднимешь ли флаг вместе с алой зарей?» [Стоун 1986, 2: 164]

ного возрождения, обретения высшего смысла — подобно тому, как в христианской символике заря воскресения несет надежду.

Одно из ключевых экзистенциальных испытаний, роднящих сестру Джастин с лирической героиней Дикинсон, — драматический внутренний конфликт веры. Вера «затворицы из Амхерста» не была простой или ортодоксально цельной: она «расколота сомнением и разве что сознательным, героическим усилием воли восстанавливаема, “сшиваема”, как разорванная ткань» [Венедиктова 2007: 402]. В одном из поздних писем поэтесса даже дала парадоксальное определение: «Вера — это Сомнение» (цит. по: [Венедиктова 2007: 402]). У сестры Джастин мы наблюдаем сходное «расколотое» состояние духа: ее религиозная вера ослабевает под гнетом жестокости окружающего мира и собственных сомнений. Героиня фактически «теряет веру» и, оказавшись на грани отчаяния, ищет новый объект самоотверженного служения — в итоге направляя свой религиозный пыл в русло революционной борьбы. Однако, подобно Дикинсон, Джастин не утрачивает самой потребности верить — ее душой по-прежнему движет «огромная потребность в вере и Истине», которая «сочетается <...> с непреклонной решимостью испытывать основания веры» [Венедиктова 2007: 402]. В финале, перед лицом смерти, сестра Джастин обретает духовное оправдание: ее последние слова — библейское смиренное признание «се, Раба Господня», которое Дева Мария произнесла при Благовещении [Лк 1:38]. Этот финал можно трактовать как восстановление утраченной веры героини: приняв мученическую смерть во имя высшей воли, Джастин словно возвращает себе целостность духа.

Мотив страдания как пути к истине глубоко роднит сестру Джастин с лирической героиней Дикинсон, называвшей себя «Императрицей Голгофы» [Дикинсон 2007: 82]. По наблюдению Т.Д. Венедиктовой, дикинсоновская героиня «сочувственно опознает крестную муку в каждом человеческом существовании», находя через сопереживание чужой боли связь с каждым страдальцем [Венедиктова 2007: 401]. Сестре Джастин также присущи глубокое страдание и жажда искупительной жертвы. Она добровольно живет среди беднейших и больных, служа в миссии на окраине мира и разделяя земные страдания обездоленных. Финальная сцена пытки и гибели сестры Джастин предстает как ее собственная Голгофа. Это превращает героиню Стоуна в зеркальное отражение дикинсоновской героини: в момент мученической смерти она достигает той духовной высоты, на которой преодолеваемая боль становится свидетельством истины и верности избранному пути.

Еще одна параллель между лирической героиней Дикинсон и сестрой Джастин проявляется в выборе одиночества и внутренней

независимости. Дикинсон сознательно избрала уединенную жизнь, превратив свой дом и свой внутренний мир одновременно в крепость и в тюрьму. Сестра Джастин, хотя и действует во внешнем, «реальном» мире, во многом тоже изолирована — и морально, и физически — от привычной социальной жизни. Она словно «не от мира сего»: молодая американка, отказавшаяся от благополучия ради монашеского служения и уехавшая в далекую страну. Это сближает ее с Дикинсон, прозванной современниками «затворницей из Амхерста», — в обоих случаях добровольное затворничество осмысливается как признак избранности и условие внутренней свободы. В обоих же случаях состояние это исполнено противоречивости.

В знаменитом стихотворении “The Soul selects her own Society” Душа — лирический персонаж поэзии Дикинсон — как бы утверждает право личности самой определять свое окружение и судьбу. Сестра Джастин во многом следует этому идеалу независимости: она достаточно смела, чтобы игнорировать указания церковного начальства и поступать по велению собственной совести. Так, наперекор приказу покинуть миссию она остается лечить больных и даже вступает в контакт с повстанцами, полагая своим нравственным долгом помочь угнетенному народу. В ее непослушании слышится отзвук дикинсоновского духа несогласия. Но затворничество у Дикинсон имеет и темную сторону: поэтесса осознавала опасность полного самоотрешения от мира. Ее добровольное одиночество могло обернуться трагическим самозаключением. В финале стихотворения о Душе и Обществе появляется намек на то, что душа, закрывшись, рискует окаменеть в изоляции: затворничество Души можно воспринимать и как «гордую непреклонность», и как заточение в могилу или «каменный мешок» [Венедиктова 1994: 86–87]. Тот же парадокс акцентируется Стоуном и в судьбе Джастин. Ее одиночество в миссионерской глуши — источник духовной силы, независимости от «мира сего», но одновременно причина ее уязвимости. Отвергнув поддержку институций (и церковных, и светских), полагаясь лишь на себя и Бога, Джастин оказывается беззащитной перед лицом большой Истории. Ее индивидуализм оборачивается тем, что спастись она может только самостоятельно — и в итоге ей не удастся спастись вовсе. Как и домашнее уединение Дикинсон, миссия в Текане становится для Джастин одновременно убежищем и тюрьмой. В одном из стихотворений лирическая героиня Дикинсон признается: «Услышу слово я “побег” — /И закипает кровь» [Дикинсон 2007: 14]. В судьбе Джастин эта жажда вырваться из «ловушки» тоже присутствует, но реализовать ее не удастся: стремясь освободить других (от тирании, от боли), она сама не может спастись из ловушки, расставленной ей обстоятельствами. Дверь захлопы-

вается — в финале Джастин гибнет, так и не выбравшись из порочного круга революционной авантюры и церковных интриг. Тем самым образ Джастин по-новому оттеняет дикинсоновскую двусмысленность уединения: одиночество выступает одновременно знаком духовной избранности и трагической оторванности от жизни.

Наконец, сестра Джастин и лирическая героиня Дикинсон глубоко сходны в своем стремлении к служению, которое приносит благо другим. Дикинсон, несмотря на уединенный образ жизни, воспринимала свое поэтическое творчество как своеобразную миссию милосердия. Она говорила о поэзии как о «послании миру», обращенном к невидимому адресату: «Я Миру шлю мое письмо <...> Кому вручат, не знаю я, /Послание мое» [Дикинсон 2007: 48]. Это послание несет другому человеку «дар вдохновения, утешения или даже спасения» и предполагает «ответный дар понимания с его (адресата) стороны» [Венедиктова 2007: 410]. Лирическая героиня Дикинсон видит смысл своего тихого подвига в помощи ближнему — пусть даже эта помощь выражается лишь в строках стихотворения. Сестра Джастин — медсестра и монахиня, отдающая свои силы лечению телесных и душевных ран. В ее жизни прослеживается тот же принцип «не напрасно прожить»: жертвуя собой, она стремится спасти другие жизни. Более того, ощущение, что простой монашеской службы недостаточно для подлинного спасения страждущих, побуждает ее расширить рамки милосердия до участия в борьбе за социальную справедливость. Из сострадания к народу Текана Джастин примыкает к повстанцам, надеясь защитить угнетенных. Идеализм Джастин противопоставляется в романе Стоуна беспощадности истории. В финале героиню ждет жестокое разочарование: революционеры фактически приносят и саму Джастин, и доверившихся ей крестьян в жертву как отвлекающий маневр. Ее гибель не предотвращает насилия, напротив, становится частью новой волны бессмысленной жестокости. И все же образ Джастин сохраняет трагическое достоинство: она остается верной альтруистическому идеалу, даже неосуществимому. В этом духовном порыве чувствуется родство с Дикинсон, чье молчаливое служение слову становится актом сострадания и внутренней жертвенности. Не случайно другой герой романа, профессор Холливелл, мысленно сравнивает свою судьбу с судьбой Джастин: «У нее своя заря, — думает Холливелл, — а у меня своя» [Стоун 1986, 2: 200]. Заря Джастин — это миг ее перехода в иной план бытия, где ее миссия только и может быть доведена до конца. Ее флаг — не земной флаг революции, а духовный флаг победы милосердия над бессмысленной жестокостью.

Таким образом, творческая переключка между романом «Флаг на заре» Роберта Стоуна и поэзией Эмили Дикинсон проявляется

на нескольких уровнях: на текстовом (цитата из стихотворения в заглавии, строки Дикинсон в речи героини), на мотивно-образном (невеста Христова, знамя рассвета, мученичество, «рана сомнения» веры, поиски истины, добровольная изоляция, служение ближнему), а также философском и эмоциональном. Сестра Джастин в интерпретации Роберта Стоуна выступает как духовная наследница дикинсоновской лирической героини, — дает ей новое воплощение в травматическом контексте конца XX века. Сознательный диалог писателя с творчеством Дикинсон выходит за рамки интертекстуальной игры: он становится художественным приемом, структурирующим роман как духовную драму. В судьбе главной героини романа Стоуна обретает новую жизнь тот самый «Флаг на заре» — символ верности внутренней истине, надежды и совести, поднятый поэтессой в лирике и поддержанный, переосмысленный писателем в прозе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Венидиктова Т.Д. Обретение голоса: Американская национальная поэтическая традиция. М., 1994.
2. Венидиктова Т.Д. Тематический лексикон поэзии Эмили Дикинсон // Дикинсон Э. Стихотворения. Письма. М., 2007. С. 398-420.
3. Дикинсон Э. Стихотворения. Письма. М., 2007.
4. Киреева Н.В. Поэтика романов Роберта Стоуна. Благовещенск, 2002.
5. Стоун Р. Флаг на заре /Пер. К. Чугунова // Иностранная литература. 1986. №№ 1-2.
6. Breinig H. Hemispheric Imaginations: North American Fictions of Latin America. Hanover, 2016.
7. Dickinson E. Final harvest: Emily Dickinson's poems. Boston, Toronto, 1961.
8. Gardner Th. A Door Ajar: Contemporary Writers and Emily Dickinson. New York, 2006.
9. Habegger A. My Wars Are Laid Away in Books: The Life of Emily Dickinson. New York, 2001.
10. Harrison B. "For a while they felt better": Negation in A Flag for Sunrise // European Journal of American Studies, 6(1), 2011. P. 1-15.
11. Pollak V.R. Our Emily Dickinsons: American Women Poets and the Intimacies of Difference. University of Pennsylvania Press, 2016.
12. Stone R. A Flag for Sunrise. New York, 1981.
13. Vendler H. Dickinson: Selected Poems and Commentaries. Cambridge (Mass.), 2010.
14. Woods W.C. "Robert Stone, The Art of Fiction No. 90": Interview // Paris Review 98 (Winter 1985): 1-19.

REFERENCES

1. Venediktova T.D. *Obretnenie golosa: Amerikanskaya natsional'naya poeticheskaya traditsiya* [Finding a Voice: American National Poetic Tradition]. Moscow, NTTs "Konservatoriya", 1994. 152 p. (In Russ.)
2. Venediktova T.D. *Tematicheskii leksikon poezii Emili Dikinson* [Thematic Lexicon of Emily Dickinson's Poetry]. In: Dickinson E. *Stikhotvoreniya. Pis'ma* [Poems. Letters]. Moscow, Nauka, 2007, pp. 398-420. (In Russ.)

3. Dickinson E. *Stikhotvoreniya. Pis'ma* [Poems. Letters]. Moscow, Nauka, 2007. 550 p. (In Russ.)
4. Kireeva N.V. *Poetika romanov Roberta Stouna* [The Poetics of Robert Stone's Novels]. Blagoveshchensk, 2002. 192 p. (In Russ.)
5. Stone R. *Flag na zare* [A Flag for Sunrise]. Transl. by K. Chugunov. *Inostrannaya literatura*, 1986, № 1–2. (In Russ.)
6. Breinig H. *Hemispheric Imaginations: North American Fictions of Latin America*. Hanover, 2016. 390 p.
7. Dickinson E. *Final Harvest: Emily Dickinson's Poems*. Boston; Toronto, 1961. 332 p.
8. Gardner Th. *A Door Ajar: Contemporary Writers And Emily Dickinson*. New York, Oxford UP, 2006. 262 p.
9. Habegger A. *My Wars Are Laid Away in Books: The Life of Emily Dickinson*. New York, 2001. 764 p.
10. Harrison B. "For a while they felt better": Negation in A Flag for Sunrise. *European Journal of American Studies*, 2011, vol. 6, no. 1, pp. 1–15.
11. Pollak V.R. *Our Emily Dickinsons: American Women Poets and the Intimacies of Difference*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2016. 368 p.
12. Stone R. *A Flag for Sunrise*. New York, Alfred A. Knopf, 1981. 439 p.
13. Vendler H. *Dickinson: Selected Poems and Commentaries*. Cambridge, MA, 2010. XIV, 535 p.
14. Woods W.C. "Robert Stone, The Art of Fiction No. 90": Interview. *Paris Review*, 1985, № 98, pp. 1–19.

Поступила в редакцию 15.01.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Отредактирована 01.08.2026

Received 15.01.2026

Accepted 16.06.2026

Revised 01.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Наталья Владимировна Киреева — д.ф.н., доцент, проректор по научной работе, профессор кафедры русского языка и литературы, Благовещенский государственный педагогический университет; stonerk@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Kireeva — Prof. Dr., Vice-Rector for Research, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University; stonerk@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

**В ПРЕДДВЕРИИ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ:
КАРАМЗИН И ЕГО «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ».**
**Рецензия на книгу: КАФАНОВА О.Б. ПЕРЕВОДЫ
Н.М. КАРАМЗИНА В «ВЕСТНИКЕ ЕВРОПЫ».**
КОНТЕНТ, ФИЛОСОФИЯ, ПОЭТИКА.
СПб.: Алетейя, 2024. 504 с.

Д.П. ИВИНСКИЙ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; dmitrij_ivinskij@mail.ru*

Аннотация: В монографии О.Б. Кафановой рассмотрен весь массив переводов Карамзина, напечатанных им в журнале «Вестник Европы» в 1802–1803 гг. Кафанова обсуждает содержание этих переводов, опираясь на результаты собственных многолетних исследований. Исследовательнице удалось учесть 350 переводных текстов, бесспорно принадлежащих Карамзину, и в подавляющем большинстве случаев раскрыть их источники, которые им самим не были указаны. В результате наследие Карамзина-переводчика впервые открывается в полном объеме. Дополнения и уточнения неизбежны, но общая картина создана, и на ее основе будут внесены коррективы в биографию Карамзина, в историю переводов в России, а следовательно, и в историю русской литературы.

Ключевые слова: Карамзин; перевод; «Вестник Европы»; русско-европейские литературные связи; Наполеон; Архенгольц; Вольтман; Халем

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-18

Для цитирования: Ивинский Д.П. В преддверии Пушкинской эпохи: Карамзин и его «Вестник Европы». Рецензия на книгу: Кафанова О.Б. Переводы Н.М. Карамзина в «Вестнике Европы». Контент, философия, поэтика. СПб.: Алетейя, 2024. 504 с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 202–209.

ON THE THRESHOLD OF THE PUSHKIN ERA: KARAMZIN AND HIS *BULLETIN OF EUROPE*.

Book review: KAFANOVA O.B. TRANSLATIONS OF N.M. KARAMZIN IN *BULLETIN OF EUROPE*. CONTENT, PHILOSOPHY, POETICS. St. Petesburg, Aleteya Publ., 2024. 504 p.

Dmitriy P. Ivinskiy

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dmitrij_ivinskiy@mail.ru

Abstract: O.B. Kafanova's monograph examines the entire array of Karamzin's translations, which he published in the journal *Vestnik Evropy* (*Bulletin of Europe*) in 1802–1803. Kafanova discusses the content of these translations, based on the results of her own long-term research. The researcher managed to take into account 350 translated texts, undoubtedly belonging to Karamzin, and in the vast majority of cases to reveal their sources, which he himself did not specify. As a result, the legacy of Karamzin the translator is being fully revealed for the first time. Additions and clarifications are inevitable, but the overall picture has been created, and based on it, adjustments will be made to Karamzin's biography, to the history of translations in Russia, and consequently to the history of Russian literature.

Keywords: Karamzin; translation; *Bulletin of Europe*; Russian-European literary connections; Napoleon; Archenholz; Woltman; Halem

For citation: Ivinskiy D.P. (2026) On the Threshold of the Pushkin Era: Karamzin and His *Bulletin of Europe*. Book Review: Kafanova O.B. Translations of N.M. Karamzin in the *Bulletin of Europe*. Content, Philosophy, Poetics. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2024. 504 p. *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 202–209.

Монография О.Б. Кафановой, которую мы намерены кратко обсудить, представляет собой продолжение более ранней работы [Кафанова 2020], посвященной переводам Карамзина, начиная с «Юлия Цезаря» Шекспира и «Эмилии Галотти» Лессинга, продолжая печатавшимися в «Московском Журнале» (из Мармонтеля, Флориана, Коцебу и мн. др.), в отделе «Смесь» газеты «Московские Ведомости» (1795) и в «Пантеоне Иностранной Словесности» (1798); отдельно был рассмотрен перевод «Нравоучительных сказок» Мармонтеля, которым исследовательница справедливо придает особое значение. В новом своем исследовании О.Б. Кафанова обсуждает журнал Карамзина «Вестник Европы», уделяя первостепенное внимание его переводам («Целью настоящей монографии является освещение главных направлений журнала, которые создавались с помощью переводных материалов» (22)) и вписывая их в сложное смысловое пространство издания как его важнейший компонент.

В первой части книги рассмотрена тема Наполеона Бонапарта, каким он предстал на страницах «Вестника Европы». Картина полу-

чилась исключительно сложной: «<...> интерес и симпатия к Бонапарте были заявлены в журнале сразу <...>» (29), причем «описание личности Наполеона и его деяний занимает центральное место в журнале на протяжении почти всего 1802 года» (33) и выглядит комплиментарным: подчеркиваются присущие ему «сердечность и великодушие», «мудрость», «бесстрашие» (33–34), его «гениальные способности» сочетались с «чувствительностью», «веротерпимостью», филантропией и проч. (35–36). Однако тут же выясняется, что Карамзин и не думал ограничиться апологетикой: «<...> уже в начале 1802 года появляются, пока еще в незначительном количестве, переводные заметки, в которых несколько снижался ореол совершенства и непогрешимости этого <...> человека» (35), а в июне — июле 1802 г. ситуация меняется принципиальным образом: после избрания Наполеона «вечным консулом» в текстах Карамзина начинает проскальзывать «легкая ирония» (96–97), его комментарии становятся «сухими и лаконичными» (100), «он намеренно создает в журнале полемический дискурс о первом консуле с помощью разнообразных оппозиционных сообщений о нем из Англии, Германии и самой Франции. По мере развития событий образ Наполеона теряет в своей привлекательности от номера к номеру» (102), а с конца 1802 г. «<...> в “Вестнике” появляется масса сообщений, в целом подрывающих авторитет Наполеона» (105): Карамзин понял, что «<...> в этом незаурядном человеке проявились обычные человеческие слабости и пороки, среди которых славолубие и властолюбие» (107), и напечатал «ряд статей», направленных против идеи «вечного консульства» (109). В результате выясняется, что мнение Ю.М. Лотмана и некоторых других исследователей о «бонапартистском» характере журнала должно быть пересмотрено.

Во второй части на первый план выдвинуты вопросы современной политики, которая на страницах «Вестника Европы» предстает, в частности, в интерпретации Иоганна Вильгельма фон Архенгольца (1743–1812), автора знаменитой истории Семилетней войны («*Geschichte des Siebenjährigen Krieges in Deutschland von 1756 bis 1763*» [1788]) и издателя журнала «*Minerva für Politik, Geschichte und Literatur*», который стал «<...> чуть ли не настольной книгой <...>» (121) Карамзина-редактора. Тут же «политические события» рассматриваются «глазами французских авторов» (134–146), членов английского парламента (147–166), воссоздается отношение Карамзина к политической жизни Швейцарии (197–203), к делам Старого Света прибавляются дела Нового (167–186) и на первый план выдвигаются дела и слова Джорджа Вашингтона и Томаса Джефферсона (187–196). Одновременно раскрываются источники осведомленности Карамзина, печатные и эпистолярные, и становится понятно, что

его интеллектуальная открытость литературе, журналистике, истории, политике Европы была высочайшей, чтобы не сказать полной, а его журнал был своего рода энциклопедией европейской политики, понимаемой и как реальность, и как ее многочисленные отражения-интерпретации в текстах современников, вовлеченных в острую политическую борьбу.

Третья часть посвящена журнальной рубрике (или рубрикам) «Литература и Смесь». Здесь подробно обсуждается история переводов Карамзина из Жанлис (своего рода микромонография в монографии) и из других авторов, менее известных в России, в т. ч. из Пьера-Эдуарда Лемонте, Жана-Франсуа де Сен-Ламбера, графа Огюста де Кератри, Антуана Жильбера Гриффе де Лабомы, Виктора-Донатьена Мюссе-Патэ и др.; отдельно рассматриваются «анонимные» произведения (232–352). В результате вслед за политической панорамой появляется литературная; ее внутренний смысл обсуждается на уровне проблемы понимания человека, причем не столько или не только с социальной, сколько с психологической точки зрения. Со «старыми» поэтами соотнесены «новые»: принесенная Карамзиным «дань памяти Лафатеру, Сен-Ламберу, Лагарпу, Клопштоку» не означает, что эти авторы выводятся за пределы современности, скорее она утверждает себя рядом с ними: появление Шатобриана и мадам де Сталь, конечно, не рассматривается Карамзиным как литературная революция. Он переводит статьи авторов, спорящих о Вольтере так ожесточенно, как будто он был их современником, и статью о Вольтере и Анри-Луи Лекёне, чье имя неизымаемо из истории французского театра, статьи о Дидро и Лафатере (сама постановка вопроса о возможности сближения этих имен и сейчас не всем покажется обоснованной), о Руссо и Бюффоне.

В четвертой части книги речь идет о поэзии, философии, истории, этом «священном треугольнике», по выражению Гердера, которое приводит О.Б. Кафанова. Здесь, в частности, обсуждается переведенная Карамзиным для «Вестника Европы» шиллеровская «Игра судьбы» (этот перевод осмысливается как своего рода соперничество с подлинником, по крайней мере в отношении динамики повествования, психологизма, усиления роли «чувствительного» «автора-повествователя»), напечатанная сразу после переведенного Карамзиным же «философского эссе» Христиана Гарве «О напрасных ожиданиях», где выражен скептический взгляд на возможности человека и человечества, «жребий» которого «вообще обманываться». Скепсис Гарве, в чем-то близкий Карамзину, не отменяется, но отчасти уравнивается переводом гердеровского «Разговора о невидимо-видимом обществе», в котором «истинная гуманность» рассматривается как цель истории (360–268).

Эти два перевода образуют своего рода фон для подробного обсуждения переводных же фрагментов мемуаров Жана-Луи Жиро-Сулави, дипломата, историка и минералога, питавшего некоторый интерес к России (в 1786 г. он был избран Членом-корреспондентом Петербургской Императорской Академии наук), касающихся Людовика XVI, Марии-Антуанетты и их времени, в целом нейтральных или сочувственных по отношению к первому и неприязненных ко второй (369–377). Далее О.Б. Кафанова рассматривает статьи Карамзина «Некоторые любопытные черты характера Людовика XVI и Королевы Марии Антуанетты» (это перевод фрагментов только что вышедшей книги [Maximes de Louis XVI 1802]), и «Анекдот из нового собрания материалов для описания Французской Революции» (369–377).

Сложность избранного О.Б. Кафановой метода работы с материалом заключается в том, что она стремится осветить «Вестник Европы» как целое, как динамическое множество пересекающихся политических, исторических, религиозно-философских, биографических и иных сюжетов, полностью отдавая себе отчет в том, что каждая публикация, каждый перевод Карамзина требует подробного обсуждения, в ходе которого неизбежно вскрываются контексты, которые тогдашний или нынешний читатель мог видеть и понимать, а мог не замечать, особенно при беглом перелистывании журнала, и что такое обсуждение должно было бы опираться на множество частных разысканий, совокупный объем которых трудно оценить; во всяком случае объем книги потребовалось бы увеличить в несколько раз. Но книга О.Б. Кафановой либо уже содержит результаты подобных разысканий (см. важнейший указатель переводов Карамзина, вынесенный в приложение), либо вплотную подводит к осуществлению оных; ограничусь одним примером.

В № 1 «Вестника Европы» 1803 г. Карамзин поместил перевод «из Нем.<ецкого> Жур.<нала>» (других указаний на источник нет), озаглавленный «Дзетанг, или Храм предков». О.Б. Кафанова обсуждает содержание этого текста (422–423, 468); укажем его источник: заметка, напечатанная в берлинском журнале «История и политика», издававшемся историком Карлом-Людвигом фон Вольтманном (Вольтманн, Karl Ludwig von Woltmann, 1770–1817), подписанная в основном тексте «von Halem» [Halem 1802: 60]; в оглавлении содержатся дополнительные сведения: «Vom Regierungsrath von Halem in Oldenburg» («От правительственного советника фон Халема из Ольденбурга»). Итак, это Герхард Антон фон Халем (Галем; Gerhard Anton von Halem, 1752–1819), в 1803 г. занятый, в частности, завершением и подготовкой к печати своих книг «Жизнь Петра Великого» (1803–1804) и «Жизнь Графа Миниха» (1803), впоследствии переведенных на русский язык:

[Галем 1806, перевод В.Ф. Тимковского [1781–1832]; Галем 1812–1813]). Возвращаясь к Вольтману, напомним, что «Вестник Европы» не утратил интереса к его сочинениям и после того, как Карамзин отказался от редактирования: в 1805 г. М.Т. Каченовский напечатал «сокращенный перевод» обширной статьи Вольтмана о Варфоломеевской ночи [Вольтман 1805]. Зафиксировав все это, мы могли бы сопоставить перевод Карамзина с подлинником, отмечая расхождения, по крайней мере в одном случае существенные¹ и позволяющие продолжить давно ведущееся обсуждение его собственной позиции, которая, как справедливо подчеркивает автор рецензируемой книги, редко выражается с полной определенностью, тем более что «свою задачу <...> Карамзин видел в <...> поиске истины по многим вопросам политической и общественной жизни через изложение подчас противоположных мнений» (14). Это тем более важно, что «Карамзин намеренно прибегал к источникам из французской, английской и немецкой периодики, которые давали ему возможность представить разнородную позицию мнений, политических речей и обзрений. А свою собственную позицию он заявлял в примечаниях, комментариях, пояснениях и специальных обобщающих статьях» (14).

Идейная структура «Вестника Европы», подробно рассмотренная О.Б. Кафановой, открылась как исключительно сложная и в этом качестве мало привычная читателю русских литературных журналов. Она отразила не только присущее Карамзину понимание возможностей журналистики, но и общие особенности его литературной практики: именно на системе перекличек литературы, истории, философии строились «Письма русского путешественника». «Вестник Европы», конечно, не только не был художественным произведением, но и не соответствовал расхожим представлениям о журнале как «едином тексте», и не случайно: Карамзин создал динамическую конструкцию, одновременно стремящуюся к единству и сохраняющую автономность каждого элемента.

Все частные наблюдения О.Б. Кафановой над содержанием переводов, сделанных Карамзиным для «Вестника Европы», опираются на результаты многолетних исследований, основной целью которых было установление их источников. Результаты феноменальны: в упомянутом выше указателе учтено 350 текстов (445–483; первый вариант

¹ Карамзинский перевод «Дзетанга», в основном не отклоняющийся от исходного текста, но далекий от буквализма (ср. хотя бы «храм предков» в переводе и «зал», «Saal der Vorfahren», в заглавии статьи Халема) завершается пересказом Эпикура, отсутствующим в подлиннике: «Или мы боимся напоминать себе тленность жизни?... Один Философ сказал, что для высочайшей степени душевного удовольствия необходима мысль о смерти: я думаю, что он знал человеческое сердце...» [Карамзин 1803: 33; ср.: Halem 1802: 60].

указателя: [Кафанова 1991]). В сущности, речь идет о том, что только сейчас и именно благодаря усилиям О.Б. Кафановой наследие Карамзина-переводчика открывается в его полном объеме. Дополнения и уточнения, как всегда в подобных случаях, возможны и неизбежны, но общая картина создана, и на ее основе будут внесены значимые коррективы в биографию Карамзина, в историю переводов в России, а следовательно, и в историю русской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <Вольтман, Карл-Людвиг.> Варфоломеевская ночь // Вестник Европы. 1805. № 19. С. 161–193; № 20. С. 241–272.
2. Жизнь Графа Миниха, Императорского Российского Генерал-Фельдмаршала. Сочинение Г<осподи>на Галема. Перевод с Немецкого. Ч. 1–2. М.: В Университетской типографии, 1806.
3. Жизнь Петра Великого, описанная Г.<осподином> Галемом. Перевод с Немецкого. Печатается по Высочайшему повелению. Ч. 1–3. СПб.: В Императорской Типографии, 1812–1813.
4. <Карамзин Н.М.> Дзетанг, или храм предков // Вестник Европы. 1803. № 1. С. 31–33.
5. Кафанова О.Б. Библиография переводов Н.М. Карамзина в «Вестнике Европы» (1802–1803) // XVIII век. Сб. 17. СПб., 1991. С. 249–283.
6. Кафанова О.Б. Переводы Н.М. Карамзина как культурный универсум. СПб., 2020.
7. Кафанова О.Б. Переводы Н.М. Карамзина в «Вестнике Европы». Контент, философия, поэтика. СПб., 2024.
8. *Halem, von Gerhard Anton*. Tsetang oder der Saal der Vorfahren // Geschichte und Politik. Eine Zeitschrift herausgegeben von Karl Ludwig Woltmann. 1802. B. 1. S. 58–60.
9. *Maximes et Pensées de Louis XVI et D'Antoinette*. Avec des notes secretes sur différents grands personages. A Hambourg et se trouve à Paris: Chez Lerouge, Imprimeur-Libraire, cour de Rohan, passage du Commerce, 1802.

REFERENCES

1. <Vol'tman, Karl-Lyudvig.> Varfolomeyevskaya noch' [St. Bartholomew's Day Massacre]. *Vestnik Yevropy*. 1805. № 19. P. 161–193; № 20. P. 241–272. (In Russ.)
2. Zhizn' Grafa Minikha [The Life of Count Munnich], Imperatorskogo Rossiyskogo General-Fel'dmarshala. Sochineniye G<ospodi>na Galema. Perevod s Nemetskogo. Parts 1–2. Moscow: V Universitetskoy tipografii, 1806. (In Russ.)
3. Zhizn' Petra Velikogo [The Life of Peter the Great], opisannaya G.<ospodinom> Galemom. Perevod s Nemetskogo. Pechatayetsya po Vysochayshemu poveleniyu. Parts 1–3. St. Petersburg: V Imperatorskoy Tipografii, 1812–1813. (In Russ.)
4. <Karamzin N.M.> Dzetang, ili khram predkov [Zetang, or the Temple of Ancestor]. *Vestnik Yevropy*. 1803. № 1. P. 31–33. (In Russ.)
5. Kafanova O.B. Bibliografiya perevodov N.M. Karamzina v «Vestnike Yevropy» [Bibliography of N.M. Karamzin's Translations in the “Bulletin of Europe”] (1802–1803). *XVIII vek*. Issue 17. St. Petersburg: Nauka Publ., 1991. P. 249–283. (In Russ.)

6. Kafanova O.B. Perevody N.M. Karamzina kak kul'turnyy universum [Translations of N.M. Karamzin as a Cultural Universe]. St. Petersburg: *Aleteyya Publ.*, 2020. (In Russ.)
7. Kafanova O.B. Perevody N.M. Karamzina v «Vestnike Yevropy». Kontent, filosofiya, poetika [Translations of N.M. Karamzin in the “Bulletin of Europe”. Content, Philosophy, Poetics]. St. Petersburg: *Aleteyya Publ.*, 2024. 504 pp. (In Russ.)
8. Halem, von Gerhard Anton. Tsetang oder der Saal der Vorfahre. In: Geschichte und Politik. Eine Zeitschrift herausgegeben von Karl Ludwig Woltmann. 1802. B. 1. S. 58–60.
9. Maximes et Pensées de Louis XVI et D'Antoinette. Avec des notes secretes sur différens grands personages. A Hambourg et se trouve à Paris: Chez Lerouge, Imprimeur-Libraire, cour de Rohan, passage du Commerce, 1802. [2], 230, [2] p.

Поступила в редакцию 16.06.2026

Принята к публикации 09.07.2026

Отредактирована 01.08.2026

Received 16.06.2026

Accepted 09.07.2026

Revised 01.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Павлович Ивинский — д.ф.н., профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; dmitrij_ivinskij@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dmitriy P. Ivinskiy — Prof. Dr. Department of Russian Literary History, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; dmitrij_ivinskij@mail.ru

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Парнис А.Е. Остров Хлебникова:
Материалы к творческой биографии поэта.
М.: Три квадрата, 2026. 452 с.**

С.Е. Бирюков

*Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия; s.e.biriukov@linguanet.ru*

Аннотация: В рецензии рассматривается книга А.Е. Парниса, в которой собраны работы разных лет, затрагивающие различные аспекты творчества и жизненного пути Велимира Хлебникова. Ряд разделов книги построен на взаимодействии с текстами поэтов — современников Хлебникова, а также исследователей его творчества и мемуаристов.

Ключевые слова: Велимир Хлебников; русская литература XX века; Ницше, творческая биография

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-19

Для цитирования: Бирюков С.Е. Рецензия на книгу: Парнис А.Е. Остров Хлебникова: материалы к творческой биографии поэта. М.: Три квадрата, 2026. 452 с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026, № 5. С. 210–216.

**BOOK REVIEW: Parnis A.E. Khlebnikov's Island:
Materials for the Poet's Creative Biography. Moscow:
Tri kvadrata Publ., 2026. 452 p.**

Sergey E. Biryukov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; s.e.biriukov@linguanet.ru

Abstract: This review examines a book by A.E. Parnis, a renowned Khlebnikov scholar. The book brings together works from various years, examining various aspects of Velimir Khlebnikov's life and work. Several sections of the book draw on texts by poets who were Khlebnikov's contemporaries, as well as scholars of his work and memoirists.

Keywords: Velimir Khlebnikov; Russian literature of the 20th century; Nietzsche, creative biography

For citation: Biryukov S.E. (2026) Review of the book: Parnis A.E. Khlebnikov's Island: Materials for the Poet's Creative Biography. Moscow: Tri Kvadrata Publ., 2026. 452 p. *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 210–216.

Александр Ефимович Парнис (р. 1938) отдал хлебниковедению 60 лет активной деятельности. Первый публикатор ряда текстов Хлебникова, он по крупицам собирал сведения о поэте, отыскивая тех, кто мог общаться с легендарным будетлянином. Открытия А.Е. Парниса рассыпаны по газетам, журналам, альманахам, сборникам. Все это работало на признание поэта. Вместе с выдающимся филологом В.П. Григорьевым А.Е. Парнис к столетию Хлебникова подготовил том «Творения». Затем он вместе с Вяч. Вс. Ивановым и З.С. Паперным подготовил своего рода хрестоматию «Мир Велимира Хлебникова», вобравшую в себя наиболее значительные работы о творчестве будетлянина с 1911 по 1998 гг. И в год 140-летия поэта, на Международной конференции «Вселенная Велимира Хлебникова» Александр Ефимович Парнис представил свою книгу «Остров Хлебникова». Ее название восходит к хлебниковским строкам:

Среди разъяренных учебников
Стоит как остров храбрый Хлебников.

Книга имеет скромный подзаголовок «Материалы к творческой биографии поэта», авторское предисловие названо «По дороге к Хлебникову». И то и другое название очень точно отражает содержание книги и собственно путь А.Е. Парниса, в течение шестидесяти лет ведущего уникальную исследовательскую и расследовательскую работу по воссозданию творческого пути своего героя. Здесь и его расследования о месте рождения Хлебникова, и очерк о взаимоотношениях братьев Хлебниковых — Александра и Виктора, и материалы о знакомстве и общении с Вяч. И. Ивановым, которого Хлебников считал своим учителем, и описание творческого взаимодействия поэта с художником Борисом Григорьевым, автором знаменитого портрета Хлебникова, и с поэтами Алексеем Крученых, Николаем Асеевым, и многие другие материалы.

В предисловии к книге известный американский славист и хлебниковед Хенрик Баран справедливо называет Парниса Искателем (с большой буквы). Это касается и поиска материалов о месте рождения, поиска архива, в котором могут быть материалы, имеющие отношение к Хлебникову, и дешифровки известного (или совсем неизвестного) произведения Поэта. Так, Парнис проводит детальную дешифровку знаменитого «Кузнечика», находя в этом миниатюрном стихотворении множество глубоких интертекстуальных связей. Так же тщательно он дешифрует стихотворение «Вам», убедительно доказывая, что оно посвящено Михаилу Кузмину, которого Хлебников

считал своим вторым учителем, после Вяч. И. Иванова. Парнис тщательно анализирует южнославянскую тему в творчестве Хлебникова и в свое время опубликовал рассказ будетлянина о Черногории «Закаленное сердце». В 1913 году Хлебников настаивал, чтобы во втором «Садке судей» были помещены стихи юной малороссианки Милицы. Высказывалось предположение, что настоящее имя Милицы — Елена Дзегановская. Но кто она и как связана с русскими футуристами, не было известно. А.Е. Парнис и в этом случае провел свое исследование, расширив наше представление о настроениях в кругу, близком Хлебникову.

Собственно, все работы, собранные в книгу, как раз посвящены расширению наших представлений о жизни и творчестве Хлебникова в разных направлениях. Сделано это всегда очень основательно, с подробными примечаниями, с публикацией текстов, которые либо печатаются впервые, либо извлекаются из практически недоступных источников.

По собственному признанию А.Е. Парниса — книголюба и книгочая, — более 60 лет назад ему в руки попал томик Хлебникова, составленный Н.Л. Степановым для Малой серии «Библиотеки поэта» (1960). Мало сказать, что молодой человек был ошеломлен необычными текстами. Но они его не только не оттолкнули, а постоянно притягивали. Он обратился к более ранним и более полным изданиям, в том числе к знаменитому пятитомнику 1928–1932 гг. И чем больше погружался в тексты и в то, что можно было прочесть о будетлянине, тем более и более убеждался в том, что жизненный и творческий путь Поэта полон легенд и загадок, которые вызвали к прояснению.

Александр Ефимович решил действовать. И начал с финала, с места упокоения Поэта. Он поехал в Новгородскую область, посетил дом, в котором прошли последние дни Хлебникова, поговорил с местной жительницей Евдокией Лукиничной Степановой, которая участвовала в похоронах Поэта, изучил всю ситуацию вокруг дома и написал статью в «Учительскую газету» о сохранении памяти Велимира в Новгородской области. И не только написал, но и обратился за поддержкой к видным деятелям литературы и искусства. Свои подписи в поддержку идеи в ту пору никому неизвестного молодого филолога поставили профессор Н. Степанов, народный артист СССР Г. Рошаль, литературовед З. Паперный, поэты А. Вознесенский, М. Зенкевич, С. Кирсанов, А. Межиров, Б. Слуцкий, И. Сельвинский, Л. Озеров.

Это был 1967 год. Так уже с первой публикации проявился и общественный дар начинающего исследователя, его умение привлечь к проблеме известных людей.

Дом не удалось сохранить. Но спустя годы в деревне Ручьи был создан музей Хлебникова. С 1986-го здесь ежегодно проходят хлебниковские конференции и чтения.

От жизненного финала Поэта исследователь обратился к истокам, к рождению. Сам Хлебников называл свое место рождения поэтически: «в стане монгольских, исповедующих Будду, кочевников», в биографических справках указывались разные сведения. Этому сюжету Парнис посвящает две статьи: он не только находит документы и свидетельства местных жителей, но и проводит анализ произведений поэта, в которых отразилось его отношение к месту рождения и первых детских лет.

Поэтический образ родины, образ «великой степи» постоянно, явно и подспудно присутствует в творчестве Хлебникова, а кочевая стихия калмыцкой степи, ее многовековая история продолжали вдохновлять поэта. И, как теперь совершенно очевидно, он прежде всего ощущал свой родной край местом эмблематической встречи Европы и Азии, цивилизации и кочевья, славянской и восточных, в частности калмыцко-монгольской, традиций и, наконец, местом, где встречаются четыре стихии — пустынная, степная, водная и лесная. К тому же поэт видел будущее родной Лебедии, где в устье Волги находится одно из уникальных заповедных мест России, «одним цветущим городом, одной, покрытой садами, общиной-задругой, на пути к единой общине Земного шара» (39).

Парнис затрагивает тему взаимоотношений Хлебникова с его современниками — писателями, художниками. Он воссоздает целостную картину художественной жизни, характеров творцов, например, проводит реконструкцию общения молодого Хлебникова и Вяч. И. Иванова: восстанавливает темы бесед и переписки по косвенным свидетельствам. Особое внимание заостряет на программном «Зверинце» Хлебникова, который поэт посвящает Иванову, что «свидетельствует об их внутренних и глубинных связях» (100), более того, Иванов под своим именем появляется в «Зверинце»: «Где косматовласый “Иванов” вскакивает и бьет лапой в железо, когда сторож называет его “товарищ”».

Продолжая анализ этого краеугольного произведения, исследователь затрагивает, конечно, влияние Уитмена, которое сам Хлебников иронически корректировал. Парнис обосновывает более важное влияние. Это «Так говорил Заратустра» Фридриха Ницше.

Культ Ницше буквально царил в начале XX века в России. Его беспрерывно переводили. И Хлебников был им увлечен и творчески перерабатывал его художественно-философские идеи, вплоть до ритмико-интонационного сходства с русскими переводами. Но Парнис и в этом случае выходит на существенные пересечения с Ивановым, который был своего рода проводником новейшей немецкой философии и особенно Ницше в России.

Парнис справедливо замечает: «Нужно подчеркнуть, что Хлебников воспринимал идеи Ницше, не только штудирова его тексты, а и через посредство Вяч. Иванова, который в первый период своего творчества был ницшеанцем и находился под большим влиянием немецкого философа. На его книжной полке стояли книги Ф. Ницше на русском и немецком языках. Многие произведения Вяч. Иванова (лирика, пьесы, статьи) были, как известно, «настояны» на идеях автора «Заратустры», однако он нередко полемизировал с ним и пародировал его. Конечно же, главными побудителями обращения Хлебникова к философии и идеям Ницше — непосредственными толчками — было не только штудирование произведений мэтра, но и беседы с ним на «башне», в которых он развивал различные идеи и мысли автора «Заратустры». Интересно заметить, что именно в 1908 г. Вяч. Иванов собирался, как он писал Брюсову, перевести книгу «Так говорил Заратустра» (104–105).

В работе, посвященной теме «Асеев и Хлебников», Иванов остается действующим лицом. «В 1914 г. в Москве Вяч. Иванов ведет беседы с Асеевым на те же темы, которые он обсуждал в Петербурге на “башне” пять лет назад — в 1909–1910 гг. — с начинающим поэтом Виктором Хлебниковым. В московских разговорах Асеев, быть может, сам того не подозревая, выступает в роли “двойника” Хлебникова» (113). А поскольку они постоянно говорят о Хлебникове, то ощущается его присутствие. Сам Асеев описывает свои разговоры с Ивановым в письме Хлебникову.

В Приложении к этой главе Парнис републикует статьи Асеева 1920 г. из дальневосточных газет и сопровождает их подробными комментариями. В результате складывается своеобразный гипертекст, состоящий из предваряющего текста исследователя, текстов Асеева и пристальных комментариев.

По такой же модели построены и некоторые другие разделы книги. Так, в разделе «Ищу я верников в себя...» Парнис прослеживает, как шло освоение идей и творений Хлебникова наряду с уточнением биографических моментов, при этом он публикует с подробными комментариями фрагменты мемуаров Алексея Крученых.

А также републикует объемную работу литературоведа Теодора Грица «Проза Велимира Хлебникова» (1933), которую сам Парнис впервые опубликовал в журнале «Литературное обозрение» (1996), привлекая внимание к перспективному анализу хлебниковской прозы, проведенному Т.С. Грицем. Напомню, что Т.С. Гриц вместе с Н.И. Харджиевым составил знаменитый том Хлебникова «Неизданные произведения» (1940) и отвечал в этом томе за прозу.

В поиске новых сведений о пути поэта исследователь обращается к различным источникам и их носителям. В том числе живущим за пределами России. Так, еще в советское время он списывается со словенским журналистом и литературоведом Янко Лавриным, который общался с Хлебниковым в пору длительного пребывания Лаврина в России и был своего рода проводником в интересующую поэта балканскую тему. По просьбе Парниса Лаврин пишет воспоминания, которые помогают высветить югославянскую линию творчества Велимира. Взятое на себя имя — особо подчеркивает этот интерес.

Вообще Парнис всячески стремится расширить ареал продвижения хлебниковских идей, да и даже просто общения. Так в материалах к биографии поэта возникает имя поляка Владислава Земацки, который встретился с Хлебниковым в солдатском лагере в Саратове. Они нашли общий язык, и Хлебников пригласил сослуживца в состав «Председателей Земного Шара». Парнису удалось найти Земацки и получить от него уточненные воспоминания об общении с поэтом.

Все, что касается поэта и его родни, настолько занимает исследователя, что он вместе с известным итальянским славистом Стефано Гордзонио решает проследить судьбу дяди Велимира, Петра Алексеевича Хлебникова — ученого, книга которого «Физика Земного шара» (и даже само ее название) оказала воздействие на поиски Велимира.

Но Парнис не был бы Парнисом, если бы он не собрал все возможные пересечения, которые были в зарубежье у этой ветви Хлебниковых. Итак, оказалось, что кузина Велимира Наталья Петровна Хлебникова была поклонницей творчества Бунина и переписывалась с ним. Она была женой итальянского композитора Микеле Эспозито. Семья долгое время жила в Дублине, где Эспозито был профессором в местной консерватории. Их дочь Вера стала актрисой местного театра и однажды экстремально столкнулась с Джойсом и безымянно отразилась в его «Улиссе»! А сын русско-итальянской семьи — Марио — специалист по средневековым ирландским кни-

гам — дружил с Самюелем Беккетом. И Беккет общался также с сестрами Эспозито. Одна из них — Бьянка — послужила прообразом героини в романе *More Pricks Than Kicks* (1934).

Таким образом, исследователи через эту ветвь Хлебниковых протянули виртуальную нить к Велимиру из Европы.

Закljučая, следует сказать, что это первая книга А.Е. Парниса, в которой он собрал часть своих работ, посвященных Велимиру Хлебникову. Она послужит хорошим подспорьем тем, кто будет обращаться к творчеству и жизненному пути великого будетлянина.

Поступила в редакцию 16.06.2026

Принята к публикации 23.07.2026

Отредактирована 01.08.2026

Received 16.06.2026

Accepted 23.07.2026

Revised 01.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Сергей Евгеньевич Бирюков — доктор культурологии, ведущий научный сотрудник лаборатории сравнительного литературоведения и культурной дипломатии Московского государственного лингвистического университета; s.e.biriukov@linguanet.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey E. Biryukov — Doctor of Cultural Studies, Leading Researcher at the Laboratory of Comparative Literature and Cultural Diplomacy at Moscow State Linguistic University; s.e.biriukov@linguanet.ru

ISSN 0130-0075

ISSN для электронной версии 2949-2688 от 02.05.2023

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2026. № 5. 1–216.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.